

INTERNASJONAL FAGKONFERANSE

Den glemte historie

Artikkelsamling

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Забытая история

Сборник докладов

HELGELAND
MUSEUM
HELGELAANTEN
MUSEUME

INTERNASJONAL FAGKONFERANSE

Den glemte historie

Helgeland Museum,
Grønsvik kystfort, april 2023

Artikkelsamling

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ

Забытая история

Прибрежный форт Грёнсвик,
музей Хельгеланда, апрель 2023

Сборник докладов

HELGELAND
MUSEUM
HELGELAANTEN
MUSEUME

2025

ISBN: 978-82-92785-18-8
© 2025 Helgeland Museum
Sjøgata. 23 E
8656 Mosjøen
Telefon: 75 11 01 00
E-mail: post@helmus.no
www.helgelandmuseum.no

Alle rettigheter forbeholdt. Ingen deler av denne boken må reproduseres, distribueres, lagres i et gjenfinningssystem eller overføres i noen form eller på noen måte, elektronisk, mekanisk, ved fotokopiering, innspilling eller på annen måte, uten skriftlig forhåndstillatelse fra utgiveren.

Utgiver:	Helgeland Museum
Redaktør:	Ksenia Matsegora
Faglig redaktør:	V. N. Professor
Tekstredaktør:	Totaltekst AS, Oslo
Oversettelse:	Natalia Maria Vigrestad, Ksenia Matsegora
Trykk og innbinding:	Bokfabrikken AS, Oslo
Omslagsdesign:	Bokfabrikken AS, Oslo
Omslagsbilde:	Utsikt over museum fra Grønsvik kystfort.
	Foto: Ksenia Matsegora

Utgitt med støtte fra Forsvaret.
Konferanse ble organisert med støtte fra Barentssekretariatet.
1. opplag, i 200 eksemplarer

© 2025 Музей Хельгеланда
Sjøgata. 23 E
8656 Mosjøen
Телефон: (+47) 75 11 01 00
Эл. почта: post@helmus.no
www.helgelandmuseum.no

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена, распространена, сохранена в поисковой системе или передана в любой форме или любыми средствами, электронными, механическими, фотокопировальными, записывающими или иными, без предварительного письменного разрешения издателя.

Издатель:	Музей Хельгеланда
Составитель:	Ксения Мацегора
Научный редактор:	V. N. Professor
Текстовый редактор:	Totaltekst AS, Осло
Перевод:	Наталия Мария Вигрестад, Ксения Мацегора
Печать и переплет:	Bokfabrikken AS, Осло
Дизайн обложки:	Bokfabrikken AS, Осло
Иллюстрация обложки:	Вид на музей с прибрежного форта Грёнсвик.
	Фото: Ксения Мацегора

Издано при финансовой поддержке Министерства обороны Норвегии.
Конференция организована при поддержке Баренц-секретариата.
Тираж: 200 экземпляров

A word cloud of Norwegian words related to war and conflict. The words are arranged in a circular pattern around the central word 'konflikt'. The words are in various colors and fonts, including bold, italicized, and outlined styles. The words are: 'konflikt' (red, bold, center), 'KAMP' (brown, outlined, top center), 'Krig' (red, bold, top left), 'okkupasjon' (orange, bold, top), 'fred' (green, italicized, top right), 'totalitarisme' (purple, bold, right), 'angrep' (pink, italicized, right), 'samfunn' (green, bold, right), 'sult' (grey, bold, top right), 'rettighet' (black, vertical, top right), 'industrialisering' (blue, bold, top right), 'trussel' (purple, bold, top left), 'kommunist' (black, italicized, top left), 'utvikling' (yellow, bold, top left), 'eksplosjon' (black, vertical, top left), 'nazisme' (orange, bold, center), 'diktatur' (green, bold, bottom left), 'nød' (yellow, bold, bottom left), 'fascist' (black, bold, bottom left), 'revolusjon' (red, bold, bottom left), 'katastrofe' (blue, bold, bottom left), 'flyktninger' (green, bold, bottom left), 'ødeleggelse' (purple, bold, bottom left), 'tortur' (black, italicized, bottom left), 'militær' (green, bold, bottom center), 'frykt' (blue, bold, bottom center), 'ruiner' (black, bold, bottom center), 'overgrep' (yellow, bold, bottom right), 'krigsfanger' (black, italicized, bottom right), 'lidelse' (red, bold, bottom right), 'atomvåpen' (yellow, bold, bottom right), 'partisan' (red, bold, bottom right), 'ideologi' (blue, bold, bottom right), 'frihet' (pink, bold, bottom right), 'makt' (blue, bold, bottom right), 'grusomhet' (blue, bold, bottom center), and 'ideologi' (blue, bold, bottom right).

konflikt

KAMP

Krig

okkupasjon

fred

totalitarisme

angrep

samfunn

sult

rettighet

industrialisering

trussel

kommunist

utvikling

eksplosjon

nazisme

diktatur

nød

fascist

revolusjon

katastrofe

flyktninger

ødeleggelse

tortur

militær

frykt

ruiner

overgrep

krigsfanger

lidelse

atomvåpen

partisan

ideologi

frihet

makt

grusomhet

INNHold

Forord	7
Krigsfanger og sivile fra Ukraina i Norge 1941–1945	15
Michael Stokke	
Operasjon asfalt – glemte minner og ny kald krig om krigsgraver?	31
Marianne Neerland Soleim	
Samarbeid mellom Norge og Russland – eller konflikt og propaganda?	50
Sofus Vikeså Kjeka	
Undertrykkelse i det kulturelle minnet og minnepolitikk i Sovjetunionen og det postsovjetiske Russland.	60
V. N. Professor	
Stalins regime på vei tilbake ...?	96
Ragnar Selnes	
Historien til Leiv Kreyberg	115
Ronald Nystad-Rusaanes	
Vidkun Quisling og hans humanitære arbeid i Sovjet-Ukraina	142
Ksenia Matsegora	
«Den ubehagelige fortiden» på sidene i lærebøker for videregående skole	166
Vasilij Kuznetsov	
Mihail Kopica	
Koloniale motiver i russiske lærebøker i historie	182
Mikhail Kopitsa	
Artikkelforfattere	201

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	10
Военнопленные и гражданские лица из Украины в Норвегии 1941–1945 гг.....	22
Михаэль Стокке	
Операция «Асфальт»: забытые воспоминания и новая холодная война из-за воинских захоронений?	40
Марианна Нирланд Сулейм	
Норвегия и Россия – сотрудничество или конфликт и пропаганда?.....	55
Софус Викесо Кьека	
Репрессии в культурной памяти и политике памяти в СССР и постсоветской России.....	77
V.N. Professor	
Сталинизм возвращается?	105
Рагнар Сельнес	
История Лейфа Крейберга	128
Рональд Нистад-Русаанес	
Видкун Квислинг и его гуманитарная деятельность в Советской Украине	153
Ксения Мацегора	
«Неудобное прошлое» на страницах школьных учебников в старших классах	174
Василий Кузнецов	
Михаил Копица	
Колониальные сюжеты на страницах российских учебников истории	191
Михаил Копица	
Авторы статей.....	202

Forord

Denne samlingen inneholder foredrag som ble holdt i april 2023 på en internasjonal fagkonferanse med tittelen «Den glemte historie». Konferansen ble arrangert av Helgeland Museum ved deres avdeling i Lurøy kommune, samt i Mo i Rana, med støtte fra Barentssekretariatet.

Ideen om å holde konferansen oppstod som en reaksjon på hendelser i dagens verden. De siste tiårene har vi stadig oftere vært vitne til hvordan historien brukes til å forme opinionen: noen fakta tones ned, mens andre gis ny betydning. Historiske narrativer tilpasses tidvis etter politiske prioriteringer, noe som reiser viktige spørsmål om samfunnets forståelse av fortiden. Konferansen har som mål å undersøke hvordan slike prosesser påvirker samfunnet og dets evne til en meningsfylt dialog om fortiden. Politologen og forskeren Olga Malinova, en fremtredende ekspert på minnepolitikk i dagens Russland, skriver om hvordan dominerende historiske myter blir konstruert og det kollektive minnet manipulert med mål om å forme og styrke spesifikke samfunnsmessige holdninger. I sitt arbeid beskriver hun hvordan konstruksjonen av identitet i samfunnet omfatter minnepolitikk – skapelsen og befestelsen av bestemte forestillinger om fortiden i samfunnsbevisstheten. Denne aktiviteten, som er rettet mot å etablere «sosiale bilder» av historie, utføres av ulike sosiale aktører, blant annet profesjonelle historikere, journalister, forfattere, filmskapere og politikere.¹

Appell til fortiden spiller en viktig rolle i dannelsen av moderne russisk identitet. Historiske hendelser benyttes selektivt: militære seire heroiseres, og represjoner legitimeres ofte eller tones ned, noe som understreker betydningen av staten og dens tradisjoner i den offentlige oppfatningen.

På konferansen ble det diskutert temaer som hittil har fått begrenset oppmerksomhet i historieforskningen, særlig når det gjelder forholdet mellom de nordiske landene og mellom Russland og Norge. Blant

1 Malinova, O. Yu. (2013). *Konstruering av meninger: En studie av symbolsk politikk i det moderne Russland*. Moskva: INION RAN.

hovedtemaene i innleggene var hendelser fra andre verdenskrig i Norge, sovjetiske represjoner, samt bevaring av historisk minne og innvirkningen av statlig politikk på utdanning og kultur. Foredragene tok opp emner som represjoner i den kollektive hukommelsen og minnepolitikk i Sovjetunionen og postsovjetisk Russland, bruk av militære gravplasser som politisk pressmiddel, skjebnene til krigsfanger i Norge 1941–1945 og Vidkun Quislings livssyn og hvordan dette ble påvirket av hungersnøden i Ukraina 1921–1924, som han var vitne til gjennom sitt arbeid i Nansenmisjonen. Andre temaer som ble tatt opp, var Leiv Kreyberg og hans innsats som major i den norske hærs sanitetstjeneste og ansvarlig for alle fangeleirer i 1945, russiske historiebøker som middel til indoktrinering, osv.

På konferansen deltok museumsansatte, forskere, lærere og musikere fra Norge, Finland, Montenegro og Russland, inkludert de som har blitt tvunget til å forlate landet og fortsette sin virksomhet i utlandet.

Konferansens første dag ble holdt på Grønsvik kystfort, en avdeling av Helgeland Museum, som ligger i Lurøy kommune. Stedet ble valgt med omhu: Museet ligger på stedet for et tidligere tysk forsvarsfort, bygget i 1942–1945, under okkupasjonen av Norge. Fortet var en del av Atlanterhavsvollen, bygget med tvangsarbeid av polske og sovjetiske krigsfanger. Museet belyser Tysklands okkupasjon av Norge under andre verdenskrig, og dette vises særlig i den faste utstillingen «Forræderen». En egen del av utstillingen er viet den kalde krigen og motsetningene mellom vestlige land og Sovjetunionen – en konflikt som inntil nylig virket avsluttet og skapte en følelse av at krig i Europa aldri ville skje igjen.

Etter den teoretiske delen av arrangementet dro alle deltakere og gjester til gravstedet for syv sovjetiske krigsfanger som mistet livet under andre verdenskrig. De var borgere av Sovjetunionen og kom fra områder som i dag utgjør Russland, Ukraina og Belarus. Konferansedeltakerne hedret minnet om de falne soldatene og la ned blomster på gravstedet.

På den andre dagen samlet konferansedeltakerne seg i Mo i Rana, hvor de besøkte den lokale gravplassen for sovjetiske krigsfanger. Dette gravstedet er unikt fordi det forble på sitt opprinnelige sted, det unngikk flytting under den hemmelige Operasjon asphalt, som ble gjennomført av den norske regjeringen i 1951. Operasjon Asphalt gikk ut på å ekshumere levningene av tusenvis av sovjetiske soldater som døde i Norge under andre verdenskrig, og flytte dem til en felles gravplass på øya Tjøtta. I Mo i Rana var imidlertid lokalbefolkningen uenig i at gravene skulle flyttes, og organiserte aktive protester mot denne operasjonen. Takket

Gravplassen ved Grønsvik kystfort, hvor sju sovjetiske krigsfanger ble gravlagt under andre verdenskrig.

Grønsvik, 2023

Foto: Ksenia Matcegora

Sovjetisk gravplass i Mo i Rana. Markering av frigjøringsdagen, Mo i Rana, 8. mai 2024

Foto: Ksenia Matcegora

være deres innsats ble denne spesifikke gravplassen for sovjetiske krigsfanger bevart på sitt opprinnelige sted.²

Etter besøket på gravplassen deltok konferansedeltakerne på en omvisning i en avdeling av Nasjonalbiblioteket i Mo i Rana, der digitalisering av trykte bøker foregår kontinuerlig. Deltakerne fikk også en demonstrasjon av prosessen for restaurering av eldre film- og radiomateriale.

Det er verdt å merke seg at det har gått mer enn ett år siden konferansen ble holdt, og mye har endret seg i verden siden den gang. Disse endringene er viktige å ta i betraktning når vi trekker paralleller til hendelsene i dagens Russland.

Vi takker alle konferansedeltakerne og artikkelforfatterne. En spesiell takk til Barentssekretariatet for økonomisk støtte til konferansen, og til Forsvaret for støtte til denne utgivelsen.

Ksenia Matcegora

V. N. Professor

2 Thjømøe, S. L. og Næss, Ø. N. (2016). Byen som stoppet likskjenderne. VG. Hentet fra <https://www.vg.no/nyheter/i/q5dog/byen-som-stoppet-likskjenderne>

Предисловие

В сборник вошли материалы международной научно-практической конференции «Забытая история», которая состоялась в апреле 2023 года. Конференция была организована музеем Хельгеланда в Норвегии при финансовой поддержке норвежского Баренцева секретариата. Ее работа проходила на базе отделов музея в коммуне Люрёй губернии Нурланн и городе Му-и-Рана.

Идея проведения конференции возникла как ответ на события, происходящие в современном мире. В последние десятилетия мы все чаще становимся свидетелями того, как история используется для формирования общественного мнения: одни факты и события исчезают из государственного и медийного дискурсов, другим придается новое значение. Исторические нарративы порой адаптируются в зависимости от текущих политических приоритетов, что ставит перед учеными вопросы о важности исторического знания.

Конференция была призвана рассмотреть, как подобные процессы влияют на общество и его способность к осмысленному диалогу о прошлом. Политолог и исследователь О.Ю. Малинова, эксперт по вопросам политики памяти в современной России, пишет о конструировании доминирующих исторических мифов и манипуляциях с коллективной памятью с целью формирования и усиления определенных общественных установок. В своей работе она описывает, как конструирование идентичности в обществе включает политику памяти — создание и закрепление в общественном сознании определенных представлений о прошлом. Эта деятельность, направленная на создание «социальных образов» истории, осуществляется различными социальными агентами, включая профессиональных историков, журналистов, писателей, кинематографистов и политиков.¹ Апелляция к прошлому играет важную роль

1 Малинова О. Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. М.: ИНИОН РАН, 2013.

в формировании современной российской идентичности. Исторические события используются избирательно: военные победы героизируются, а репрессии нередко легитимируются или смягчаются. Для их оправдания используется рационализация, манифестирующая прогрессивный, модернистский характер репрессий и приоритет государственных интересов над личными.

На конференции обсуждались темы, которые до сих пор не получили широкой огласки в исторической науке и касаются отношений между северными странами, прежде всего — России и Норвегии. Основными темами выступлений стали события Второй мировой войны в Норвегии, советские репрессии в отношении граждан своей страны, вопросы сохранения исторической памяти, а также влияние государственной политики на образование и культуру. Доклады охватывали такие вопросы, как репрессии в культурной памяти и политика памяти в СССР и постсоветской России, использование воинских захоронений в качестве инструмента политического давления, судьбы военнопленных в Норвегии в 1941–1945 гг., роль Видкуна Квислинга в современной истории Норвегии и влияние на его мировоззрение Голодомора 1921–1924 гг. в Украине, деятельность Лейва Крейберга — норвежского майора армейской санитарной службы, назначенного ответственным за лагеря военнопленных в 1945 г., роль российских учебников истории как средства индоктринации, и другие вопросы.

В конференции принимали участие сотрудники музеев, ученые, педагоги, музыканты из Норвегии, Финляндии, Черногории и России, в том числе, вынужденно уехавшие из страны и продолжающие свою деятельность за рубежом.

В первый день конференция прошла в Прибрежном форте Грён-свик, в одном из отделов музея Хельгеланда, расположенном в коммуне Люрёй. Это место было выбрано неслучайно: музей находится на территории бывшего немецкого оборонительного форта, построенного в 1942–1945 гг. в период оккупации Норвегии Германией. Форт был частью Атлантического вала, возведенного с помощью принудительного труда польских и советских военнопленных. Музей освещает оккупацию Норвегии Германией во время Второй мировой войны; в одной из его постоянных экспозиций под названием «Предатель» представлены ключевые события того периода. Отдельный раздел посвящен «холодной войне» и противостоянию Запада и Советского Союза — конфликту, который до недавнего

Захоронение у прибрежного форта Грёнсвик, где во время Второй мировой войны были похоронены семь советских военнопленных. Грёнсвик, 2023
Фото: Ксения Мацегора

Захоронение советских военнопленных в г. Му-и-Рана. Мероприятие в честь Дня освобождения Му-и-Рана, 8 мая 2024 г.
Фото: Ксения Мацегора

времени казался завершённым, создавая ощущение, что война в Европе больше никогда не повторится.

После теоретической части мероприятия все участники и гости направились к месту захоронения семи советских военнопленных, погибших в годы Второй мировой войны. Они были гражданами Советского Союза, родившимися на территории современных России, Украины и Беларуси. Участники конференции почтили память павших солдат и возложили цветы на их могилу.

На второй день участники конференции собрались в норвежском городе Му-и-Рана, где посетили еще одно местное захоронение советских военнопленных. Это кладбище является уникальным, так как оно в отличие многих других захоронений осталось на своем первоначальном месте, избежав переноса в рамках секретной операции «Асфальт», проведенной норвежским правительством в 1951 году. Операция была направлена на эксгумацию и перемещение останков советских военнопленных, погибших в Норвегии во время Второй мировой войны, на единое кладбище на острове Тьётта в Норвежском море. Однако в Му-и-Ране местные жители организовали активные протесты против этой операции, выразив несогласие

с переносом захоронений. Благодаря их усилиям это кладбище было сохранено на своем изначальном месте.²

После посещения захоронения участники приняли участие в экскурсии по отделу дигитализации в Норвежской национальной библиотеке в городе Му-и-Рана, где осуществляется постоянная оцифровка печатных книг и реставрация аудио- и видеозаписей. Участникам конференции продемонстрировали процесс реставрации старых кино- и радиоматериалов.

Следует отметить, что с момента проведения конференции до выпуска сборника прошло более года, и за это время многое в мире изменилось. Эти изменения важно учитывать при проведении параллелей с событиями, происходящими в современной России.

Мы выражаем благодарность всем участникам конференции и авторам статей. Особая благодарность выражается норвежскому Баренцеву секретариату за финансовую поддержку в проведении конференции и Министерству обороны Норвегии за финансовую поддержку издания сборника.

Ксения Мацегора
V.N. Professor

2 Тъёмёз, С. Л., Несс, Э. Н. Город, который остановил осквернителей могил. VG, 2016 Взято: <https://www.vg.no/nyheter/i/q5dog/byen-som-stoppet-likskjenderne>

Krigsfanger og sivile fra Ukraina i Norge 1941–1945

Michael Stokke
Historiker med ph.d.
Forsker ved Narviksenteret

ABSTRAKT

Denne artikkelen utforsker skjebnen til sovjetiske krigsfanger og sivile tvangsarbeidere i Norge under andre verdenskrig, med et spesielt fokus på den skiftende offisielle minnepolitikken og dens innvirkning på vår forståelse av historien. Ulike aspekter ved behandlingen av krigsfangene undersøkes, inkludert nazistenes rasediskriminering, etnisitetens betydning, fangenes relasjon til de tyske myndighetene, og den etterfølgende repatrieringen til Sovjetunionen. Artikkelen tar opp spørsmålet om hvordan ukrainske krigsfanger skal omtales, og analyserer de utfordringene sovjetiske borgere sto overfor ved hjemkomsten. Det presenteres eksempler på brev fra ukrainere som fryktet retur til Sovjetunionen, samt tilfeller der noen av dem klarte å bli værende i Norge. Artikkelen viser hvordan dagens minnepolitikk bidrar til en ny forståelse av sovjetiske krigsfangers historie, sett i lys av nåtidens politiske realiteter.

Innledning

I løpet av andre verdenskrig ble totalt 5,2 millioner soldater fra den røde arme tatt til fange, og i perioden fra juni 1941 til januar 1942 døde 1,5 millioner. I Norge døde cirka 14 000 sovjetiske krigsfanger i løpet av krigen. For å møte behovet for arbeidskraft til omfattende byggeprosjekter,

spesielt i Norge, besluttet Hitler 31. oktober 1941 å bruke krigsfanger og sivile i arbeid.¹

I mai 2022 i Agder fylke i Norge, ble en krigsfange fra Ukraina minnet med den sannsynligvis første minnetavlen der teksten var på ukrainsk og ikke russisk. Minnetavlen ble avduket av den ukrainske ambassadøren i Norge². Dette kan representere en ny tilnærming til å fremheve nasjonalitet fremfor tidligere historiske betegnelser, og kan føre til etableringen av en ny minnepolitikk. Hvordan vil vi som museum og forskningsinstitusjon og andre i Norge forholde seg til det?

Jeg vil beskrive hvem de sovjetiske krigsfangene i Norge var, og fordelingen på nasjonaliteter. Men det melder seg et spørsmål: Hvilken betegnelse er best å bruke om ukrainerne?

1. Krigsfanger fra sovjetrepublikken Ukraina i Norge 1941–1945
2. Sovjetiske krigsfanger fra republikken Ukraina i Norge 1941–1945
3. Ukrainske krigsfanger i Norge 1941–1945

«Ukrainske krigsfanger» mener jeg blir litt feil, det samme gjelder «russiske krigsfanger». Foreløpig mener jeg den første betegnelsen er mest korrekt.

Det nazistiske rase- og diskrimineringshierarkiet i Norge

Under andre verdenskrig var det rundt 120 000 fanger og tvangsarbeidere i Norge³. De inkluderte følgende kategorier:

1. europeiske sivile tvangsarbeidere (franske, belgiske, tsjekkiske osv.)
2. polske sivile tvangsarbeidere
3. sovjetiske sivile tvangsarbeidere («Ostarbeiter») – menn, kvinner og barn (7500)
4. polske krigsfanger (1700, ca. 20 døde)
5. jugoslaviske krigsfanger (4200, 2360 døde)
6. tyske straffanger
7. sovjetiske krigsfanger (92 000, ca. 14 000 døde)

1 Michael Stokke. *Sovjetiske og franske sivile tvangsarbeidere i Norge 1942–1945*. Masteroppgave i historie ved Universitetet i Bergen, 2008.

2 Fædrelandsvennen, 16.5.2022

3 Soleim, M. (2009). *Sovjetiske krigsfanger i Norge 1941–1945 – antall, organisering og repatriering*. Oslo: Scandinavian Academic Press.

De som hadde det verst, var de jugoslaviske fangene i Norge, med en dødsrate på ca. 60 %. Dødstallene gikk ned etter at de begynte å motta Røde Kors-pakker i april 1943.

60 000 repatrierte fanger og sivile fra Sovjetunionen kom fra 55 etniske grupper. Dette er hva fangene selv oppga da de reiste hjem sommeren 1945. De største gruppene er russere og ukrainere. De sovjetiske krigsfangene hadde en dødsrate på ca. 13 %.

Ble de sovjetiske krigsfangene i Norge behandlet forskjellig alt etter hvilken etnisk gruppe de tilhørte? Behandlet nazistene for eksempel ukrainere bedre enn russere eller mongoler? Historikeren Marianne Soleim, som har forsket på dette tidligere, skriver i sin doktorgradsavhandling at de ulike folkegruppene fikk omtrent samme behandling. Men nazistene snakket og skrev nedsettende om de som kom fra områdene øst i Russland⁴.

Nazistene så altså ikke ut til å behandle noen nasjonaliteter blant de sovjetiske krigsfangene bedre enn andre, men de prioriterte enkelte grupper når det gjaldt å verve fanger til tysk tjeneste som hjelpevakter. Ukrainere, latviere, estlendere og hviterussere ble ofte foretrukket til slike roller. Soleim har skrevet om rundt 1200 ukrainere som ble utdannet til hjelpevakter i Finnmark i 1942⁵. Det er imidlertid få eksempler på liknende tilfeller senere. Hjelpevakter ble også brukt andre steder, som for eksempel ved byggingen av Nordlandsbanen, men det er uklart om det ble rekruttert spesifikke nasjonaliteter til disse oppgavene.

Andre ble også vervet blant de sovjetiske krigsfangene. Aserbajdsjanere, turkmenere og også ukrainere hadde egne bataljoner i tysk tjeneste, og til ROA, den russiske frigjøringsarmeen under general Vlasov, var alle nasjonaliteter velkommen. Hjelpevaktene ble altså ikke bare utvalgt etter nasjonalitet.

Den andre gruppen fra Sovjetunionen som var i Norge, var de sivile, og der var det mange ukrainere. Ostarbeiter-området er Øst-Polen, som ble Hviterussland fra 1939, og nesten hele nåværende Ukraina, minus Galicja, der Lviv er. Blant østarbeiderne i Norge og Tyskland er en stor gruppe med flyktninger.

De retirerende tyske styrkene tok med seg lokalbefolkningen fra Ukraina og Belarus vestover for at ikke mennene skulle gå i militærtjeneste i Den

4 Same

5 Same

En av de 150 ukrainske kvinnelige sivile tvangsarbeiderne som arbeidet på frossenfiskfabrikken i Hammerfest under andre verdenskrig
Foto: Ukjent, fra arkivet ved Narviksenteret

røde arme. Bare i siste halvdel av 1943 ble 1,1 millioner mennesker tvangs-deportert⁶. Et ukjent antall av disse kom til Norge.

Fra januar 1944 og utover våren kom 2868 flyktninger til sju flyplasser over hele Norge. Det var hele familier, menn, kvinner og barn. De første fra Leningrad-området ble sendt til Kirkenes. Senere kom de til andre steder. Blant 1814 østarbeidere på Østlandet var det 150 kvinner og 50 barn.

Et brev

Østarbeidere på Rygge, 279 sivile ukrainere, skrev et brev til Røde Kors og ba om å ikke bli sendt hjem.⁷ Det var 57 kvinner og 16 barn blant dem. En forkortet versjon av dette brevet er gjengitt her:

⁶ Same

⁷ Statsarkivet i Russland. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). F. 9526, Op. 6, D. 69. Brev fra østarbeidere på Rygge.

Rygge, 15. mai 1945. En søknad til Røde Kors i Norge fra de ukrainske emigranter på Rygge leir for «ostarbeiter».

Årsaker til emigrasjon fra Sovjetunionen (SSSR).

Ubudne okkupanter kom til vårt land. Etter Stalins brutale og blodige diktatur havnet vi under en annen, ikke mindre brutal, makt, som under trussel av arrestasjoner og til og med dødsstraff tvang oss til å arbeide. Vi måtte arbeide for tyskere, men vi har ingen sympati for deres menneskefiendtlige politikk, men vi har heller ikke hatt noen sympati for den sovjetiske makten og kommunistpartiet, som forårsaket enorme lidelser hos vårt folk. Slike lidelser har aldri forekommet tidligere i menneskehetens historie, slik som den kunstige hungersnøden i Ukraina i 1932/33, samt terroren i 1937 /38.

Det er klart hva som forventes av oss, fordi vi fordømte handlingene til den sovjetiske makten i moderlandet. Dessuten jobbet vi med tyskerne, selv om vi følte avsky for deres politikk. I Ukraina ble det kamp mot begge okkupantene, både tyskerne og bolsjevikene.

Og så, for å redde, eller i det minste forlenge, livene våre ble vi tvunget til å forlate vårt hjemland og dra til et fremmed land med annerledestenkende mennesker. Vi sluttet oss frivillig til «østarbeiderne». Det var vanskelig, men samtidig var dette den eneste muligheten for emigrasjon.

Nå har tyrannen falt, den undertrykte menneskeheten puster fritt og føler frihet og glede. Vi deler gleden til lykkelige mennesker. Men vi har aldri blitt Hitlers støttespillere, samtidig føler vi avsky for Stalin. Vi ønsker ikke å vende tilbake under hans umenneskelige makt! Vi vil ikke og kan ikke gå tilbake, og hvis vi har valget mellom «død eller retur», så velger vi det første.

Kun 50 av dem ønsket frivillig å reise hjem. Det endte tragisk, da den nye kommunistiske ledelsen drepte en av dem som nektet å dra. Amerikanske soldater måtte til slutt omringe leiren og fysisk bære flyktningene inn i lastebiler som skulle frakte dem til toget til Sovjet, via Sverige.

Andrej Samaljenko er en av de få som klarte å flykte fra Rygge-leiren etter krigen, og som ble værende i Norge. Han forteller at nazistene

presset ham til å være landsbyleder i landsbyen i Ukraina.⁸ Derfor var han redd da tyskerne trakk seg ut, og ble med flyktingene vestover. Dette gjaldt ikke bare ukrainere, også russere og andre som var mot Sovjetstyret, kommunistene, ble værende i Vesten etter 1945. Ifølge Jalta-avtalen fra 1945 mellom Sovjet, USA og England, skulle alle sovjetborgere sendes hjem, om nødvendig med tvang. Jeg har funnet ca. 30 sovjetborgere som klarte å bli værende igjen i Norge, fra flere sovjetrepublikker. Noen ble igjen fordi de var antikommunister og noen på grunn av kjærlighet til norske kvinner.

Dette har jeg gått grundig inn i, da jeg har hjulpet folk i Halden som klarte å komme ut av leiren i Rygge ved å si at de var polakker. Det var et ektepar med to barn. I 2022 fant jeg ut at de ikke var polakker, men ukrainske polakker som kom fra Zhytomyr. Barna ble så overrasket. Verken faren eller moren hadde sagt noe så lenge de levde. Barna har nå, ved hjelp av en ukrainer som hjelper meg å lete, fått kontakt med et søskenbarn i Zhytomyr. Foreldrene snakket aldri om fortiden, av frykt for at norske myndigheter ville sende dem tilbake hvis de fant ut at de var fra Sovjet. Nå har barna plutselig en stor slekt i Ukraina, og vi regner med å finne flere slektninger på morens side.

Tilbakekomst

Hva skjedde med de sovjetiske krigsfangene som var i Norge, da de kom hjem? Det har mange lurt på.

Russiske historikere fikk gå inn i arkiv etter 1990 og har funnet tall fra hele Europa jeg mener er til å stole på.⁹ Bare omtrent 18 % av krigsfangene vendte hjem, mens 40 % fortsatte å tjene i den røde hæren, og 20 % jobbet i en arbeidsbataljon i to år. Etter de to årene reiste de hjem og var fri, men passet deres hadde alltid et hjemlandsstempel, og de ble nektet høyere utdanning og prestisjetunge jobber. Det var 15 % av krigsfangene som ble sendt til NKVD-leire. Sivile gikk det mye bedre for, bare 2 % sendt til Gulag. Halvparten av de sivile var kvinner.

Jeg har hatt besøk av fire fanger i Bergen, og også andre steder har tidligere fanger kommet på besøk. Jeg har også fått 30–40 brev fra andre

8 Vi Menn, 10. februar 1984. Tilgjengelig via Magasinarkivet.no.

9 Zemskov V. Repatrieringen av sovjetiske borgere og deres videre skjebne 1944–1956
// Sosiologisk tidsskrift nr. 6-1995

tidligere fanger. Det de kunne fortelle, samstemmer med denne informasjonen om deres skjebner etter frigjøringen.

Tidligere krigsfanger og tvangsarbeidere turte ikke å skrive til Norge. KGB sensurerte post og ønsket ikke at det ble for mye kontakt med Vesten. Ikke før etter 1990 kunne tidligere fanger besøke Norge.

Den 14. mai 2022, i Lyngdal, ble den første minneplaten for en ukrainsk krigsfange avduket.¹⁰ En bevart gravstein og informasjonsskilt ble tatt vare på. En norsk-ukrainsk forening står bak denne nye tilnærmingen til minnearbeidet.

Tidligere var det vanlig å henvende seg til den russiske ambassaden i forbindelse med oppføring av minnetavler eller andre arrangementer. Narviksenteret har hatt et godt samarbeid med russiske historikere om krigsfangeprosjekter, men nå er slike prosjekter stoppet.

Dette kan markere en ny retning i minnepolitikken overfor sovjetiske krigsfanger blant forskere og museer i Norge. Det er mulig at de enkelte nasjonalitetene vil få større oppmerksomhet, og at man vil snakke om for eksempel russiske, ukrainske og kasakhstanske soldater i stedet for å bruke den generelle betegnelsen «sovjetiske krigsfanger».

10 Holdal, P.-K. (2022, 21. mai). Det første ukrainske minnesmerke i Norge. S2PU. <https://s2pu.com/index.php/en/news/pa-norsk/207-det-forste-ukrainske-minnesmerke>

Военнопленные и гражданские лица из Украины в Норвегии 1941–1945 гг.

Михаэль Стокке

Доктор истории

Научный сотрудник Музея Нарвикцентр

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается судьба советских военнопленных и гражданских подневольных работников, находившихся в Норвегии во время Второй мировой войны, с акцентом на изменение официальной политики памяти и её влияние на восприятие истории. Освещаются различные аспекты обращения с военнопленными, включая нацистскую расовую дискриминацию, роль этнической принадлежности, а также особенности взаимоотношений военнопленных с немецкими властями и последующие их репатриации в Советский Союз. Автор поднимает вопрос о терминах, которыми следует обозначать украинских военнопленных, и анализирует трудности, с которыми столкнулись вернувшиеся на родину советские граждане. Приводится пример письма украинцев, опасавшихся возвращения в СССР, а также случаи, когда некоторым из них удалось остаться в Норвегии. В статье показано, как новая политика памяти способствует переосмыслению истории советских военнопленных в контексте современных политических реалий.

Вступление

Всего за время Второй мировой войны в плен попало 5,2 миллиона красноармейцев, из них – 1,5 миллиона погибли за шесть месяцев с июня 1941 по январь 1942 года. 31 октября 1941 года

Гитлер принял решение об использовании труда военнопленных и мирных жителей.¹

В мае 2022 года в коммуне Агдер в Норвегии военнопленному из Украины была установлена первая мемориальная доска, текст которой был на украинском, а не на русском языке. Памятник открывал посол Украины в Норвегии.² Это был, скорее, способ обозначения национальности, а не исторических концепций. Таким образом, возникла новая политика памяти в отношении советских военнопленных, находившихся на территории Норвегии в период Второй мировой войны.

Как мы, музеи, исследовательские учреждения и другие норвежские организации должны на это реагировать?

Какой термин лучше использовать для украинцев:

- 1) военнопленные из Советской Республики Украины в Норвегии 1941–1945 гг.
- 2) советские военнопленные из Республики Украины в Норвегии 1941–1945 гг.
- 3) украинские военнопленные в Норвегии 1941–1945 гг.

Я думаю, «украинские военнопленные» не совсем правильно, так же, как и «русские военнопленные». На данный момент я считаю, что первый вариант является наиболее правильным.

Нацистская расовая дискриминация и иерархия в Норвегии

Во время Второй мировой войны в Норвегии находилось около 120 000 заключенных и подневольных рабочих.³ Они включали в себя следующие группы:

-
- 1 Стокке М. Советские и французские гражданские принудительные рабочие в Норвегии 1942-1945 : магистерская диссертация. Берген: Университет Бергена, 2008.
 - 2 Fædrelandsvennen, 16.05.2022. [<https://www.fvn.no/nyheter/lokalt/i/0G8wXE/foran-17-mai-ukrainere-er-et-patriotisk-folk>][4].
 - 3 Сулейм М. Советские военнопленные в Норвегии 1941-1945 – количество, организация и репатриация. Осло: Scandinavian Academic Press, 2009.

- 1) гражданские подневольные рабочие из Европы (французы, бельгийцы, чехи и др.)
- 2) польские гражданские подневольные рабочие
- 3) 7500 советских гражданских подневольных рабочих («остарбайтеров»): мужчин, женщин и детей
- 4) 1700 польских военнопленных, около 20 из них умерли
- 5) 4200 югославских военнопленных, из них умерло 2360
- 6) немецкие осужденные
- 7) советские военнопленные (92 000 из них погибло около 14 000)

Хуже всего пришлось югославским пленным - смертность среди них составляла 60%, в то время как среди советских военнопленных - около 13%. После апреля 1943 года они стали получать посылки Красного Креста, и смертность уменьшилась.

60 000 репатриированных пленных и гражданских лиц из Советского Союза принадлежат к 55 этническим группам. Это по тем данным, которые они сами указывали, вернувшись домой летом 1945 года. Самые крупные этнические группы — это русские и украинцы.

Была ли разница в обращении с советскими военнопленными? Например, относились ли нацисты к украинцам лучше, чем к русским или к монголам? Историк Марианна Сулейм, которая исследовала этот вопрос, пишет в своей докторской диссертации, что к различным этническим группам относились примерно одинаково. Но в то же время нацисты пренебрежительно отзывались и писали о выходцах из районов восточной России.⁴

Некоторым национальностям нацисты уделяли особое внимание при вербовке на службу, например, для того чтобы помогать охранникам. Тогда предпочтение отдавалось украинцам, выходцам из Латвии, Эстонии и белорусам. Марианна Сулейм написала о 1200 украинцах, прошедших подготовку в 1942 году в Финнмарке в качестве помощников охранников.⁵ Лично я не встречал подобной информации. Помощники охранников были, например, на объектах Nordlandsbanen, но неизвестно, были ли они какой-то определенной национальности.

Среди советских военнопленных были азербайджанцы и туркмены. Они, как и украинцы, имели на немецкой службе свои

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Одна из 150 украинских гражданских женщин-принудительных рабочих, трудившихся на фабрике по производству замороженной рыбы в Хаммерфесте во время Второй мировой войны
Фото: автор неизвестен, из архива Нарвикцентра

батальоны. В РОА, Русскую освободительную армию под командованием генерала Власова, принимались военнопленные вне зависимости от национальности.

Другой группой, прибывшей в Норвегию из Советского Союза, были гражданские лица, или остарбайтеры. Среди них также было много украинцев.

Территория проживания остарбайтеров — это восточная Польша, которая с 1939 года стала Белоруссией, и почти вся современная Украина, за исключением Галиции, где находится Львов.

Отступающие немецкие войска уводили с собой на запад местное население Украины и Белоруссии, чтобы мужчины не пошли на военную службу в Красную Армию. Только за вторую половину 1943 года было насильственно депортировано 1,1 миллиона человек.⁶ Число приехавших в Норвегию неизвестно.

2868 беженцев с января 1944 года и позже весной прибыли в семь аэропортов Норвегии. Они прибывали целыми семьями - мужчины, женщины и дети. Первые беженцы из Ленинградской области были отправлены в Киркенес. Среди 1814 остарбайтеров было 150 женщин и 50 детей.

6 Там же.

Письмо

15 мая 1945 года 279 украинцев из лагеря в Rygge, среди которых было 57 женщин и 16 детей, написали письмо, в котором они просят не возвращать их домой.⁷ Текст рукописной копии этого письма, хранящейся в архиве, приводится полностью:

В нашу страну явились непрошеные оккупанты. После жестокой, кровавой диктатуры Сталина, мы попали под другую, не менее жестокую власть, которая поставила нас под угрозу арестов и даже смертной казни. Работая по принуждению с немцами, не сочувствуя их враждебной человечеству политике, мы также не имели и не имеем сочувствия к советскому правительству и коммунистической партии, которая причинила нашему народу неслыханное ранее в истории человечества горе, как искусственный голод на Украине в 1932/33 годах, а также беспричинный террор 1937/38 гг. Террор шел почти безостановочно, а т.к. в те годы он был в подавляющем большинстве над невинными людьми, поэтому и наша вынужденная работа с немцами будет служить причиной страшной кары.

Немцы терпели поражения в сражениях, и к нам снова приближались большевики, которые не станут считаться с тем, добровольно мы или принудительно шли работать. Явно уже уготовано нам, несомненно, уже, потому что мы успели вслух осудить действия советской власти там на Родине, а к тому же работали с немцами, хотя и чувствовали отвращение к их политике. У нас на Украине зарождалась борьба против обоих оккупантов – немцев и большевиков.

И вот чтобы сохранить, или по крайней мере продлить свою жизнь, мы вынуждены были покинуть Родину и поехать на чужбину с чуждыми нам по духу людьми. Мы добровольно вошли в состав «восточных рабочих», имея лишь этот тяжелый, но и единственный путь к эмиграции.

7 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9526, Оп. 6, Д. 69. Письма восточных рабочих из Рюгге.

Поверьте, что нужен большой и основательный страх перед Советами, чтобы добровольно пойти в ряды «восточных рабочих», с которыми обращались как с полурабами, нанося побои, оскорбления, и т.д. Положение человека в качестве раба немцев слишком незавидно и если люди нормального мышления предпочли это пребыванию на Родине, то на то явно они имели основания.

Перед нами было на выбор два пути:

С одной стороны, временное пребывание в качестве «восточных рабочих» с временным унижением чести и человеческого достоинства, а с другой стороны от Советов – смерть, или длительное или даже скорее вечное пребывание в дальних лагерях советского севера с положением ниже рабочих.

Мы были как бы между молотом и наковальней: из двух зол пришлось выбрать меньшее. Что было меньшим злом никто не знал, и поэтому часть нашего народа решила принять муки на одной стороне, а другая часть на другой. Множество осталось дома, не мало их выехало.

Те, кто остались дома, не ждали большевистской милости, они были уверены, что рано или поздно, их ждет кара. Но и в эмиграции они не надеялись найти спасения, т.к. были убеждены, что большевизм овладеет Европой, и они пропадут. Или же сгинут от голода в лагере Германии.

Те, кто выехали, имели надежду, что когда-то между СССР и демократическими странами возникнет конфликт, т.к. Советы не откажутся от владычества над Европой, а демократические страны не могут отдать народы континента на издевательства большевиков.

В этом мы видели свое спасение.

Но не случился конфликт, и не завоевали большевики всей Европы. В Европе замолчали пушки, остановились танки, ружья не источают смертоносных пуль. В Европе господствует мир...

Судьба спасла нас от явной смерти. Неужели же она насмеялась над нами горько? Мы были между наковальней и молотом, нас держал в руках один тиран, а второй протягивал свои лапы, чтобы отомстить за несуществующую с демократической точки зрения вину.

Пал один тиран, и поработенное им человечество вздохнуло вольно, почувствовало свободу, радуется и торжествует.

Мы разделяем радость счастливых людей. Мы и гитлеровцами не стали, но и испытываем отвращение к Сталину. Мы не желаем возврата под его нечеловеческую власть! Мы не хотим возвращаться и не можем, а если перед нами будет выбор «Смерть или возврат», то мы выберем первое.

Наша к вам нижайшая просьба:

хотя мы и «восточные рабочие», считаем себя не без причины политическими эмигрантами, мы просим вас взять нас под свое попечительство и оказать помощь в переезде в любую страну мира, которая согласится дать нам пристанище. Мы не указываем места, где мы просим пристанища, но осмелимся выразить желание поехать в Канаду, где часть колонии наших земляков. Мы сердечно просим вас проявить к нам человеческую милость и не выдать на мучительную смерть после грубых издевательств.

Мы взываем к помощи, и еще больше увеличиваем свою вину перед Советами, но мы предпочитаем смерть возврату.

У нас носят слухи, что в СССР издана амнистия. Явно слух не достоверен, но, если он и подтвердится, мы не поверим амнистии, ибо на наших глазах была амнистия офицерам белой эмиграции, спустя некоторое время все они были истреблены. Правда, им были фальшиво вменены другие преступления, но фактически они стали жертвами геноцида. Мы взываем к гуманности. Нам одинаково чужды большевизм и нацизм. Последнее мы не приняли, после того как он показал отвратительную свою сторону на нашей Родине, а от большевизма мы вылечились им самим настолько, что предпочитаем смерть возвращению к ним.

Только 50 человек из числа заключенных лагеря вернулись домой добровольно. Все закончилось плохо: те, кто не хотел возвращаться, были убиты. Американским солдатам было приказано окружить

лагерь и погрузить беженцев в грузовики, которые должны были доставить их на поезде в Советский Союз через Швецию.

Андрей Самойленко — один из немногих, кому после войны удалось бежать из лагеря и остаться в Норвегии. Он говорит, что нацисты вынудили его стать старостой в селе в Украине, поэтому, когда немцы ушли, оставаться ему было опасно.⁸ Это касалось не только украинцев, но и русских, и других, кто был против советского правительства и коммунистов. Согласно Ялтинскому соглашению 1945 года между Советским Союзом, Соединенными Штатами и Англией, все советские граждане должны были быть отправлены домой, в случае необходимости - силой. Я нашел информацию примерно о 30 гражданах из советских республик, которым удалось остаться в Норвегии. Некоторые из них оставались, потому что были антикоммунистами, а другие были связаны личными отношениями с норвежскими женщинами.

Я изучал это подробно, поскольку помогал людям в Халдене, которым удалось выбраться из лагеря в Рюгге, заявив, что они поляки. В семье было двое детей, отец и мать ничего не рассказывали детям до самой смерти. В прошлом году я узнал, что это были не поляки, а украинские поляки, приехавшие из Житомира. Дети были очень удивлены и после этого связались с двоюродным братом с помощью украинца, который помогает мне в поисках. Это невероятная история. Родители никогда не говорили о прошлом, они опасались, что их отправят обратно, если норвежские власти узнают, что они из Советского Союза. У детей этих людей неожиданно появилась большая семья в Украине. И мы найдем еще их родственников по материнской линии!

Возвращение

Что случилось с советскими военнопленными, находившимися в Норвегии, когда они вернулись домой? Многие задавались этим вопросом. У российских историков появилась возможность заглянуть в архивы только после 1990 года, и они нашли данные о количестве пленных и подневольных рабочих из европейских стран, которые, я считаю, заслуживают доверия. Гражданским повезло больше: всего - 2% из них отправили в ГУЛАГ. Половину гражданского населения

8 Vi Menn, 10 февраля 1984 г. Доступно через Magasinarkivet.no.

составляли женщины.⁹ Среди военнопленных только примерно 18% вернулись сразу домой. 40% продолжили служить в Красной Армии, 20% два года отработывали в трудовом батальоне. Принудительной мобилизации в «трудовые батальоны», или в «трудоармию», подвергались освобожденные советские военнопленные и оstarбайтеры призывного возраста, признанные годными к военной службе и подлежащие мобилизации в Красную Армию (те, кто прошёл спецпроверку и не был уличён в связях с врагом)

Потом они вернулись домой, но в их паспортах всегда стоял штамп репатрианта, им было отказано в получении высшего образования или престижной работы. 15% из них были отправлены в лагеря НКВД. Но написать в Норвегию бывшие пленные не могли - КГБ подвергало цензуре всю переписку и препятствовало контактам с Западом. Лишь после 1990 года бывшие пленные смогли посетить Норвегию. Я встретился с четырьмя из них. Я также получил 30–40 писем от разных людей, среди которых было много бывших гражданских подневольных работников - оstarбайтов. То, что они могли рассказать мне, подтверждало эти цифры.

14 мая 2022 года в коммуне Лингдал была установлена первая мемориальная доска в честь украинского военнопленного.¹⁰ Раньше при создании мемориальных досок или проведении памятных мероприятий часто обращались исключительно в российское посольство. Нарвикцентр долгое время успешно сотрудничал с российскими историками по проектам, связанным с военнопленными, однако сейчас все подобные проекты приостановлены. В Лингдале был сохранён надгробный камень и установлен информационный знак. За этим новым подходом к увековечиванию памяти стоит норвежско-украинская ассоциация.

Вполне возможно, что среди исследователей и музеев Норвегии начнёт развиваться новый подход к мемориальной политике в отношении советских военнопленных, при этом акцент будет делаться на увековечивание памяти отдельных национальностей — русских, украинцев, казахов и других, а не на общий термин «советские военнопленные».

9 Земсков В. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба 1944–1956 гг. // Социологический журнал. 1995. № 6.

10 Холдал П.К. (2022, 21 мая). Первый украинский мемориал в Норвегии. *S2PU*. <https://s2pu.com/index.php/en/news/pa-norsk/207-det-forste-ukrainske-minnesmerke>

Operasjon asfalt – glemte minner og ny kald krig om krigsgraver?

Marianne Neerland Soleim

Professor

UiT Norges arktiske universitet

Institutt for arkeologi, historie, religionsvitenskap og teologi
(AHR)

ABSTRAKT

Artikkelen beskriver minnet om de sovjetiske krigsfangene i Norge etter flyttingen av sovjetiske krigsgraver i Nord-Norge ved den såkalte Operasjon asfalt i 1951. Det er lagt vekt på å synliggjøre hvordan minnet og minnesmerker i Norge har vært påvirket av en russisk minnekrig etter Russlands anneksjon av Krim i 2014 og Russlands angrep på Ukraina 24. februar 2022. I hvilken grad er det en ny kald krig om krigsgraver?

Operasjon asfalt

Et stort antall sovjetiske krigsfanger døde under den tyske tilbaketrekningen fra Finnmark og krigsforbrytelser knyttet til fangeleirene som ble etablert under tilbaketrekningen i 1944. Både i Finnmark og ellers i Norge ble det svært vanskelig å kartlegge antallet døde. Både sogneprester og lensmenn over hele landet fikk problemer med å skaffe tilstrekkelige opplysninger om sovjetiske krigsfanger som døde i Norge. Totalt omfattet Operasjon asfalt 95 gravplasser i de tre nordligste fylkene. Flyttingen av de døde sovjetiske krigsfangene var fullført i 1951. I 1952 oppga Utenriksdepartementet at over 8804 sovjetiske døde statsborgere var overført til Tjøtta, hvorav 978 var identifisert. Det ble svært utfordrende å få fastsatt et eksakt tall over de døde etter at flyttingen var gjennomført. Tallene som Utenriksdepartementet oppga i 1952, stemmer ikke med det

som er oppgitt på monumentet på Tjøtta. På monumentet er det oppført 6725 ukjente og 826 navngitte gravlagte.¹

Flyttingen av de sovjetiske døde i Nord-Norge var nært knyttet til den kalde krigens politikk, og norske myndigheters frykt for sovjetisk spionasje var hovedmotivet for gjennomføringen av den. Operasjon asfalt inntraff under Koreakrigen, da det internasjonale spenningsnivået ble dramatisk forverret. Gjennomføringen av flyttingen av gravene ble et uttrykk for at norske myndigheter var usikre på sovjetiske intensjoner vedrørende krigsgravene. Frykten for spionasje var tydelig, og norske myndigheter ønsket å forhindre at sovjetiske representanter skulle benytte bekransning av gravmonumenter i hele Norge som påskudd til å drive spionasje.

Reaksjoner fra befolkningen på gjennomføringen av Operasjon asfalt viser tydelig spenningen mellom det nasjonale og det lokale. Flere steder i Nord-Norge ble befolkningen forskrekkede vitner til oppgravingen, og mange ga uttrykk for sinne under gjennomføringen av operasjonen. Aviser over hele landet publiserte uhyrlige detaljer om oppgravingen av sovjetiske ofre, og flere steder demonstrerte folk i protest mot flyttingen av gravene.

I 2002 ble navneplatene på den sovjetiske krigskirkegården på Tjøtta i Helgeland fjernet av norske myndigheter. Det var lite reaksjoner på dette tidspunktet, og debatten om de sovjetiske krigsgravene på nasjonalt nivå kom først i 2008. Etter flere år med debatt og stort press fra regionale og lokale myndigheter ble navneplatene lagt tilbake på kirkegården i november 2008.²

Ny kald krig om krigsgraver?

Operasjon asfalt førte på sikt til en svekkelse av det kollektive minnet om fangene både lokalt og nasjonalt. I den første etterkrigstiden konsentrerte man seg om krigsfangenes lidelser og nordmenn som hjalp fangene i krigsårene, men kort tid etter 1947 ble dette et emne som tilhørte den kalde krigen. Krigsfangenes skjebne ble nå mer knyttet til tematikken rundt hjemsendelsen og ikke deres skjebne på norsk jord. Minnesmerker som ble fjernet eller ødelagt, var ikke lenger noen del av

1 Soleim Neerland, Marianne: «Operasjon asfalt». *Kald krig om krigsgraver*. Stamsund 2016: 8.

2 Helgeland Arbeiderblad, 07.11.2008.

Storfjord kirkelige fellesråd.
Minnesmerke (standardstein) i Lulle
Storfjord, 2020
Foto: Gunnar Folden Grunnetjern

hverdagserfaringene for nordmenn. Med dette ble grunnlaget for en aktiv erindring om de sovjetiske krigsfangene på lokalt og nasjonalt plan fjernet. Gravmonumentet ved Bjørnelva på Saltfjellet ble sprengt i stykker i 1950 og ligger fremdeles i ruiner på fjellet.³

26 sovjetiske døde ble gravlagt ved Lulle i Storfjord i 1945. Gravene ble flyttet i 1951 til Tjøtta sovjetiske krigskirkegård i forbindelse med Operasjon asphalt. Et monument på gravplassen ble fjernet i forbindelse med gravflyttingen. I rapporten fra Operasjon asphalt oppgis følgende: «Monumentet var av tre. Det var delvis råttent, og en fant det rådeligst å ta det ned».⁴ I dag har minnestedet ved Lulle et eget monument med denne teksten: «Til minne om de sovjetiske soldater som mistet livet i Norge 1941–1945 og som var gravlagt her».

I 2020 var minnesmerket ved Lulle dekorert med en soldathjelm og St. George-båndet plassert på monumentet. I bakgrunnen var det

³ Markussen, Joakim Aalmen, Michael Stokke & Marina Panikar: *Blodige spor: sovjetiske krigsfanger i byggingen av Nordlandsbanen 1943–1945*. Narvik 2021: 39.

⁴ Riksarkivet: Krigsgravtjenesten (RAFA-2018): Da26/9a: Transportlister fra «Operasjon Asphalt», 1951.

sovjetiske flagget festet på et tre, og det russiske flagget var plassert på minnestedet. I senere tid er det også lagt ned to større russiske minne- steiner på minnestedet. Den ene har teksten «70 år» og er trolig lagt ned i 2015. Den andre er antakelig lagt ned i 2020 og har russisk tekst: «75 år siden den store seieren. Ingen er glemt, intet er glemt.» Minnesteinen fra 2020 er markert med en rød stjerne tilsvarende den som repre- senterer den Røde Arme. Russlands generalkonsul i Kirkenes, Nikolay Kony- gin, har reist over hele landet for å bekranse sovjetiske minnesmerker. På generalkonsulatets Facebook-side er et stort antall bilder av generalkon- sulen lagt ut for å dokumentere dette, og det ser ut til at minnearbeidet har økt særlig etter 2018.⁵ På bildene kan man se at St. George-båndet er brukt på kranser og blomsterbuketter sporadisk, men konsekvent brukt sammen med det russiske flagget etter 24.februar 2022. Det er antakelig det Russiske Generalkonsulatet i Kirkenes som har lagt ned de to minne- steinene, men disse opplysningene har det ikke vært mulig å få bekreftet. Ingen norske medier har dokumentert hvem som har lagt ned minnestei- nene, og hverken lokale eller regionale myndigheter har reagert på at St. George-båndet fremdeles ligger på monumentet som ble satt ned av nor- ske myndigheter på 1950-tallet.

Det sovjetiske minnesmerket på Vestre gravlund ble avduket i 1947 av kronprins Olav. Monumentet ble omtalt som dedisert til falne sov- jetsoldater. I sin tale viste kronprinsen til både frigjøringen av Øst- Finnmark og falne sovjetiske soldater og krigsfanger som døde i Norge under andre verdenskrig.⁶ På minnesmerket er det skrevet «Norge takker dere». I alt er 333 soldater, krigsfanger og tvangsarbeidere gravlagt her i årene 1947–1958. De hadde tidligere vært gravlagt i Oslo, Bergen, Kristiansand og ulike steder på Østlandet, og ble deretter flyttet til Vestre gravlund. 293 av de gravlagte er identifisert ved navn. Anlegget på Vestre gravlund ble renoveret i 2020 av Oslo kommune på oppdrag fra Kulturdepartementet. Geografisk sett representerer Vestre Gravlund det mest sentrale minnesmerket over sovjetiske døde i Norge, og i nyere tid er det ofte brukt ved offisielle russiske besøk. Ved president Dmitrij Medvedevs besøk i 2010 rapporterte NRK at han skulle nedlegge krans på «det russiske krigsmonumentet på Vestre gravlund til minne om de falne russiske soldatene i 2. verdenskrig som gav sitt liv for Norge og de

5 Det russiske Generalkonsulatet i Kirkenes. *Facebook*. Hentet fra: <https://www.facebook.com/rusgkkirkenes>

6 Helgeland, 08.11.1947.

allierte».⁷ At man bruker «russiske» og ikke «sovjetiske» som betegnelse på de falne, illustrerer en vanlig misforståelse i norske medier. I tillegg får man inntrykk av at dette var soldater som falt i kamp, og ikke krigsfanger som døde i tysk fangenskap i Norge under okkupasjonen.

Det sovjetiske minnesmerket på Vestre gravlund har etter det russiske angrepet på Ukraina i februar 2022 blitt sentralt i en minnekrig om russiske og ukrainske krigsgraver. I flere år har organisasjonen «Support to the People of Ukraine» og den ukrainske ambassaden i Norge ønsket egne minnesmerker for ukrainske ofre som døde under den tyske okkupasjonen i Norge 1940–1945. Daværende ambassadør Vyacheslav Yatsyuk og organisasjonen har særlig ønsket et eget minnesmerke på Vestre gravlund for ukrainere som døde på norsk jord under andre verdenskrig. De har også fremhevet at det er viktig å minnes ukrainere som døde under frigjøringen av nordområdene.⁸ Våren 2022 la ambassadøren ned blomster ved minnesteinene som ble lagt ned i 2020 med navnene på de identifiserte ofrene. Organisasjonen «Support to the People of Ukraine» hadde satt opp plakater med informasjon om antallet ukrainere som mistet livet under andre verdenskrig, med referanse til de som døde i Norge og under frigjøringen av Finnmark. Bakgrunnen er et ønske om å «ta tilbake minnemonumentene» og minnes de som fortjener det, ifølge organisasjonen. De hevder at russiske myndigheter reiste rundt i hele landet og «okkuperte» mange minnesmerker i april og mai i 2022, og at de gjorde dette som et ledd i en aggressiv historieomskriving og et bevisst forsøk på å påvirke våre holdninger til Russland, og ikke for å minnes de falne. De påpeker at den Røde Arme ikke var en russisk hær, og at russerne ignorerer borgere av andre nasjonaliteter i den Røde Arme i sine markeringer. Organisasjonen er opprørt over at representanter for russiske myndigheter har lagt ned blomster og krans med russisk flagg på gravsteder over hele landet. De mener dette er et banalt forsøk på historiefalskning fra russisk side og viser til at det var over 16 000 ukrainere som var krigsfanger i Norge under andre verdenskrig.⁹ Forsker Michael

7 <https://www.nrk.no/urix/programmet-under-medvedev-besoket-1.7093904>. Hentet 30.03.2023.

8 <https://www.s2pu.com/index.php/en/ww2/petition-to-build-a-memorial>. Hentet 25.03.2023.

9 Avisa Nordland, 15.03.2023.

Stokke ved Narviksenteret har kommet frem til at 26,8 % av de sovjetiske krigsfangene som døde i Norge, var ukrainere.¹⁰

9. mai er en av de viktigste dagene i Russland. Det er datoen for seieren over Tyskland i 1945, og dagen er blitt markert årlig siden 1995, da som 50 år siden krigens slutt. Etter Sovjetunionens fall ble det igjen tillatt med religiøse metaforer i minnet om andre verdenskrig, og dette var statlig støttet. Det beste eksempelet er seiersfesten ved 50-årsjubileet med markeringen av det lenge planlagte sentralmuseet for den store fedrelandskrigen, som ble åpnet den 9. mai 1995 i Moskva. Det sovjetiske offeret knyttet til krigen ble presentert som et spesifikt russisk offer ved etablering av et eget minnekapell, oppkalt etter den militære skytshelgen St. George. Både museet og kirken er dedisert til de falne. Det sekulære og det hellige ble satt i sammenheng og ble ansett for å være uatskillelige frelsere av landet.¹¹

I tilknytning til 9. mai-markeringen ved Vestre gravlund i 2022 ble det funnet blomster med St. George-bånd påskrevet «Z» og «For seieren (Russland)». Blomstene med St. George-båndet må tolkes som en hyllest til Russlands angrep på Ukraina. Båndet har i stor grad blitt brukt av pro-russiske aktører for å vise støtte til krigen mot Ukraina. Evgeniya Khoroltseva, prosjektleder i Menneskerettighetsakademiet og en av initiativtakere til foreningen SmåRådina,¹² bekreftet at dette er et symboltungt bånd til støtte for russisk side i krigen. Hun fremhever at russere som tar avstand fra Russlands politiske regime, og med det også krigen i Ukraina, ikke ville brukt dette symbolet for å markere 9. mai.¹³ I russisk minnepraksis og retorikken som Russland bruker, blir andre verdenskrig ofte benyttet som begrunnelse for hvorfor Russland har angrepet Ukraina. I sin tale den 24.februar 2022 understreket Putin at Russland forsvarer russisktalende borgere, og knyttet dette til Sovjetunionens kamp mot nazismen under andre verdenskrig.¹⁴ I de siste 20 årene har Putins regime dyrket «kulten om den store fedrelandskrigen».

10 Tallmateriale fra Michael Stokke sitt innlegg på Grønsvik fort 20.04.2023. Stokke oppgir 16 600 som totalt antall krigsfanger av ukrainsk nasjonalitet.

11 Carleton, Gregory: «Victory in death. Annihilation narratives in Russia today», i *History & Memory*, Vol. 22, No. 1 (Spring/Summer 2010): 158.

12 <https://www.smaaraadina.no/nb/>

13 Skare, Tvergrov Ragnhild: <https://www.prosjektutsyn.no/russlands-minnekriger-og-minnediplomati/>. 2022, 23. 06. Hentet 05.04.2023.

14 <https://ria.ru/20220224/obraschenie-1774658619.html>

Ikke-russiske minoriteter, inkludert millioner av ukrainere som deltok i den Røde Arme, er i stor grad utelatt fra denne historien.¹⁵

Siden 2009 har russiske ambassader over hele verden organisert det som er blitt omtalt som «Volunteers of Victory», hvor St. George-båndet er blitt delt ut. I 2019 var Volunteers of Victory aktive i over 90 land. Men de har unnlatt å nevne St. George-båndets andre konnotasjoner, og spesielt de som er knyttet til konflikten i Ukraina. I 2014 samlet øst-ukrainske «selvforsvars»-enheter seg, pyntet med St. Georgs-bånd og drevet av russisk propaganda, for å forsvare sovjetiske krigsminnesmerker fra de såkalte «Banderovtsy» – en betegnelse brukt i russisk diskurs om ukrainske nasjonalister, som av historiske grunner ofte forbindes med samarbeid med nazistene. I 2014 og 2015 bar folk over hele Russland og Ukraina båndet for å markere sin støtte til Russlands aggresjon i Øst-Ukraina. På denne måten ble båndet et symbol på to kriger, men båndet ble også et bevis på hvordan Kreml bruker minnet fra andre verdenskrig, både hjemme og i utlandet, for å smugle inn andre, mer omstridte, geopolitiske standpunkter.¹⁶ St. George-båndet er benyttet på blomster og kranser ved krigsgravsteder en rekke steder i Norge. Enkelte steder har det kommet reaksjoner på bruken av båndet¹⁷, men stort sett har bruken av St. George-båndet etter det russiske angrepet på Ukraina blitt lite kommentert i norske medier.

Det er viktig å synliggjøre at det dreier seg om flere nasjonaliteter blant de sovjetiske døde på norsk jord, men synliggjøringen kan medføre at tematikken blir dratt inn i dagens krigsretorikk. Det er viktig å fortsatt hedre krigsofrene ut fra det som faktisk skjedde i krigsårene, men det må gjøres på en måte som ikke blander det inn i den dagsaktuelle krigssituasjonen. På grunn av krigen i Ukraina ønsker ikke sentrale myndigheter, ved Krigsgravtjenesten, oppmerksomhet rundt avduking av sovjetiske minnesmerker som er oppusset. Et slikt eksempel er monumentet som ble flyttet fra Øvergården til Vang kirkegård høsten 2022. Totalt 97 sovjetiske krigsfanger ble gravlagt ved Øvergård i 1945. I slutten av oktober 1951 ble levningene flyttet til Tjøtta under Operasjon asfalt. I dag er 29 av de døde identifisert ved navn og fødested. Identifikasjonen viser at dette var russere, hviterussere og ukrainere som døde av sykdom og

15 Garner, Ian: Russia and Ukraine Are Fighting for the Legacy of World War II Both countries draw on potent wartime myths. 2022, 26.03. Hentet 02.04.2023.

16 McGlynn, Jade: Russia's Memory Diplomacy Presents a Selective—and Dangerous—Version of the Past (foreignpolicy.com). 2021, 25.06. Hentet 05.03.2023.

17 Dagsavisen, 10.05.2022.

avmagring i sommermånedene etter frigjøringen i 1945. Minnesmerket på Vang kirkegård representerer en viktig påminnelse om krigens brutalitet og mangel på respekt for menneskeverd, men både sognepresten i Balsfjord og Malangen og Biskopen i Nord-Hålogaland avslo å hedre minnet om sovjetiske krigsfanger på kirkegården.

Etablering av nye sovjetiske minnesmerker på norsk jord tematiserer siden 2018 et bredere spekter av historiske hendelser enn før. Tematikken omfatter partisanenes skjebne på norsk jord, Pomor-historien i Varanger og sovjetiske soldater som omkom under transport i krigsårene. Et eksempel på dette er Hasvik-monumentet over seks sovjetiske soldater som omkom i en flystyrt på Sørøya i 1944, som ble avduket 7. oktober 2021. Offisielle representanter fra Russland, USA og Norge deltok på avdukingen av monumentet. Forsvarsminister Frank Bakke-Jensen uttalte at Norge ikke glemmer at det var Sovjet som frigjorde Øst-Finnmark, og at vi alltid vil være takknemlige for våre naboers innsats. Han var også glad for innsatsen Hasvik kommune hadde gjort for å minnes og hedre de seks soldatene. Generalkonsul i Kirkenes, Nikolay Konygin, uttrykte takknemlighet for at Norge deltok i å minnes de seks soldatene, og for at historien kom frem. Vi allierte sammen med partisanene seiret over Nazi-Tyskland, sa Konygin.¹⁸ I forbindelse med etableringen av dette monumentet har norske myndigheter blitt trukket frem som eneste positive eksempel på russisk samarbeid med andre stater om historiske minnesmerker. Hasvik-monumentet er trukket frem av det russiske utenriksdepartementet, og monumentet ble nevnt i mars 2021 på et møte i «Victory-komiteen» med både president Putin og forsvarsminister Shoigu til stede. Det er fremhevet i denne sammenheng at Norge blir brukt aktivt som en ubevisst alliert i Russlands minnekrig.¹⁹

Det er problematisk at norske myndigheter sentralt ikke deltok i prosessen rundt Hasvik-monumentet. Manglende interesse fra norske myndigheters side er problematisk, siden dette har medført at Norge har blitt tildelt en rolle som russisk alliert i Russlands minnekrig. Et eksempel der dialogen med både sovjetiske og russiske myndigheter har vært langvarig, er frigjøringsmonumentet i Kirkenes. Forsker Joakim Aalmen Markussen viser til at det kollektive minnet ble preget av det sikkerhetspolitiske klimaet i årene 1945–1952. Frigjøringsmonumentet ble en døråpner og en påminnelse om at Norges forhold til Sovjetunionen også hadde vært

¹⁸ Klassekampen, 08.10.2021.

¹⁹ Dagsavisen, 21.02. 2022.

preget av dialog og samarbeid. Denne minnediplomatiske dialogen med Sovjetunionen har vart gjennom hele den kalde krigen og frem til i dag.²⁰

Det er åpenbart et behov for at norske myndigheter utvikler retningslinjer og rutiner for hvordan henvendelser om nyetableringer av minnesmerker fra russisk side bør møtes. Det er også fremlagt ønske fra organisasjonen «Support to the People of Ukraine» om etablering av et eget minnesmerke for ukrainske soldater som falt i frigjøringen av Norge. Norske myndigheter, ved Kulturdepartementet, har vært svært lite synlige i prosessene generelt rundt minnesmerkene knyttet til sovjetiske soldater, krigsfanger og tvangsarbeidere. De viser til at de gravlagte har vært døde i minst 77 år, og at ofrene må få hvile i fred, uten å trekkes inn i den pågående krigen mellom Russland og Ukraina. Norske myndigheter har ikke mulighet til å trekke ut en bestemt gruppe blant de sovjetiske gravlagte basert på fødested for å minnes disse særskilt. Departementet viser til at utenlandske krigsgraver blir forvaltet etter krigens folkerett, og at det er de stridførendes statsbakgrunn som blir lagt til grunn. Utenlandske falne minnes etter statstilhørighet og ikke fødested. Det har ikke vært praksis i Norge å etablere egne nasjonale minnesteder ved gravplasser, og alle minnes som sovjetiske.²¹ I mai 2023 var det debatt om St. George-båndene på det sovjetiske minnesmerket i Alta burde fjernes, men fremdeles er båndet svært mye brukt på andre gravsteder for sovjetiske ofre, uten at norske myndigheter har reagert. Likevel er det for tidlig å si at det er en ny kald krig om krigsgraver i Norge.

20 Markussen, Aalmen Joakim: «Sikkerhetspolitisk minnediplomati: Opprettelsen av Frigjøringsmonumentet i Kirkenes 1945–1952», Nordisk Østforum 35, 2021: 114. <http://dx.doi.org/10.23865/noros.v35.2960>

21 Vårt Land, 04.07.2022.

Операция «Асфальт»: забытые воспоминания и новая холодная война из-за воинских захоронений?

Марианна Нирланд Сулейм

Профессор

Арктический университет Норвегии (UiT)

Институт археологии, истории, религиоведения и теологии

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается вопрос сохранения памяти о советских военнопленных во время Второй мировой войны в Норвегии после переноса воинских захоронений в ходе так называемой операции «Асфальт» в 1951 году. Особое внимание уделено тому, как память и памятные места в Норвегии подверглись влиянию российской «войны памяти» после аннексии Россией Крыма в 2014 году и нападения России на Украину 24 февраля 2022 года.

Операция «Асфальт»

Во время отступления немецких войск из Финнмарка в 1944 году значительное число советских военнопленных погибло. Это произошло как из-за тяжелых условий в лагерях для военнопленных, созданных немцами в ходе отступления, так и в результате военных преступлений. Определить точное число погибших военнопленных оказалось чрезвычайно сложно, как в Финнмарке, так и в других регионах Норвегии. Полиция и приходские священники испытывали проблемы с получением достоверной информации. В 1951 году норвежское правительство организовало операцию по переносу останков советских солдат и военнопленных из разрозненных

захоронений на военное кладбище на острове Тьётта. Эта операция получила название «Асфальт» и охватила 95 захоронений в трех северных округах страны. В 1952 году Министерство иностранных дел Норвегии сообщило, что на Тьётту было перенесено останки 8804 погибших советских граждан, из которых 978 были идентифицированы. Однако после переноса определить точное число погибших стало еще сложнее. Данные, предоставленные Министерством иностранных дел в 1952 году, расходятся с информацией, указанной на мемориале в Тьётте, где упоминается перезахоронение 6725 неизвестных и 826 человек, чьи имена были установлены.¹

Решение о перезахоронении останков советских солдат и военнопленных было тесно связано с политикой «холодной войны» и опасениями норвежского правительства относительно возможного шпионажа со стороны Советского Союза во время церемоний у мемориалов. Операция «Асфальт» проводилась на фоне Корейской войны, когда международная напряженность достигла пика. Норвежские власти сомневались в искренности намерений Советского Союза, подозревая, что мемориальные мероприятия могли использоваться как прикрытие для разведывательной деятельности. В результате было принято решение о переносе захоронений, чтобы минимизировать возможные риски.

Противоречия между национальными и местными интересами ярко проявились в реакции жителей северной Норвегии на проведение операции. Местные жители с беспокойством следили за раскопками, открыто выражая недовольство. Шокирующие подробности эксгумации, публиковавшиеся в газетах по всей стране, вызвали широкий общественный отклик. В некоторых населённых пунктах были организованы протесты против переноса захоронений.

В 2002 году власти Норвегии сняли с памятника таблички с именами на советском военном кладбище в Тьётте в Хельгеланде. В то время реакции со стороны общественности не последовало, а дебаты на национальном уровне о советских военных захоронениях начались только в 2008 году. После нескольких лет споров и сильного давления со стороны региональных и местных властей в ноябре 2008 года таблички с именами были возвращены.²

1 Сулейм М. Операция «Асфальт». Холодная война о военных захоронениях. Стамсунд, 2016. С. 8.

2 Helgeland Arbeiderblad. 07.11.2008.

Новая «холодная война» из-за воинских захоронений?

Операция «Асфальт» способствовала ослаблению коллективной памяти Норвегии как на местном, так и на национальном уровне. В первые годы после войны общество активно обсуждало страдания советских военнопленных и помощь, которую им оказывали норвежцы. Однако после 1947 года эта тема постепенно утратила актуальность, оказавшись в тени «холодной войны». Вопрос о военнопленных стал сводиться преимущественно к их репатриации, при этом их судьба на территории Норвегии отходила на второй план. Снесённые и разрушенные мемориалы утратили своё место в повседневной жизни, что значительно ограничило возможности для сохранения живой памяти о трагических событиях того времени. Так, могильный памятник в Бьёрнелъве на Салтфьеллете, разрушенный в 1950 году, до сих пор остаётся в руинах.³

Могилы 26 советских военнопленных, погибших в 1945 году в Лулле (муниципалитет Сторфьорд), были перенесены в 1951 году на военное кладбище Тьётте. Памятник, установленный на месте захоронения, был демонтирован. В отчёте того времени отмечалось: «Памятник был деревянным, частично сгнил. Было принято решение о его сносе»⁴. Сегодня в Лулле на мемориальном комплексе установлен новый памятник с текстом: «В память о советских воинах, погибших в Норвегии в 1941–1945 годах и похороненных здесь».

В 2020 году мемориал в Лулле был дополнен солдатской каской и украшен георгиевской лентой. Позади мемориала к дереву кто-то прикрепил советский флаг, а на нем самом был установлен российский флаг. Недавно на этом месте появились два новых памятных камня. На одном из них написано: «70 лет», вероятно, он установлен в 2015 году. Другой камень, предположительно установленный в 2020 году, содержит надпись на русском языке: «75 лет со дня великой Победы. Никто не забыт, ничто не забыто». Памятный камень 2020 года украшен звездой Красной Армии.

Генеральный консул России в Киркенесе Николай Коныгин регулярно посещает различные регионы Норвегии для возложения венков к советским мемориалам. На официальной странице

3 Маркуссен Й. А.; Стокке М.; Паникар М. Кровавые следы: советские военнопленные на строительстве Нурланнской железной дороги 1943–1945. Нарвик, 2021. С 39.

4 Национальный архив Норвегии (Riksarkivet): Служба военных захоронений. Транспортные списки операции «Асфальт», 1951. (RAFA-2018: Da26/9a).

Сторфьордский церковный совет.
Памятник (стандартный камень)
в Лулле
Сторфьорд, 2020
Фото: Гуннар Фолден Груннетьерн

Генерального консульства в Facebook размещено множество фотографий, отражающих эти поездки. Примечательно, что интенсивность подобных мероприятий заметно возросла после 2018 года.⁵ На фотографиях можно заметить, что ранее георгиевская лента использовалась на венках и букетах эпизодически. Однако после 24 февраля 2022 года она стала постоянным атрибутом, наряду с российским флагом. Существует предположение, что некоторые памятные камни могли быть установлены Генеральным консульством России. Однако подтвердить эту информацию не удалось. Норвежские СМИ не задокументировали кем именно были установлены эти камни и не обратили внимания на использование георгиевской ленты на памятниках, возведённых норвежскими властями в 1950-х годах.

Мемориал, посвящённый павшим советским воинам, был открыт на кладбище Вестре Гравлунд в 1947 году наследным принцем Олавом. В своей речи принц подчеркнул значение освобождения

5 Генконсульство России в Киркенесе: *Facebook*. Взято: <https://www.facebook.com/rusgkkirkenes>

Восточного Финнмарка и напомнил о жертвах, понесённых советскими солдатами и военнопленными в Норвегии во время Второй мировой войны.⁶ На мемориале выгравирована надпись: «Норвегия благодарит вас».

С 1947 по 1958 годы на этом кладбище было перезахоронено 333 человека, включая солдат, военнопленных и подневольных рабочих. Ранее они были погребены в различных местах Восточной Норвегии, таких как Осло, Берген и Кристиансанн. Из общего числа перезахороненных 293 человека были опознаны. Мемориал был отреставрирован в 2020 году по поручению Министерства культуры Норвегии в рамках проекта, осуществлённого муниципалитетом Осло.⁷ Сегодня Вестре Гравлунд является центральным мемориалом, посвящённым советским гражданам, погибшим в Норвегии. В последние годы это место часто используется для проведения официальных церемоний, включая визиты российских делегаций. В ходе визита президента Дмитрия Медведева в Норвегию в 2010 году телеканал NRK сообщил, что президент возложил венок к российскому военному мемориалу на Вестре Гравлунд в память о «русских» солдатах, отдавших свои жизни за Норвегию и союзников.⁸ Это отражает распространённое в норвежских СМИ заблуждение: термин «русский» часто используется вместо «советский» для обозначения погибших. Более того, возникает впечатление, что речь идёт о солдатах, погибших в боях, а не о военнопленных, умерших в немецком плену в Норвегии во время оккупации.

После нападения России на Украину в феврале 2022 года советский мемориал в Vestre gravlund стал центральным элементом борьбы между украинской и российской диаспорами. Организация «Поддержка народа Украины» и посольство Украины в Норвегии уже несколько лет добиваются установки отдельных памятников украинцам, погибшим во время немецкой оккупации Норвегии 1940–1945 годов. Посол Вячеслав Яцюк и организация «Поддержка народа Украины» выступили с инициативой установить на Западном кладбище отдельный памятник украинцам. Они подчеркнули, что важно помнить об украинцах, погибших при освобождении северных

6 Helgeland, 08.11.1947.

7 <https://www.asplanviak.no/prosjekter/det-sovjetiske-krigsminnesmerket-vestre-gravlund/>. Взято 03.04.2023.

8 <https://www.nrk.no/urix/programmet-under-medvedev-besoket-1.7093904>. Взято 30.03.2023.

регионов.⁹ Весной 2022 года посол возложил цветы к воздвигнутым в 2020 году памятным камням с именами опознанных жертв. Организация «Поддержка народа Украины» развесила плакаты с информацией о количестве украинцев, погибших в Норвегии во время Второй мировой войны. По данным организации, в основе этой инициативы лежит желание вернуть мемориальные памятники и почтить память тех, кто этого заслуживает. В этой организации заявили, что представители российских властей объехали всю страну, возлагая венки и цветы на мемориалы. По их мнению, это делалось не для сохранения памяти о погибших, а в рамках агрессивной кампании по переписыванию истории и целенаправленных попыток повлиять на отношение мирового сообщества к России. Участники организации «Поддержка народа Украины» также подчеркнули, что Красная Армия включала в себя представителей многих национальностей, однако в символике, используемой российскими властями, это игнорируется, и уделяется внимание только русским.

Особое возмущение у организации вызвало то, что на могилы по всей стране были возложены венки и цветы с российским флагом. Они расценили это как попытку фальсификации истории со стороны России. В своих заявлениях организация напомнила, что во время Второй мировой войны в Норвегии находилось более 16 тысяч украинских военнопленных.¹⁰ Исследователь Михаэль Стокке из музея Нарвика пришел к выводу, что 26,8% советских военнопленных, погибших в Норвегии, были украинцами.¹¹

Девятое мая – одна из самых значимых памятных дат в России. День Победы над Германией в 1945 году был установлен Указом Президиума Верховного Совета СССР в том же году. После распада Советского Союза победа СССР во Второй мировой войне стала центральным событием в официальной политике памяти России. 9 мая 1995 года, в честь 50-летия Победы, на торжественном вечере, приуроченном к этой дате, был открыт Центральный музей Великой Отечественной войны. Победа в официальном нарративе все чаще представлялась как достижение преимущественно русских. Для подчеркивания этого акцента на Поклонной горе был возведен

9 <https://www.s2pu.com/index.php/en/ww2/petition-to-build-a-memorial>. Взято 25.03.2023.

10 Газета Nordland, 15.03.2023.

11 Доклад Михаэля Стокке на конференции от 20.04.2023. Стокке называет общее количество военнопленных украинской национальности 16 600 человек.

храм в честь Святого Георгия Победоносца, христианского покровителя воинов. И музей, и церковь были посвящены памяти павших. Светская и духовная составляющие здесь соединялись, выступая в роли символов спасения земли и единства народа.¹²

В связи с празднованием 9 мая в Vestre gravlund в 2022 году были возложены цветы с георгиевской лентой, знаком «Z» и надписью «За победу (Россия)». Цветы с георгиевской лентой следует интерпретировать как знак одобрения нападения России на Украину. Лента в основном использовалась пророссийскими деятелями, чтобы продемонстрировать поддержку войны против Украины.

Евгения Хорольцева, руководитель проектов Академии прав человека и один из инициаторов создания организации «Смородина «SmåRådina»¹³ (сообщество в Норвегии, выступающее за демократию в России), подтвердила, что это символический знак поддержки российской стороны в войне. Она подчеркивает, что россияне, которые дистанцируются от политического режима России, а вместе с ним и от войны в Украине, не будут использовать этот символ для празднования 9 мая.¹⁴ В коммеморативной практике и риторике, которую использует Россия, Вторая мировая война часто используется как оправдание нападения России на Украину. В своей речи 24 февраля 2022 года Владимир Путин подчеркнул роль России в защите интересов русскоязычных граждан, заявив, что это оправдано исторической памятью и борьбой с угрозами, напоминающими события Второй мировой войны.¹⁵ За последние 20 лет в России был сформирован «культ Великой Отечественной войны». Представители других этносов и национальностей, включая миллионы украинцев, сражавшихся в составе Красной Армии, в значительной степени остались вне рамок этой исторической нарративной конструкции.¹⁶

С 2009 года посольства России по всему миру проводят акцию «Волонтеры Победы», во время которой они раздают георгиевскую

12 Карлтон Г. Victory in death. Annihilation narratives in Russia today, в журнале History & Memory, Vol. 22, No. 1 (Spring/Summer 2010). С. 158.

13 Сайт SmåRådina: [<https://www.smaaraadina.no/nb/>][5].

14 Скаре, Твергров Рагнхильд: [<https://www.prosjektutsyn.no/russlands-minnekrigerog-minnediplomati/>][5]. Опубликовано 23.06.2022, Взято 05.04.2023.

15 РИА Новости: [<https://ria.ru/20220224/obraschenie-1774658619.html>][5].

16 Гарнер, И. «Россия и Украина борются за наследие Второй мировой войны. Обе страны опираются на мощные мифы о войне.» Опубликовано 26.03.2022, доступно 02.04.2023.

ленточку. В 2019 году «Волонтеры Победы» действовали более чем в 90 странах мира. Но они не упомянули о других значениях георгиевской ленты, особенно тех, которые связаны с конфликтом на Украине. В 2014 году восточнуукраинские отряды «самообороны», подпитываемые российской пропагандой и украшенные георгиевскими ленточками, собрались, чтобы защитить советские воинские мемориалы от так называемых «бандеровцев» - термин, используемый в российском дискурсе для обозначения украинских националистов, которые по историческим причинам часто ассоциируются с сотрудничеством с нацистами. В 2014 и 2015 годах по всей России и Украине люди носили ленту в знак поддержки российской агрессии на востоке Украины. Таким образом, лента стала символом двух войн, а также свидетельством того, как Кремль использует память о Второй мировой войне как внутри страны, так и за рубежом, чтобы выйти на другие, более спорные геополитические позиции.¹⁷ Георгиевская лента размещается на воинских могилах в Норвегии вместе с цветами и венками. В некоторых местах возникла негативная реакция на её использование, однако в целом норвежские СМИ уделяли мало внимания этому вопросу.¹⁸

Важно отметить, что среди советских солдат, погибших на норвежской земле, присутствуют представители различных национальностей, однако обсуждение этого вопроса может быть втянуто в текущую военную риторику. Память жертв войны следует чтить, основываясь на исторических фактах, избегая смешивания этой темы с нынешней военной ситуацией. В связи с войной в Украине власти избегают привлечения внимания к открытию отреставрированных советских мемориалов. Одним из таких примеров является памятник, перенесенный из Овергордена на кладбище Ванг осенью 2022 года. Всего в Овергорде в 1945 году было похоронено 97 советских военнопленных. В конце октября 1951 года останки были перенесены в Тьётту во время операции «Асфальт». Сегодня удалось установить имена и места рождения 29 погибших. Их идентификация свидетельствует, что это были русские, белорусы и украинцы, умершие от болезней и истощения в летние месяцы после освобождения в 1945 году. Мемориал на кладбище Ванг является важным

17 McGlynn, Джейд: «Россия использует дипломатию памяти для экспорта своего нарратива в мир», *Foreign Policy*, 25.06.2021. Доступно 05.03.2023. <https://foreign-policy.com/2021/06/25/>.

18 Dagsavisen, 10.05.2022. <https://www.dagsavisen.no/nyheter/>.

напоминанием о жестокости любой войны и унижения человеческого достоинства, и несмотря на это, приходской священник в Бальсфьорде и Малангене и епископ в Норд-Хологаланде отказались почтить память советских военнопленных на кладбище.

С 2018 года новые советские мемориалы на норвежской земле стали охватывать более широкий круг исторических тем, чем ранее. Среди них — судьба партизан, действовавших на норвежской территории, история поморов в Варангере и советские солдаты, погибшие во время транспортировки в годы войны. Примером этому является памятник в Хасвике шести советским солдатам, погибшим в авиакатастрофе на Южном острове в 1944 году. Он был открыт 7 октября 2021 года. На открытии памятника присутствовали официальные представители России, США и Норвегии. Министр обороны Франк Бакке-Йенсен сказал, что Норвегия не забудет, что именно Советы освободили Восточный Финнмарк, и что мы всегда будем благодарны за усилия наших соседей. Он также выразил удовлетворение усилиями муниципалитета Хасвика по увековечиванию памяти шести солдат. Он поблагодарил муниципалитет Хасвика за сохранение памяти о погибших. После этого Генеральный консул России Николай Коныгин выразил благодарность Норвегии за то, что эта история стала достоянием гласности. «Мы в союзе с партизанами разгромили гитлеровскую Германию», — заявил Коныгин.¹⁹ Правительство Норвегии в его речи было определено как единственный положительный пример сотрудничества России в сфере исторических памятников. В дальнейшем памятник в Хасвике был отмечен Министерством иностранных дел России, он также упоминался в марте 2021 года на заседании «Комитета Победы», на котором присутствовали президент В. Путин и министр обороны С. Шойгу. На заседании было отмечено, что Норвегия проявляет уважение к исторической памяти о советских воинах, погибших в годы Второй мировой войны на территории Норвегии.²⁰

Недостаток интереса со стороны центральных властей Норвегии к открытию памятника в Хасвике и их отсутствие на церемонии является важным сигналом. Это подчёркивает непростое положение Норвегии, которой в российском дискурсе приписывается роль союзника в сохранении исторической памяти. В этом контексте

19 Klassekampen, 08.10.2021. <https://klassekampen.no/>.

20 Dagsavisen, 21.02. 2022

памятник воинам-освободителям Советской армии в Киркенесе выступает примером длительного взаимодействия между норвежскими властями и советскими, а позже российскими, официальными структурами. Исследователь Йоаким Алмен Маркуссен указывает, что коллективная память в период 1945–1952 годов была тесно связана с вопросами безопасности. Монумент Освобождения стал символом и напоминанием о том, что отношения Норвегии с Советским Союзом в то время строились на основе диалога и сотрудничества. Этот мемориальный дипломатический диалог продолжался в течение всего периода холодной войны и сохраняется до сих пор.²¹

Очевидно, что норвежским властям необходимо разработать чёткий регламент для рассмотрения запросов российской стороны о создании новых мемориалов. При этом важно учитывать и просьбу организации «Поддержка народа Украины» об установке отдельного мемориала украинским воинам, павшим при освобождении Норвегии. Министерство культуры Норвегии в значительной степени дистанцировалось от процессов, связанных с мемориалами советским военнопленным. Его позиция заключается в том, что с момента гибели этих людей прошло более 77 лет, и жертвам следует позволить упокоиться с миром, не вовлекая их память в продолжающийся конфликт между Россией и Украиной. Норвежские власти также подчеркивают, что у них нет возможности выделить отдельные группы погибших по национальному признаку в рамках советских захоронений. Управление военными захоронениями осуществляется в соответствии с международным правом, где ключевым критерием является государственная принадлежность погибших, а не место их рождения. В Норвегии не принято устанавливать национально-ориентированные мемориалы на местах захоронений: все подобные памятники обозначаются как советские.²² В мае 2023 года велись споры о том, следует ли снимать георгиевские ленточки с советского мемориала в Альте, на что норвежские власти никак не отреагировали, и лента до сих пор широко используется на других мемориалах. Однако говорить о новой холодной войне за воинские захоронения в Норвегии пока еще рано.

21 Маркуссен А.Й. Безопасностная политика памяти: Создание Монумента Освобождения в Киркенесе 1945-1952.: Nordisk Østforum, том 35, 2021. С. 114. DOI: [10.23865/noros.v35.2960]

22 Vårt Land, 04.07.2022

Samarbeid mellom Norge og Russland – eller konflikt og propaganda?

Sofus Vikeså Kjeka
Avdelingsleder
Helgeland Museum

ABSTRAKT

Denne artikkelen utforsker den lite kjente historien om norsk-russisk partisanvirksomhet i Finnmark under andre verdenskrig og ettervirkningene av virksomheten. Forfatteren presenterer ny forskning og personlige erfaringer fra arbeidet med en museumsstilling om temaet. Artikkelen belyser samarbeidet mellom norske og russiske partisaner, deres overlevelsesstrategier og de komplekse relasjonene som oppstod. Den drøfter også hvordan den kalde krigen påvirket disse forbindelsene, med fokus på et konkret tilfelle av etterkrigstidens spionasje. Avslutningsvis reflekterer forfatteren over historiens relevans for dagens geopolitiske situasjon og understreker viktigheten av akademisk frihet og kritisk historieformidling.

Innledning

På bakgrunn av en utstilling jeg laget i 2017 om norske og russiske partisaner i Vest-Finnmark, ble jeg bedt om å skrive en artikkel her om glemte norsk-russisk historie og glemte temaer. Utstyret ved partisanbasen fikk jeg utrolig nok mulighet til å samle inn selv. Vi registrerte gjenstandene og bygget nye montre i museet.

Norsk-russisk partisanhistorie fra andre verdenskrig har heldigvis fått et betydelig faglig løft på 2000-tallet. Mange tidligere ukjente partisanleirer har blitt lokalisert og dokumentert. Det er også skrevet nye fagbøker om temaet, særlig med fokus på Finnmark. En av disse er *Partisanbygda*

Kiberg av Einar Niemi, utgitt i 2007. Denne boken gir et grundig historisk perspektiv på partisanvirksomheten i Øst-Finnmark, med særlig vekt på Kiberg, som fikk tilnavnet Lille-Moskva.¹

Det er verdt å nevne noen tidligere verk som har lagt grunnlaget for senere forskning. Blant disse er *Lille-Moskva: Den glemte krigen* (1983) av Kjell Fjørtoft, som fokuserte på partisanvirksomheten i Kiberg. I tillegg har Hans Kristian Eriksen skrevet tre viktige bøker om temaet: *Partisaner i Finnmark* (1969), *Partisanenes død* (1972) og *Partisaner i nord* (1979).² Disse verkene har bidratt til å fremheve partisanenes historie og vært sentrale for både videre forskning og anerkjennelsen av deres innsats under krigen.

Partisaner i Finnmark

Min utstilling, som åpnet i 2017 ved Museene for kystkultur og gjenreisning i Finnmark, dreiet seg om forholdene for én norsk og to russiske partisaner som drev en radiosender-operasjon fra Måsøy kommune i Vest-Finnmark. De tre soldatene var nordmannen Arnulf Mathisen fra Kiberg, den russiske telegrafisten Nikolaj Sisov og den russiske sersjanten av 1. klasse Pavel Bogdanov. Ved hjelp av en Sever-Bis radiosender sendte de rapporter til hovedkvarteret i Murmansk, som på denne tiden også videreformidlet informasjon om Wehrmachts trafikk i Norge til de allierte landene. De drev radiovirksomheten gjennom hele krigen, men historien deres, som startet i 1941, var preget av dramatiske hendelser. Etter militær opplæring og planlegging fra Murmansk ankom de tre soldatene Vest-Finnmark og etablerte base ved fjellet Hesten. Her bygget de et lite fort for radioarbeidet.

Dette er en bemerkelsesverdig historie om hvordan de klarte å overleve i en enkel base under ekstreme værforhold, og hvordan de begynte operasjonen midt på vinteren i bitende kulde. Like fascinerende er det at en tidlig modell av den russiske ubåten S-55 kom til unnsetning for å levere livsnødvendige forsyninger til soldatene ved kysten nedenfor

-
- 1 Svendsen, Magnar. *Helst mot urolig vær. Historieforståelse og historiebruk i Kjell Fjørtofts Lille-Moskva og Vi fikk vår frihet* //Masteroppgave i historie. URL: <https://munin.uit.no/bitstream/handle/10037/8095/thesis.pdf?sequence=2>. Hentet 30.05.2023
 - 2 Viljakainen, Knut Eino. *Minne, glemsel og politikk. En studie av partisanene i norsk krigshistorie og frigjøringsjubileer i Finnmark gjennom den kalde krigen* //Masteroppgave. URL: <https://nordopen.nord.no/nord-xmlui/bitstream/handle/11250/3110857/KnutEinoViljakainen.pdf?isAllowed=y&sequence=1>. Hentet 30.05.2023

fjellet. Dessverre førte et voldsomt uvær til at den viktigste forsendelsen fra ubåten ble ødelagt.

Soldatene skjønte nå at de ikke kunne overleve ved basen på fjellet. Derfor tok nordmannen kontakt med en nærliggende gård i Bakfjord og spurte om få et gjemmeded. Dette sa fiskebøndene ja til, og i hele tre år bodde soldatene på gården. Om tyske soldater kom på inspeksjon, gjemte de seg i et jordhull under fjøset. Ingen ble oppdaget, og partisanene kunne reise hjem etter krigen.

Forholdet mellom de to russiske soldatene, den norske soldaten og de norske bøndene er fascinerende. Det er en historie om sterkt samhold, lojalitet og solidaritet i møte med en truende motstander. Bøndene risikerte livet ved å hjelpe soldatene, og de slet og jobbet for å grave jordhulen og for å klare å skaffe mat til alle. Dette har uten tvil vært et stort slit. Men det var også positive sider, nordmenn og russere levde side om side og ble bedre kjent med hverandres språk og kulturer over flere år.

Etter krigen begynte som kjent de internasjonale alliansene å skifte, noe som fikk direkte konsekvenser for denne situasjonen – dessverre for de involverte. I 1945 endret også Sovjetunionen sin politikk. Alle norske soldater som fikk opplæring i Murmansk, måtte skrive under på et dokument laget av russisk etterretning (NKVD):

I (the Norwegian soldier) will be willing to cooperate with Soviet intelligence in the future. I will never reveal anything I learn in this service. I will never forget the punishment from the Soviet Union, wherever I might be in the world, if I should break this contract.³

Dette dokumentet reflekterer den dramatiske endringen i allianser og politikk som fant sted mot slutten av andre verdenskrig og begynnelsen av den kalde krigen. Etter krigen endret forholdet mellom Sovjetunionen og vestlige land seg raskt fra allierte til rivaler, noe som påvirket situasjonen for soldater og sivile som hadde samarbeidet under krigen. Denne typen hemmelige avtaler var ikke uvanlige for etterretningstjenester under den kalde krigen, og viser hvordan individer kunne bli fanget mellom stormaktenes interesser i denne perioden. Det understreker

3 Svendsen, Magnar. *Helst mot urolig vær. Historieforståelse og historiebruk i Kjell Fjørtofts Lille-Moskva og Vi fikk vår frihet* // Masteroppgave i historie. URL: <https://munin.uit.no/bitstream/handle/10037/8095/thesis.pdf?sequence=2> Hentet 30.05.2023

også den økende mistilliten og spenningen mellom øst og vest som preget etterkrigstiden.

Et par år etter krigen kom den ene russiske soldaten tilbake til Bakfjord, antagelig på oppdrag fra NKVD. Soldaten krevde nå at bøndene på gården som huset soldatene, skulle tvinge sønnene sine til å få militær opplæring i Murmansk.

Denne situasjonen var preget av tvang, og ikke ønskelig for bøndene. Motvillig lot de sin yngste sønn, Selmer Nilsen, bli med til Murmansk. Etter flere år med militærtrening i Murmansk returnerte yngstesønnen til Finnmark, og etter flere tiår ble det bevist at han var blitt en aktiv og helt profesjonell spion for Sovjet i Norge, slik han selv tilsto. Denne fortellingen er veldig spennende i seg selv.

Etter en grundig gjennomgang av litteratur om temaet samt analyser av rettssaken i Norge tok jeg kontakt med norsk etterretning for å undersøke muligheten for å stille ut radiosenderen som Selmer Nilsen benyttet i forbindelse med spionasje i Norge på 1960-tallet. Tillatelsen ble gitt, og i dag er denne sovjetiske radiosenderen en del av museets samling og kan beskues der.

Disse historiene i relasjon til vår egen tid

Historiene illustrerer hvordan mennesker finner grunn til å samarbeide når begge parter står overfor en trussel fra en aggressiv stat. I disse situasjonene demonstrerte norske og russiske borgere hvordan solidaritet kan fungere i praksis.

I ettertid, med den kalde krigens inntog, ser vi hvordan overnasjonale allianser bidro til å svekke den tidligere felles forståelsen og kulturen. Dette førte til økende mistenksomhet og splittelse mellom statene, noe som kommer tydelig fram i disse historiene.

I dagens kontekst, med konflikten mellom Russland og Ukraina, er det slående å se hvordan dagens Russland ikke spiller samme rolle som under andre verdenskrig. Mens de den gang bidro betydelig til frigjøring, har de nå inntatt rollen som en invaderende part.

Det er kanskje viktige enn noen gang for humanister og andre fagfolk å korrigere hvordan alle stater bruker historie i sin propaganda.

Måten både Norge og Russland manipulerer historie, forvrenger fakta og tilpasser fortellingen til sine geopolitiske agendaer, er ikke historieformidling. Det er politisk propaganda. Vi bør ikke tillate at statsledere bruker historien som et redskap for å fremme sine mål. Historien må

tas tilbake fra politikere, og vi må sørge for at verken skolepensum eller mediefortellinger styres av politiske agendaer.

Vi bør heller aktivt og høyløyt fremme akademisk frihet i alle land. Dette vil være en langt bedre måte å hedre dem som samarbeidet på tvers av landegrenser i vår felles historie, på.

Норвегия и Россия – сотрудничество или конфликт и пропаганда?

Софус Викисо Къека
Заведующий отделом
Музей Хельгеланда

АННОТАЦИЯ

Эта статья исследует малоизвестную историю норвежско-русской партизанской деятельности в Финнмарке во время Второй мировой войны и ее последствия. Автор представляет новые исследования и личный опыт работы над музейной выставкой по этой теме. Статья освещает сотрудничество между норвежскими и русскими партизанами, их стратегии выживания и сложные отношения, которые возникли. Также рассматривается влияние холодной войны на эти связи, с акцентом на конкретный случай послевоенного шпионажа. В заключение автор размышляет о значимости этой истории для современной геополитической ситуации и подчеркивает важность академической свободы и критического подхода к изложению истории.

Вступление

Эта статья о норвежских и советских партизанах в Западном Финнмарке написана на основе организованной мною в 2017 году выставки в музее коммуны Мосёй в Финнмарке. В ходе работы над выставкой у меня была уникальная возможность самому собирать технику на бывшей партизанской базе. Мы регистрировали объекты и делали новые экспозиции в музее.

История норвежско-российских партизан времён Второй мировой войны получила значительное научное развитие в 2000-х годах. Многие ранее неизвестные партизанские лагеря были обнаружены

и документированы. Также были написаны новые научные книги на эту тему, особенно в отношении Финнмарка. Одна из таких книг — *Партизанская деревня Киберг* (Partisanbygda Kiberg) Эйнара Ниеми, изданная в 2007 году. Эта книга предоставляет всесторонний исторический анализ партизанской деятельности в Восточном Финнмарке с особым вниманием к деревне Киберг, которую называли «Маленькой Москвой»¹.

Стоит упомянуть некоторые более ранние работы, которые заложили основу для последующих исследований. Среди них книга Кьелла Фьёртофта *Маленькая Москва: забытая война* (1983), посвящённая партизанской деятельности в Киберге. Кроме того, Ханс Кристиан Эриксен написал три важные книги на эту тему: *Партизаны в Финнмарке* (1969), *Смерть партизан* (1972) и *Партизаны на Севере* (1979)². Эти работы сыграли ключевую роль в исследовании истории партизан и стали важными для дальнейших научных изысканий и признания их вклада в военное время.

Партизаны в Финнмарке

Выставка, открытая в 2017 году в Музее прибрежной культуры и восстановления Финнмарка, была посвящена условиям жизни трех партизан, работавших на радиопередатчиках в Западном Финнмарке, коммуне Мосёй. Тремя солдатами были: норвежец Арнульф Матисен из Киберга, русский радист Николай Сисов и русский сержант первого класса Павел Богданов. С помощью радиопередатчика Sever-Bis они отправляли сообщения в штаб в Мурманске, который в то время также передавал информацию о передвижении войск вермахта в Норвегии союзникам. Они занимались радиосвязью на протяжении всей войны, но их история, начавшаяся в 1941 году, была отмечена драматическими событиями. После военной подготовки и планирования в Мурманске трое солдат прибыли в Западный

1 Свендсен М. Против ветра к штормовой погоде. Восприятие и использование истории в книгах Кьелла Фьёртофта «Маленькая Москва» и «Мы обрели нашу свободу». Магистерская диссертация по истории. URL: <https://munin.uit.no/bitstream/handle/10037/8095/thesis.pdf?sequence=2>. Взято 30.05.2023.

2 Вильякайнен К.Э. Память, забвение и политика. Исследование о партизанах в норвежской военной истории и об освобождённых юбилеях в Финнмарке в период холодной войны. Магистерская диссертация. URL: <https://nordopen.nord.no/nord-xmlui/bitstream/handle/11250/3110857/KnutEinoViljakainen.pdf?isAllowed=y&sequence=1>. Дата обращения: 30.05.2023.

Финнмарк и основали базу у горы Хестен. Здесь они построили небольшой форт для работы радио.

Это удивительная история о том, как они смогли выжить на базе в условиях экстремальной погоды и как начали операцию в суровые зимние морозы. Не менее впечатляет, что ранняя модель российской подводной лодки С-55 пришла им на помощь, доставив жизненно необходимые припасы на побережье у подножия горы. К сожалению, сильный шторм разрушил самый важный груз с подводной лодки.

Солдаты поняли, что на базе им не выжить, поэтому норвежец связался с соседней фермой в Бакфьорде и спросил, можно ли им найти укрытие. Фермеры-рыбаки согласились, и целых три года солдаты жили при ферме, прятались в яме под сараем на случай, если немецкие солдаты придут с проверкой. Никто не был обнаружен, и партизаны смогли вернуться домой после войны.

Сложилось прекрасные отношения между двумя русскими солдатами, норвежским солдатом и фермерами. Это история сильного единства, преданности и солидарности перед лицом противника. Фермеры рисковали своей жизнью, чтобы помочь солдатам, они много трудились чтобы выкопать яму в земле и добыть еду для всех. Несомненно, это была великая борьба. Норвежцы и русские жили бок о бок, люди за несколько лет познакомились с языком и культурой друг друга.

После войны, как известно, международные альянсы начали изменяться, что напрямую отразилось на данной ситуации, к сожалению, для её участников. В 1945 году Советский Союз изменил свою политику. Все норвежские солдаты, прошедшие обучение в Мурманске, должны были подписать документ российской разведки (НКВД):

Я, (норвежский солдат), готов сотрудничать с советской разведкой в будущем. Я никогда не раскрою ничего, что узнаю на этой службе. Я всегда помню, что меня ждет наказание со стороны Советского Союза, где бы я ни находился в мире, если я разорву этот контракт.³

3 Свендсен М. Против ветра к штормовой погоде. Восприятие и использование истории в книгах Кьелла Фьёртофта «Маленькая Москва и Мы обрели нашу свободу». Магистерская диссертация по истории. URL: <https://munin.uit.no/bitstream/handle/10037/8095/thesis.pdf?sequence=2>. Взято 30.05.2023.

Данный документ отражает драматические изменения в альянсах и политике, произошедшие в конце Второй мировой войны и в начале холодной войны. После войны отношения между Советским Союзом и западными странами быстро трансформировались из союзнических в конкурирующие, что повлияло на положение военнослужащих и гражданских лиц, сотрудничавших во время войны. Подобные секретные соглашения не были редкостью для разведывательных служб в период холодной войны и демонстрируют, как отдельные лица могли оказаться в ловушке между интересами сверхдержав в этот период. Это также подчеркивает растущее недоверие и напряженность между Востоком и Западом, характерными для послевоенного времени.

Через пару лет после войны один из русских солдат вернулся в Бакфьорд, предположительно по заданию НКВД. Теперь он требовал, чтобы семья, где проживали солдаты, отправила своих сыновей пройти военную подготовку в Мурманске.

Эта ситуация характеризовалась принуждением и была нежелательна для фермеров. С неохотой они отпустили младшего сына в Мурманск. После нескольких лет военной подготовки в Мурманске младший сын Зельмер Нильсен должен был вернуться в Финнмарк. Он так и сделал, а через несколько десятилетий было доказано, что он стал профессиональным шпионом Советского Союза в Норвегии, как он сам признавался. Этот рассказ сам по себе очень интересен.

После тщательного изучения литературы по данной теме и анализа материалов судебного процесса в Норвегии, я обратился в норвежскую разведку с запросом о возможности выставить радиопередатчик, который Сельмер Нильсен использовал для шпионажа в Норвегии в 1960-х годах. Разрешение было получено, и сегодня этот советский радиопередатчик представлен в коллекции музея и доступен для просмотра.

Эти события, произошедшие несколько десятилетий назад свидетельствуют о давней истории сотрудничества и культурного обмена между Северной Норвегией и Россией.

Выводы применительно к нашему времени

Эти истории показывают, как люди находят основания для сотрудничества, когда обе стороны сталкиваются с угрозой со стороны агрессивного государства. В такие моменты норвежцы и россияне

наглядно продемонстрировали, как может работать солидарность на практике.

Со временем, с началом холодной войны, мы видим, как наднациональные союзы способствовали разрушению прежнего взаимопонимания и общей культуры. Это привело к нарастающему недоверию и расколу между государствами, что ярко проявляется в данных рассказах.

В современном контексте конфликта между Россией и Украиной бросается в глаза, что сегодняшняя Россия играет другую роль, чем во время Второй мировой войны. Если тогда она внесла значительный вклад в освобождение, то теперь она выступает в роли захватчика.

Сейчас как никогда важно, чтобы исследователи и, прежде всего гуманитарии объединили свои усилия и противостояли искажению истории на государственном уровне и ее использованию в целях пропаганды.

Способ, которым как Норвегия, так и Россия манипулируют историей, искажают факты и адаптируют их к своим геополитическим целям, нельзя назвать исторической наукой. Это политическая пропаганда. Мы не должны позволять государственным лидерам использовать историю как инструмент для достижения своих целей. История должна быть возвращена из рук политиков, и необходимо обеспечить, чтобы ни школьные программы, ни медианарративы не контролировались их политическими интересами.

Мы должны активно продвигать академическую свободу во всех странах. Это станет гораздо более достойным способом почтить память тех, кто сотрудничал через границы в нашей общей истории.

Undertrykkelse i det kulturelle minnet og minnepolitikk i Sovjetunionen og det postsovjetiske Russland

V. N. Professor

ABSTRAKT:

Artikkelen viser hvordan minnepolitikk og kulturelt minne om undertrykkelse av landets innbyggere utviklet seg i Sovjetunionen og i det postsovjetiske Russland. De viktigste stadiene i utviklingen av minnepolitikken blir belyst – fra tabuiseringen av temaet under den sovjetiske perioden av landets historie, til etableringen av en kritisk fortelling under perestrojka-perioden og den økende toleransen overfor den sovjetiske fortiden i dag. Stor oppmerksomhet rettes mot organisasjonen Memorial¹, som arbeider med å undersøke politisk undertrykkelse i Sovjetunionen og å bevare minnet om ofre for denne undertrykkingen gjennom minnearbeid og minnemarkeringer. Artikkelen tar for seg noen av forfølgelseskampanjene som sovjetstaten organiserte mot sine borgere, og gir informasjon om noen av de kjente henrettelsesstedene. En del av artikkelen omhandler NKVDs undertrykkelse av Arkhangelsks innbyggere i forbindelse med saken mot den norske konsulen Arnold Viklund i 1937.

Tabuisering av temaet i Sovjetunionen

Som et resultat av oktoberrevolusjonen kom en regjering ledet av det russiske sosialdemokratiske arbeiderpartiet (RSDRP) til makten i Russland i 1917. Fra første dag førte denne regjeringen en repressiv politikk mot sine politiske motstandere og deler av sivilbefolkningen.

1 Organisasjonen er oppført på det russiske justisdepartementets liste over «utenlandske agenter».

Undertrykkelsespolitikken ble gjennomført i alle de årene staten eksisterte. Offisielt ble den stanset i 1953 etter at landets leder Josef Stalin døde, men frem til perestrojkaen startet i 1985, fortsatte de politiske arrestasjonene og forfølgelsen av dissidenter, og det eksisterte en straffepsykiatri. Undertrykkelsen rammet ulike grupper av mennesker, fra medlemmer av adelen og aristokratiet til bønder og hele folkeslag som ble utsatt for deportasjoner. Hoveddelen av de som ble forfulgt, var mennesker dømt etter paragraf 58 (den politiske paragrafen). Den fastsatte ansvar for kontrarevolusjonær aktivitet. Paragrafen ble innført i 1926 og avskaffet i 1961.² I tillegg kunne folk bli forfulgt i medhold av andre paragrafer, som omhandlet økonomiske forbrytelser, «sabotasje», spionasje og lignende.

Undertrykkelsen i Sovjetunionen var i lang tid et tabubelagt tema. Det ble utelatt fra den offentlige diskursen og den offisielle historien. Hele generasjoner født i Sovjetunionen etter 1945 var uvitende om eksistensen av sovjetiske konsentrasjonsleirer og masseundertrykkelse. Eldre slektninger foretrakk å tie. For å beskytte seg selv tok mange avstand fra sin egen familiehistorie. Samfunnet sank i mange år ned i en kollektiv amnesi. Unntaket var boken *GULag-arkipelet* av Aleksandr Solzjenitsyn, som ble utgitt i Paris i 1973.³ I Russland ble den først publisert i 1990. Boken er basert på brev, muntlige fortellinger fra fanger og forfatterens egne minner. Den beskriver de sovjetiske konsentrasjonsleirene i perioden fra 1918 til 1956. Solzjenitsyn jobbet med boken i hemmelighet fra 1958 til 1968. Etter utgivelsen i Paris i 1973 startet myndighetene i Sovjetunionen en omfattende kampanje mot ham.⁴ I 1974 ble han utvist fra landet.

Antallet forfulgte

Tallet på forfulgte varierer fra kilde til kilde og er ikke fastslått den dag i dag. Økonomen Ivan Kurganov har de høyeste anslagene (Solzjenitsyn refererte til disse dataene i romanen *GULag-arkipelaget*⁵). Han anslo at fra 1917 til 1959 ble 110 millioner mennesker ofre for sovjetregimets interne

2 Artiklene 581, 581a–581g og 582–5814 i Straffeloven for RSFSR fra 1922, i redaksjonen fra 1926 og senere versjoner, fastsatte ansvar for kontrarevolusjonær virksomhet. Samlingen av lover for RSFSR, 1926, nr. 80.

3 Solzjenitsyn, A.I. *Аpxунeлaз ГYЛAГ*. (*GULag-arkipelet*). Paris, YMCA-PRESS, 1973.

4 Den 31. august 1973 publiserte avisen Pravda et åpent brev fra en gruppe sovjetiske forfattere, hvor A. I. Solzjenitsyn og A. D. Sakharov ble fordømt. I desember 1973 startet en kampanje i sovjetiske medier, som utpekte Solzjenitsyn som forræder, og han ble stemplet som en «litterær Vlasov».

5 Solzjenitsyn, A.I. *Архипелаг ГУЛАГ*. Moskva: Sovetskij pisatel, 1989.

krig mot folket.¹ I dette tallet inkluderer Kurganov ofre for hungersnød, kollektivisering, bondeeksil, leirer, henrettelser, borgerkrigen og «den forsømmelige og slurvete gjennomføringen av andre verdenskrig»². Tallene som er oppgitt av Arsenij Roginskij, leder for menneskerettighetsorganisasjonen Memorial³, er mer realistiske. Roginskij skriver at «i hele Sovjetunionen regnes 12,5 millioner mennesker som ofre for politisk undertrykkelse», men legger til at i vid forstand kan opp mot 30 millioner mennesker regnes som ofre».⁴

Lederne av bevegelsen Jabloko, Jelena Kriven og Oleg Naumov, har beregnet antallet ofre for Stalins regime. De inkluderte alle kategorier: de som døde i leirene på grunn av sykdom og harde arbeidsforhold, de som ble fratatt rettigheter, ofrene for hungersnød, personer som led under uforholdsmessig strenge dekreter, og de som fikk urimelig harde straffer for små lovbrudd på grunn av det repressive lovverket. Ifølge dem ble totalt 39 millioner mennesker utsatt for forfølgelse.⁵

De nevnte tallene er i stor grad basert på rapporter fra de sovjetiske sikkerhetsorganene (OGPU, NKVD, MGB), men mange dokumenter fra disse institusjonene har blitt ødelagt med vilje, og mange er fremdeles utilgjengelige for offentligheten.

Minnepolitikken i Sovjetunionen begynte å endre seg først på slutten av 1980-tallet, i perioden kjent som perestrojka. I denne perioden ble fortiden brukt i en kritisk narrativ sammenheng, hvor det nye Russland ble posisjonert i kontrast til det gamle. I 1987 ble det opprettet en kommisjon for ytterligere studier av materiale knyttet til represjon.⁶ I 1989 anerkjente Sovjetunionens øverste sovjet de repressive handlingene mot folk som ble utsatt for tvangsflytting, som ulovlige og kriminelle. De to menneskerettighetsorganisasjonene Memorial og International Memorial ble opprettet i 1988. Memorial undersøker hva som skjedde med de som ble undertrykt, og International Memorial, som i dag heter International

1 Kurganov, I. «Tre tall» // Novoe russkoe slovo. 12. april 1964.

2 «Refleksjoner om to borgerkriger: intervju med A. I. Solzjenitsyn på spansk TV i 1976» // Komsomolskaja pravda. 4. juni 1991.

3 Organisasjonen er oppført på det russiske justisdepartementets liste over «utenlandske agenter».

4 Roginskij A. Stalinizm: cifry i mify [Stalinisme: tall og myter] // Ekho Moskvy. 2010, 14 avg. (på russisk, vår oversettelse)

5 Hvor mange ofre for «Stalins undertrykkelse» var det egentlig // Russkaya semerka. 2017, 30 sent. (på russisk)

6 Konsept for statlig politikk for å bevare minnet om ofrene for politisk undertrykkelse // Rossijskaya gazeta. 2015, 18 avg. (på russisk)

Memorial Association, arbeider med å avdekke og spre informasjon om forbrytelser begått av totalitære regimer i det 20. århundre, rehabilitere de undertrykte og støtte deres familier. Den omfattende rehabiliteringen av politiske fanger begynte i 1991 etter at loven om rehabilitering av ofrene for politisk undertrykkelse ble vedtatt.⁷ I 1996 begynner forsøk på å oppnå forsoning og enighet mellom det gamle og det nye Russland på statlig nivå i minnepolitikken, og på å transformere denne. I 2000 endrer minnepolitikken retningslinje seg. Det skjer en avvisning av motsetningen mellom det gamle og det nye Russland. Konseptet for den historiske fortellingen endres. På statlig nivå begynner Russland å posisjonere seg som en stat med tusenårig historie, og fremstilles i et positivt lys. Den sovjetiske historien, assosiert med masseundertrykkelser, hindrer dannelsen av dette bildet.

Praksis for minnesmerker

På slutten av 1990-tallet begynte utgivelsen av regionale minnebøker over ofre for politisk undertrykkelse («Memorial-bøkene»). I Arkhangelsk ble «Pomor-minnet» utgitt i perioden 1999–2001. Det inneholdt navnene på 20 000 politisk forfulgte innbyggere fra Arkhangelsk-regionen.⁸ Dette tallet er ufullstendig, og det faktiske antallet forfulgte er betydelig høyere.

I 2007, året for 70-årsjubileet for Den store terroren, lanserte organisasjonen Memorial prosjektet «Tilbakeføring av navn» og støttet et annet prosjekt – «Siste adresse». De opprettet og publiserte en online database over ofre for politisk terror, som inkluderte mer enn 2 000 000 navn.

I Russland markeres 30. oktober som Minnedagen for ofre for politisk undertrykkelse. Da arrangeres aksjonen «Tilbakeføring av navn», hvor de forfulgte pårørende og andre leser opp navnene på ofrene ved Solovetskij-steinen i Moskva, St. Petersburg og andre byer over hele landet. På denne datoen i 1974 gjennomførte politiske fanger i Perm- og Mordovia-leirene en sultestreik i protest.⁹

7 Закон РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» [Lov om rehabilitering av ofre for politisk undertrykkelse] // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1428. S. 1690–1696. (på russisk)

8 Pomor-minnesmerket: minnebok over ofre for politisk undertrykkelse. I 3 b. Arkhangelsk: Pomor statlige universitets forlag, 1999–2001. (på russisk)

9 Russiske politiske fanger går til sultestreik i protest // Sever Realii. 2023, 30 okt. URL: <https://www.severreal.org/a/rossiyskie-politzacllyuchennye-provodyat-golodovku-v-znak-protesta-/32659777.html>

Et annet minneinitiativ er «Den siste adressen».¹⁰ Dette er et sivilisert russisk initiativ som har som mål å hedre minnet om de som ble ofre for politisk undertrykkelse under sovjettiden. For å minnes den avdøde blir det satt opp en liten plakett, på størrelse med en håndflate, på veggen til huset der vedkommende bodde. Plaketten er dedikert én enkelt person. Prinsippet bak prosjektet er «én person, ett navn, ett merke».

I 1996 ble monumentet «Sorgens maske» avduket i Magadan, et av de største sentrene for GULag. Monumentet er skapt av skulptøren Ernst Neizvestny og arkitekten Karo Kazaev. Det andre monumentet i serien, «Sorgens maske: Europa–Asia», ble reist i 2012 i Jekaterinburg på et tidligere sted for henrettelser. Det var også planlagt å reise et tredje monument i Vorkuta, og alle tre monumentene skulle utgjøre en samlet komposisjon kalt «Sorgens triangel». Prosjektet ble imidlertid aldri fullført.¹¹

Solovetskij-steinene er et hovedsymbol for Memorial. Dette er steinblokker som er hentet fra Solovetskij-øygruppens strender og plassert i forskjellige byer i Russland som minnesmerker over politiske fanger. Den symbolske betydningen er knyttet til Solovetskij-leirens sentrale posisjon i hele det undertrykkende systemet i Sovjetunionen. For innbyggerne i Arkhangelsk-regionen har monumentet en ekstra symbolsk betydning, på grunn av steinens administrative og territoriale tilhørighet til regionen.

I Arkhangelsk var Memorial representert av organisasjonen Sovest («Samvittighet»), som ble Memorials første regionale avdeling. Den ble opprettet i 1989 og forble den sentrale aktøren for minnet om undertrykkelsene i Arkhangelsk frem til slutten av 1990-tallet.

Ideen om å sette opp en stein fra Solovki som et monument over ofrene for politisk undertrykkelse, oppsto i Arkhangelsk, men dette faktum har i dag gått i glemmeboken. Ledelsen i Moskva-avdelingen av Memorial fikk vite om planene til aktivistene i Arkhangelsk og ba dem finne en tilsvarende stein til dem. I august 1990 ble begge steinene fraktet til Arkhangelsk av det Nordlige Sjøfartsselskapet. Plasseringen av monumentet ble diskutert kollektivt. Tidligere sovjetiske ledere motsatte seg at monumentet skulle plasseres i sentrum av byen eller ved Nordre Dvina-promenaden, hvor det ville få oppmerksomhet. Monumentet ble til slutt satt opp i utkanten av byen, på Mkhov-området, hvor henrettelser fant sted i 1920–1940-årene.

10 Poslednij adres [Siste adresse]. URL: <https://www.poslednyadres.ru/> (på russisk).

11 Fadeev L. A. Frihet til å være seg selv. «Sorgens masker» og temaet politisk undertrykkelse i Ernst Neizvestnys kunst // *Izobrazitel'noe iskusstvo Urala, Sibiri i Dal'nego Vostoka*. 2020. №3. S. 42–49. (på russisk)

Solovetskij-stein i Arkhangelsk. Foto: Det virtuelle GULAG-museet, 2010

Prosjektet som ble valgt som grunnlag, var foreslått av arkitekt Burtsev, mens modellen for monumentet ble laget av den kjente kunstneren Semakov (1926–2015) fra Arkhangelsk. På Solovetskij-steinens relieff avbildet han en halvnaken mannlig figur med bøyde hode og hendene bak ryggen, som symboliserte statens totalitarisme, der mennesket ble fratatt sin frihet. Hendene bak ryggen representerte lenkene som ble satt på fangene. På steinens rektangulære plate er teksten «Til ofrene for politisk represjon» inngravert. Monumentet ble avduket 30. oktober 1992.¹² Navnene på de undertrykte er ikke tatt med på monumentet – dette indikerer ikke at minneaktørene ønsket å skjule deres identitet, men snarere at navnene ikke var kjent på den tiden.

12 Butorin M. V. Solovetsky-steinen: *Arkhangelsk. Moskva*. Moskva; Arkhangelsk, 2011. (på russisk)

Hvert år den 30. oktober arrangeres det demonstrasjoner i nærheten av steinen for å minnes ofrene for politisk undertrykkelse. I de første demonstrasjonene deltok mange, senere ble antallet deltakere redusert, og nå deltar medlemmer av organisasjonen «Samvittigheten» som ble født på 1930- og 1940-tallet.

Undertrykkelsens historie

Den repressive politikken i 1917

Omfanget av denne artikkelen gjør det umulig å undersøke alle de undertrykkende operasjonene som ble organisert av den sovjetiske staten mot egne borgere. Derfor vil jeg fokusere på noen av dem. For å slå ned på sosial motstand etablerte bolsjevikene et statlig undertrykkelsesapparat som hadde myndighet til å gjennomføre ikke-juridiske handlinger, inkludert henrettelser, samt et nettverk av fengselsinstitusjoner (konsentrasjonsleirer). Sakene til de fengslede ble ikke behandlet i en domstol. For å bekjempe «indre fiender» ble det i desember 1917 opprettet en ekstraordinær kommisjon, kjent som Tsjeka (med Feliks Dzerzjinskij som leder).

Den 5. september 1918 ble den røde terror offisielt kunngjort i landet. Målet var å eliminere «klassefiender», noe som innebar henrettelser (utryddelse) og isolasjon i konsentrasjonsleirer.¹³ Ifølge ufullstendige data ble fem og en halv million mennesker dømt i denne perioden. Det reelle tallet er imidlertid langt høyere, da det ikke er mulig å skaffe fullstendige data. Over hele landet begynte omfattende arrestasjoner av adelsmenn, prester, forretningsfolk, embetsmenn og tidligere soldater fra den hvite og den tsaristiske hæren. Undertrykkelsen ble gjennomført på klassegrunnlag. Disse menneskene skulle, ifølge den russiske regjeringen, «sone sin skyld» gjennom fysisk arbeid. De ble kalt «tidligere mennesker». Kategorien klassefiender kunne omfatte hvem som helst, basert på opprinnelse, yrke, partimedlemskap eller familieforbindelser.

Feliks Dzerzjinskij var opphavsmannen til konseptet om å bruke konsentrasjonsleirer som et repressivt tiltak.¹⁴ Etter kunngjøringen av den røde terror den 5. september 1918 ble opprettelsen av leirer for sivile personer en utbredt praksis i Sovjet-Russland. Disse leirene var underlagt Tsjeka

13 Volkov S.V. *Den røde terror gjennom øyenvitnenes øyne*. Moskva: Ajris Press, 2009. (på russisk)

14 GULag-atlas. Illustrert historie om det sovjetiske undertrykkelsessystemet / Red. G. Ivanova. Moskva: Avgust Borg, 2020. (på russisk)

(Den ekstraordinære kommisjon for kamp mot kontrarevolusjon og sabotasje», jf. snl.no), og senere underlagt OGPU, NKVDs og KGBs kontroll.

De første konsentrasjonsleirene ble etablert i tidligere klostre. I Nord-Russland var det Tsjeka-medarbeideren Kedrov som ledet straffeoperasjonene. Allerede i 1918, før den offisielle kunngjøringen av den røde terror, foregikk det et regelrett blodbad i Arkhangelsk.¹⁵ Ifølge sosiologen Pitirim Sorokin, som oppholdt seg i Nord-Russland på den tiden, «henrettet den bolsjevikiske kommissæren Kedrov mennesker i hundrevis, til og med tusenvis. Kommunistene drepte sine ofre ved skyting, ed drukning eller ved å slå dem i hjel. Da de følte at maktgrunnlaget deres vaklet, forsøkte de å styrke sin posisjon gjennom hemningsløs terror».¹⁶

Fra 1918 til september 1919 var tropper fra Det britiske samveldet, USA og Canada stasjonert i Arkhangelsk-regionen. De kjempet sammen med den hvite arméen i Russland, men det endte med at de allierte styrkene trakk seg tilbake. I begynnelsen av 1920, etter at troppene hadde forlatt området, ble 20 000 innbyggere i Arkhangelsk-regionen arrestert og henrettet, mange av dem utlendinger som hadde bodd i Arkhangelsk i mange år. Dette førte til at Arkhangelsk ble omtalt som «den døde byen».¹⁷

Under den røde terror i Arkhangelsk ble tidligere forretningsmenn, tjenestemenn og militære utsatt for represalier. Blant dem var det mange utlendinger, inkludert nordmenn. Den 14. april 1921 anklaget Tsjekaen i guvernementet Arkhangelsk innbyggeren Martin-August Abramovitsj Ulsen, født i 1851 i Norge, for kontrarevolusjonær aktivitet. Han var leder for importavdelingen i Vnesjtorg (Utenrikshandelsorganisasjonen) og hadde to barn å forsørge. Det finnes ingen informasjon om beslutningen i saken eller hans videre skjebne. Han ble fullstendig rehabilitert 23. oktober 1992.¹⁸

Etter nedkjempingen av den hvite bevegelsen i nord ble det opprettet leirer for massehenrettelser (offisiell betegnelse) i Arkhangelsk-guvernementet – Pertominsk- og Kholmogory-leirene (1920–1923).

15 Novikova L.G. Provensens «kontrarevolusjon»: Den hvite bevegelsen og borgerkrigen i det russiske nord, 1917–1920. Moskva: NLO, 2011. (på russisk)

16 Sorokin P. *En lang reise: Selvbiografi*. Moskva: Terra, 1992. S. 109. (på russisk, vår oversettelse)

17 Malsagov S.A. *Helvetesøyene: Sovjetisk fengsel i Det fjerne nord* / Overs. fra engelsk av Sh. Jandieva. Nalchik: «El-fa» forlag, 1996. (på russisk,)

18 Ulsen Martin-August Abramovitsj // Åpen liste. URL: [https://ru.openlist.wiki/Ульсен_Мартин-Август_Абрамович_\(1851\)](https://ru.openlist.wiki/Ульсен_Мартин-Август_Абрамович_(1851)) (på russisk)

Kholmogory-leiren ble kalt dødsleiren.¹⁹ Den hadde fanger fra mange regioner: krigsfanger og offiserer fra Wrangels hær, matroser fra Kronstadt og bønder fra Tambov og Vest-Sibir i Russland.²⁰

En av de første leirene av den nye typen var Solovetskij-leiren for spesielle formål (SLON) (1923–1931).²¹ Den ble opprettet på Bolsjoj Solovetskij-øya (øya Store Solovki) midt i Kvitsjøen. Den hadde opptil 60 000 fanger. De ble utsatt for tortur, mishandling og ydmykelser. For første gang ble tvangsarbeid utført av fanger brukt til å bygge landets industrielle anlegg.

Gjennom hele Sovjetunionens levetid pågikk det ulike former for undertrykkende kampanjer og prosesser. I 1925 begynte det som er kjent som avkulakiseringen, eller «avbøndifiseringen». Bønder ble fratatt eiendom, pålagt tunge skatter, sendt i eksil, henrettet og tvunget til å bli med i kollektivbruk (der privat eiendom ble felleseie). I 1917 utgjorde bøndene 82 prosent av hele befolkningen i Russland. De er den befolkningsgruppen som led mest i Russland.

Kampen mot bøndene nådde sitt høydepunkt i 1930, etter at politbyrået i VKPb (Kommunistpartiet) vedtok resolusjonen «Om tiltak for å likvidere kulakkenes gårder i områder med fullstendig kollektivisering».²² I perioden 1930–1940 ble 2 176 600 mennesker sendt i eksil. Mellom 1930 og 1932 ble over 600 000 bønder fra ulike regioner i Russland deportert til Arkhangelsk-området.²³ Mange av dem døde av sult og harde leveforhold.

Belomorkkanalen

Det første byggeprosjektet hvor det ble brukt tvangsarbeid utført av fanger, var kanalen som forbinder Kvitsjøen og Østersjøen. Den ble bygget fra 1931 til 1933. For å unngå å bruke ressurser som trengtes

19 Dojkov Ju.V. *Minnebok: Rød terror i sovjetisk Arktis, 1920–1923: (dokumentariske materialer)*. Arkhangelsk, 2011. (på russisk)

20 Izlom. *Kniga Pamjati specpereselencev Onezhskogo poluostrova* [Bruddet. Minnebok over spesielle bosettere på Onega-halvøya] / Komp. Ja.E. Kharitonova. Arkhangelsk, 2023; Dojkov Ju.V. *Minnebok: Rød terror i sovjetisk Arktis, 1920–1923: (dokumentariske materialer)*. Arkhangelsk, 2011. (på russisk)

21 GULag-atlas. En illustrert historie om det sovjetiske undertrykkelsessystemet. Red. G. Ivanova. Moskva: August Borg, 2020. (på russisk)

22 Politbyråets resolusjon fra sentralkomiteen i VKP(b) «Om tiltak for å likvidere kulakkgårder i områder med full kollektivisering». Fra vedlegget til protokoll nr. 116, punkt 36, 5. februar 1930 // Politbyrået og bøndene: Forvisning og spesialbosetting, 1930–1940. Bind I. Moskva: ROSSPEN, 2005, s. 70–76. (på russisk)

23 Hatanzejskaja, E.V. «Arkhangelsk v sisteme spetskolonizatsii Severnogo kraja v 1929–1936 gg.» // Novejshaja istorija Rossii, 2016, nr. 3, s. 93–104.

til industrialiseringen, ble byggingen utført uten tradisjonelt utstyr og materialer som vanligvis brukes i slike prosjekter. Besparelsene omfattet også fangenes ernæring. Som et resultat ble kanalen bygget på mindre enn to år, mens mellom 10 000 og 50 000 fanger døde, ifølge ulike estimater. Kanalen markerte begynnelsen på en rekke storskala GULag-byggeprosjekter.

Den 17. august 1933 dro et dampskip ut på kanalen med 120 sovjetiske forfattere og kulturpersonligheter om bord. Etter reisen skrev forfatterne i rekordfart en kollektiv monografi der de hyllet det heroiske arbeidet og viljestyrken til tsjekistene, som våget å omskape både mennesket og naturen.²⁴

«Den store terroren» er et begrep som beskriver perioden med de mest omfattende politiske (stalinistiske) represaliene i Sovjetunionen i 1937–1938. Begrepet ble først brukt av den britiske historikeren Robert Conquest i hans bok med samme navn.²⁵

De fleste historikere mener at Stalin spilte en nøkkelrolle i organiseringen og gjennomføringen av den omfattende undertrykkelsen.²⁶ I henhold til NKVD-ordre nr. 00447²⁷ ble represalier gjennomført basert på omtrentlige «planlagte kvoter». Ofrene inkluderte tidligere kulakker, medlemmer av opprørske grupper, medlemmer av antisosialistiske partier, tidligere hvitegardister, embetsmenn og kriminelle. Personer som allerede satt i fengsler, leirer, arbeidsbosettinger og kolonier, ble utsatt for nye anklager og eventuelt henrettet hvis de ble anklaget for å fortsette sin «antisovjetiske undergravende virksomhet».

De «planlagte kvotene» ble gjentatte ganger overskredet av NKVD. Totalt ble 1 372 382 personer arrestert av politiske grunner i årene 1937–1938, og 681 692 mennesker ble henrettet.

Ifølge historikeren Oleg Khlevniuk viser innholdet i ordrene som regulerte masseoperasjonene, et ønske fra Stalins ledelse om å eliminere «den femte kolonne».²⁸ Dette begrepet oppsto under den spanske borgerkrigen i 1936–1939. Khlevniuk hevder at konspirasjoner og den femte

24 Den hvitehavs-kanal oppkalt etter Stalin: Byggehistorie, 1931–1934. Red. M. Gorkij, L. L. Averbakh, S. G. Firin. Moskva: OGIZ, 1934.

25 Conquest R. The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties. L.: Macmillan, 1969.

26 Khlevniuk, O.V. Herskeren. Stalin og etableringen av det stalinistiske diktaturet. Moskva: ROSSPEN, 2010.

27 Den operative NKVD-ordren nr. 00447 av 30. juli 1937 «Om operasjonen for å undertrykke tidligere kulakker, kriminelle og andre antisosialistiske elementer» // Minnebok for ofrene for politiske represalier. Uljanovsk, 1996, s. 766–780.

28 Khlevniuk, O.V. Årsakene til «den store terroren». // Vedomosti, 6. juli 2017.

kolonne eksisterte i forestillingene til Stalin og hans medarbeidere, men ikke i virkeligheten.²⁹

Den franske historikeren Nicolas Werth ser på Den store terroren som en mekanisme for sosial ingeniørkunst utført av myndighetene, den endelige fullføringen av politikken med avkulakisering og nasjonale deportasjoner.³⁰

Forskere i sovjetisk historie og kultur Evgeny Dobrenko, Sheila Fitzpatrick, Igal Halfin og Oleg Kharkhordin retter oppmerksomheten mot hvordan massene og regimet gir hverandre gjensidig støtte, forsterker hverandre og smelter sammen, i kontrast til det tradisjonelle synet som vektlegger motsetningen mellom dem. Etter deres syn lå kilden til terroren ikke i regimet, men i selve massene, i den tilbakestående politiske kulturen som produserte et regime som institusjonaliserte masseagresjon og kollektiv forakt for individet.³¹

Den tyske historikeren Karl Schlögel mener at terroren som ble igangsatt av toppledelsen med formål om å bli kvitt fiender, villig ble tatt opp og brukt av mange strukturer og borgere for å løse sine egne problemer og klatre på karrierestigen.³²

Saken om den norske konsulen Viklund

På 1930-tallet fikk Arkhangelsk tilnavnet «USSRs valutaverksted».³³ Byen spilte en hovedrolle i handelen med «grønt gull» – treprodukter. Disse ble distribuert over hele verden gjennom London tømmerbørs. Til lasting og transport av tømmer leide Sovjetunionen hovedsakelig norske, svenske og engelske skip. Det eneste norske konsulatet i det europeiske nord, lokalisert i Arkhangelsk, kontrollerte tømmertransportprosessen for disse landene fra Kvitsjøen. I 1930-årene besøkte flere hundre utenlandske dampskip som var chartret for å frakte tømmerlast til Europa og

29 Samme sted

30 Werth N. *L'Ivrogne et la Marchande de fleurs: Autopsie d'un meurtre de masse, 1937–1938*, Paris: Tallandier, 2009.

31 Dobrenko, E.A. *Senstalinisme: Politikens estetikk*. I 2 bind. Moskva: NLO, 2020; Fitzpatrick, S. *Riv av maskene!* Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005; Kharkhordin, O.V. *Avslør og hykle: En genealogi for den russiske personligheten*. St. Petersburg: Forlaget til Det europeiske universitetet i St. Petersburg, 2002; Halfin, I. *Bolsjevismens selvbiografi: Mellom frelse og fall*. Moskva: NLO, 2023.

32 Schlögel, K. *Terror og drøm. Moskva 1937*. Moskva: ROSSPEN, 2010.

33 Kuratov, A.A. *Arkhangelsk // Pomorskij leksikon*. I 5 bind. Bind 1: *Historien til Arkhangelskregionen*. Arkhangelsk: Forlaget til Pomor-universitetet, 2001, s. 41–43.

Amerika, havnene i Kvitsjøen i løpet av en sesong, spesielt Arkhangelsk havn. Av de 800 fartøyene som anløp havnene i Arkhangelsk-regionen, var over 200 under norsk flagg.³⁴

Arnold Viklund, født i Arkhangelsk i 1886, arbeidet ved det svensk-norske konsulatet, som representerte begge land frem til 1905. Den 11. mai 1938 sendte Viklund et offisielt brev til den regionale eksekutivkomiteen, hvor han informerte om følgende: «Jeg har, i henhold til min regjerings ordre, fått en ny utnevning og reiser fra Arkhangelsk i morgen.» Vedlagt brevet var konsulatkort nr. 2062.³⁵

Viklunds avreise var knyttet til en hendelse som rystet Arkhangelsk – arrestasjonen av 54 lokale innbyggere som ble brakt til fengselet natten mellom 22. og 23. november 1937, anklaget for spionasje. En spesiell ordre fra folkekommissæren, mottatt i Arkhangelsk 1. november 1937, beordret omfattende represalier for å avskjære all forbindelse mellom blant annet tyske, japanske, italienske og polske ambassader og konsulater på den ene siden, og sovjetiske borgere på den andre, og umiddelbar arrestasjon av alle borgere som var knyttet til personalet ved disse diplomatiske representasjonene, eller som besøkte deres kontorer og private lokaler.

Den første som ble anklaget for å ha et «spionforhold» til det norske konsulatet, var den 75 år gamle Ignatij Ivanovitsj Burkov, grunnleggeren av et stort rederi i nord.³⁶ Den tidligere skipsrederen, som ble arrestert natten til 24. oktober 1937, avviste kategorisk anklagene om spionasje-forbindelser med det norske konsulatet.

Denne mannens «skyld» overfor staten lå i hans sosiale bakgrunn, samt det faktum at to av hans sønner, Vitalij og Ilja, bodde i Norge og drev virksomhet der. Burkov-familien mottok brev fra utlandet, det vil si at de hadde «forbindelse med emigrasjonen».

Burkov ble født inn i en bondefamilie i Patrakeevskaya volost i Arkhangelsk-regionen. Etter å ha fullført kurset ved Patrakeevskaya sjøfartsskole ble han kaptein på et seilskip i en alder av 15 år. I 1916 var han en av initiativtakerne til etableringen av Selskapet for Nord-Dvina-skipsfart,

34 Repnevskij, A.V. Samarbeid mellom sovjetiske myndigheter og det norske konsulatet i Arkhangelsk om eksport av trelast fra havnene ved Kvitsjøen (1920–30-tallet). // Polare foredrag på isbryteren «Krasin». 2022, nr. 9, s. 23.

35 Saken om den norske konsulen Viklund // *Gamle Arkhangelsk*. 20. januar 2015. URL: https://pastar.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1927:delo-norvezhskogo-konsula-viklyunda&catid=71&Itemid=101

36 Khatanzejskaja, E.V. *Den sovjetiske byen i hverdagslivets ekstreme forhold: Arkhangelsk i industrialiserings- og andre verdenskrigs epoke, 1929–1945*. Moskva: Politiske leksikon, 2021, s. 118.

som i begynnelsen av det 20. århundre ble den eneste konkurrenten til Murmansk-selskapet.³⁷

Etter at sovjetmakten ble etablert, ble Burkovs rederi og maskinverksted nasjonalisert, og han ble tvunget til å begynne å arbeide som vanlig tømrer. Han ble straffet seks ganger på forskjellige måter.

Den 13. januar 1938 ble Burkov henrettet etter en dom avsagt av NKVD-troikaen i Arkhangelsk-regionen. Burkov-saken ble avsluttet i 1967 på grunn av «manglende bevis for en forbrytelse».³⁸

En tid etter Burkovs arrestasjon havnet også den 50 år gamle Mikhail Ulsen i fengsel. Han var sønn av en kjent fabrikkeier Martin Ulsen, opprinnelig norsk statsborger, som hadde fått russisk statsborgerskap allerede i 1903. Mikhail Ulsen ble anklaget for å ha nære forbindelser med den norske konsulen, for å ha besøkt konsulatet systematisk og for å ha samlet og overlevert etterretningsopplysninger til konsulen.³⁹

Professoren ved Arkhangelsk Skogtekniske Institutt, Veniamin Lebedev, som bidro betydelig til studiet av trelagring, ble av NKVD anklaget for å være «agent for britisk etterretning». Det ble påstått at Lebedev «samlet informasjon om tilstanden til forsvars- og skogsindustrien <...> og overleverte den til en representant for britisk etterretning i Arkhangelsk». Også direktøren for Arkhangelsk Skogtekniske Institutt, Vasily Aleksandrovich Gorokhov, ble anklaget for å samarbeide med britisk etterretning.⁴⁰

En av de sentrale personene i Viklund-saken var 43 år gamle Puzryev, født i Arkhangelsk-regionen. Han var den eneste den norske konsulen hadde lov til å ha offisielle relasjoner med. Puzryev ble anklaget for å ha overlevert spioninformasjon til det norske konsulatet siden 1934.⁴¹

En betydelig del av de arresterte i forbindelse med Viklund-saken besto av etterkommere av bosettere fra Tyskergaten eller personer med etternavn av ikke-russisk opprinnelse. Blant de arresterte var Viktor og

37 Drannikova, N.V. «Kapteinlandsbyen»: Om lokal identitet hos innbyggerne i landsbyen Patrakejevka i Primorskij-distriktet i Arkhangelsk-regionen. // Vitenskapelige notater fra Petrozavodsk statlige universitet. 2016, nr. 5 (158), s. 88–94.

38 Burkov Ignatij Ivanovitsj (1871) // Åpen liste. URL: [https://ru.openlist.wiki/Бурков_Игнатий_Иванович_\(1871\)](https://ru.openlist.wiki/Бурков_Игнатий_Иванович_(1871))

39 Khatanzeiskaja, E.V. Den sovjetiske byen i hverdagslivets ekstreme forhold: Arkhangelsk i industrialiserings- og andre verdenskrigs epoke, 1929–1945. Moskva: Politiske leksikon, 2021, s. 109

40 Samme sted, s.109

41 Saken om den norske konsulen Viklund // Gamle Arkhangelsk. 20. januar 2015. URL: https://pastar.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1927:delo-norvezhskogo-konsula-viklyunda&catid=71&Itemid=101

Anatolij, sønnene til Emil Breutigam (tidligere medeier av Surkov bryggeri) og hans kone Pelageja Mikhailovna, født Manukhina. Den samme skjebnen rammet Boris, sønn av skogbrukeren Jegor Shergold, den 39 år gamle Eduard Gernet, den 70 år gamle Herman Guvlyaken og fotografen Jakov Ivanovitsj Leitzinger.

Nasjonale operasjoner

I 1937–1938 ble det igangsatt en mekanisme for massiv undertrykkelse av etniske tyskere, polakker, rumenere, latviere, grekere, finner, iranere, bulgarere, makedonere, afghanere og andre folkeslag i Sovjetunionen gjennom en serie ordrer fra Nikolaj Jezjov. Disse gruppene ble oppfattet av lederskapet i Sovjetunionen som støttepunkter for utenlandsk etterretning. «Den polske operasjonen», utført i henhold til NKVD-ordre nr. 00485 av 11.08.1937⁴², skilte seg ut med sitt spesielle omfang, hvor 111 000 mennesker ble henrettet. Mer enn 70 000 polakker ble deportert til Arkhangelsk-regionen i løpet av 1930- og 1940-årene.⁴³

Etter utstedelsen av dekretet fra presidiet i Det øverste sovjet «Om omplassering av tyskere som bor i Volga-regionen», av 28. august 1941, ble den autonome republikken for Volga-tyskerne oppløst, og en total deportasjon av tyskere gjennomført, mens NKVD-tropper ble sendt inn på republikkens territorium.⁴⁴ Tyskerne fikk ordre om å forberede seg på omplassering innen 24 timer og ankomme samlingspunktene med en begrenset mengde av sine eiendeler. De tyske innbyggerne i republikken ble fraktet til avsidesliggende områder. Mer enn 40 000 tyskere ble deportert til Arkhangelsk-regionen.⁴⁵ I de påfølgende månedene berørte deportasjonen nesten hele den tyske befolkningen som bodde på territoriet til det europeiske Russland og Transkaukasia.

Til Arkhangelsk-regionen ble det deportert innbyggere fra Estland. Massedeportasjoner av estere fant sted i 1941, 1945 og 1951. Som et

42 NKVD-operativ ordre nr. 00485 «Om operasjonen for å undertrykke medlemmer av den polske militærorganisasjonen (PMO) i USSR». 11. august 1937. // Leningrads martyrologi, 1937–1938. SPb., 1996. Bd. 2, s. 454–456.

43 Suprun, M.N., Gerasimova, A.I. *Polakker i eksil i Arkhangelsk under andre verdenskrig (basert på materialer fra spesialbosettingene Ujma og Koskovo)*. // *Historia provinciae – tidsskrift for regionalhistorie*. 2021, bd. 5, nr. 4, s. 1294–1324.

44 Dekret fra Presidiet i Sovjetunionens Øverste Sovjet av 28. august 1941 «Om deportasjon av tyskere som bodde i Volga-regionen».

45 Saburova, T.A. *Etniske tyskere i nord*. // *Repressalier mot russiske tyskere. Et straffet folk*. Red.-samm.: Sjerbakova, I.L. M.: Zvenja, 1999, s. 187–199.

resultat av disse deportasjonene ble 33 000 personer forvist. Esterne ble brukt som arbeidskraft til veibygging i nedre del av Nord-Dvina-elven.⁴⁶

Henrettelsesområder

Under sovjettiden var stedene for massehenrettelser strengt hemmeligholdt. I henhold til en NKVD-ordre fra 1939 skulle alle forespørsler fra pårørende om henrettedes skjebne besvares med at personen var dømt til ti års straffarbeid uten rett til korrespondanse eller pakker. Høsten 1945 ble denne ordren justert – nå fikk de som spurte, beskjed om at deres slektning hadde dødd i forvaring. Den 24. august 1955 utstedte lederen for KGB retningslinje nr. 108ss, som videreførte denne praksisen. Pårørende fikk utstedt dødsattester der dødsdatoen ble satt til en dato innenfor en tiårsperiode fra arrestasjonen, og dødsårsaken ble forfalsket.⁴⁷

Fra slutten av 1980-tallet begynte det russiske samfunnet å oppsøke steder hvor henrettelser hadde funnet sted. En skjult gravplass med levningene av 45 000 mennesker, kjent som Levashovskaja Pustosj, ble oppdaget utenfor St. Petersburg. Dette stedet var tidligere en spesiell henrettelsesplass som ble brukt av NKVD/KGB. Hit ble levningene av mennesker som ble henrettet i 1937 under Den store terroren, samt under NKVDs nasjonale operasjoner (rettet mot tyskere, polakker, rumenere, finner, latviere og andre nasjonaliteter), transportert. Gravplassen forble et hemmelig objekt kontrollert av KGB helt til 1989.

Et annet kjent henrettelses- og gravsted er i Butovo, like utenfor Moskva. Ifølge forskning på arkiv- og etterforskningsdokumenter ble mer enn 20 000 personer henrettet her i perioden 1930–1950.⁴⁸ Personene som ble henrettet mellom august 1937 og oktober 1938, er kjent ved navn. Henrettelsesstedet i Butovo var bevoktet av sikkerhetsstyrkene helt frem til 1995.

Sandarmokh er en henrettelsesplass som var aktiv i 1937–1938, og som ligger i Medvezhegorsk-distriktet i Republikken Karelia. Den ble oppdaget i 1997 under felles søk utført av Memorial-avdelingene⁴⁹ i St.

46 Danilova, G.A. Sider fra sovjetperiodens historie. GULag. Pinega. Arkhangelsk: IIP «Pravda Severa», 2014.

47 KGB-direktiv nr. 108ss av 24. august 1955 «Om behandlingen av forespørsler fra borgere om skjebnen til personer dømt til døden på 1930-tallet». // Memorial-Aspekt. Nr. 10–11, september 1994.

48 Butovo-skytedekket. Ansvarlig red.: V. Filojan, redigert av: A. Demina. M.: Capital Press, 2007.

49 Organisasjonen er oppført på det russiske justisdepartementets liste over «utenlandske agenter».

Petersburg og Karelia, og Sandarmokh-området ble umiddelbart etablert som en minnekirkegård. I 2000 fikk den status som kulturarvsted. Den karelske historikeren og leder av den karelske Memorial-avdelingen, Yuriy Dmitriev, samt Veniamin Iofe og Irina Flige i St. Petersburg Memorial⁵⁰ spilte en stor rolle i oppdagelsen av Sandarmokh. Hvert år den 5. august avholdes den internasjonale minnedagen for ofrene for Den store terroren 1937–1938 her. Sandarmokh er en av de største og mest kjente gravplassene for ofre for Stalins undertrykkelse. Totalt er det funnet 236 henrettelsesgroper, hvor forskere anslår at 6241 mennesker ble hemmelig drept og begravet av NKVD-bødlene.⁵¹ Per i dag er navnet på hvert offer kjent, takket være historikernes undersøkelser. De som ble drept her, var tvangsflyttede og innbyggere i den karelske autonome sovjetrepublikken, fanger fra Belomorsk-Baltisk leir samt fanger fra den mest tallrike første etappen av Solovki-leiren. Denne siste kategorien gjorde at Sandarmokh fikk internasjonal betydning, siden Solovki-leiren hadde mange kjente fanger: kulturpersonligheter, forskere og ledere av politiske, nasjonale og religiøse bevegelser.

Området til den karelske ASSR grenset til Finland, et land som republikkens innbyggere hadde lange og tette forbindelser med. I tillegg bodde det et stort antall utlendinger der, først og fremst finske immigranter fra Europa og Amerika. Derfor fikk NKVDs nasjonale operasjoner stor betydning i Karelia, spesielt de som var rettet mot finner og karelere.

Konklusjon

Som jeg skrev tidligere, begynte kampen mot minnet om undertrykkelsen i Russland på 2000-tallet. Artikkelenes omfang gjør det ikke mulig å dekke denne perioden i detalj. Politiske oppfatninger om fortiden er grunnlaget for identitet og symbolsk politikk. Symbolsk politikk er «politiske aktørers aktivitet for å produsere og fremme/påtvinge visse måter å tolke den sosiale virkeligheten på».⁵² Den viktigste hendelsen som markerte en ny retning i minnepolitikken, var likvidasjonen av Memorial i desember 2021 på beslutning fra Russlands høyesterett.

50 Organisasjonen er oppført på det russiske justisdepartementets liste over «utenlandske agenter».

51 Flige, I.A. Sandarmokh: Dramaturgi av betydninger. SPb.: Nestor-Istorija, 2019.

52 Malinova, O.Ju. Fortidens tema i retorikken til Russlands presidenter. // Pro et Contra. 2011, bd. 15, nr. 3–4, s. 106–122.

På 1990-tallet opplevde det russiske samfunnet et kulturelt traume. Økonomiske sammenbrudd og sosiale problemer skjøv historien om sovjetisk undertrykkelse til periferien av offentlig interesse. Mange begynte å oppfatte dette som en aktivitet rettet mot den moderne staten. 2000-tallet kjennetegnes av økt toleranse for den sovjetiske fortiden. Arbeidet med minnet om statlig terror, som begynte i Arkhangelsk på en bølge av entusiasme utløst av demokratiske endringer i landet, og som hadde støtte i lokalbefolkningen, sluttet å være relevant for samfunnet. Organisasjonen Sovest (Samvittighet), som markerte seg sterkt på slutten av 1980-tallet og begynnelsen av 1990-tallet, fortsatte å fungere av ren tregheit. Demonstrasjonene 30. oktober mistet sin masseappell og vekker ikke lenger interesse hos unge innbyggere i Arkhangelsk. I stedet har neo-stalinistbevegelsen blitt populær i Arkhangelsk.⁵³

Begrepsforkortelser

ASSR – Autonom sovjetisk sosialistisk republikk

GULag – Hovedadministrasjonen for arbeidsleirer

KGB – Komiteen for statssikkerhet

MGB – Ministeriet for statssikkerhet

NKVD – Folkekommissariatet for indre anliggender i Sovjetunionen

OGPU – Det forente statlige politiske direktorat

SLON – Solovetskij spesialbestemmelsesleir

Tsjeka – Den ekstraordinære kommisjon for kamp mot kontrarevolusjon og sabotasje

Vnesjtorg – Utenrikshandelsorganisasjonen

VKPB – Det sovjetiske kommunistpartiet (bolsjevikene)

53 Ved «Solovetskij-stenen» ble informasjon om antall undertrykte plassert. // IA Krasnaja Vesna. 4. september 2019. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/65396a9a>; Табличка у «Соловецкого камня» в Архангельске продолжает развеивать мифы: Skiltet ved «Solovetskij-stenen» i Arkhangelsk fortsetter å avlive myter. // IA Krasnaja Vesna. 23. april 2022. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/fe259956>; В Архангельске привели в порядок табличку с количеством политзаключенных: I Arkhangelsk ble skiltet med antall politiske fanger ryddet opp. // IA Krasnaja Vesna. 29. oktober 2022. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/32211b85>

Репрессии в культурной памяти и политике памяти в СССР и постсоветской России

V.N. Professor

АННОТАЦИЯ:

В статье раскрывается, как развивалась в СССР и постперестроечной России политика памяти и культурная память о репрессиях в отношении граждан страны. Выделяются основные этапы развития политики памяти – от табуирования темы в советский период истории страны, до создания критического нарратива в период перестройки и повышения толерантности к советскому прошлому в настоящее время. Большое внимание уделяется деятельности организации «Мемориал»¹, которая занимается изучением политических репрессий в СССР и восстановлением памяти о жертвах репрессий через коммеморативные практики. Рассматриваются некоторые из репрессивных кампаний, организованных советским государством против своих граждан. Дается информация о некоторых известных расстрельных полигонах. Часть статьи посвящена репрессиям жителей г. Архангельска, организованным НКВД по делу норвежского консула А. Виклюнда в 1937 г.

Табуирование темы в СССР

В России 1917 г. в результате Октябрьской революции к руководству страной пришло правительство РСДРП, которое с первых дней стало

1 Внесен Минюстом РФ в список иноагентов.

проводить репрессивную политику в отношении своих политических противников и части гражданского населения. Репрессивная политика осуществлялась все годы существования государства. Официально она была прекращена в 1953 г. после смерти руководителя страны Иосифа Сталина, но вплоть до начала перестройки в 1985 г. продолжали существовать политические аресты и преследования диссидентов, карательная психиатрия. Репрессии касались различных групп населения, от представителей дворянства и аристократии до крестьянства и целых народов, подвергшихся депортациям. Основную часть репрессированных составляли люди, осужденные по 58 (политической) статье. Она устанавливала ответственность за контрреволюционную деятельность. Статья появилась в 1926 г., была отменена в 1961 г.² Кроме этого, люди могли быть репрессированы по другим статьям, включая экономические преступления, «вредительство», шпионаж и др.

Тема репрессий в СССР долгое время была табуированной. Она была исключена из публичного дискурса и официальной истории. Целые поколения, родившихся в СССР после 1945 г., ничего не знали о существовании советских концлагерей и массовых репрессиях. Старшие родственники предпочитали молчать. Чтобы обезопасить себя, многие отказались от своей семейной истории. Общество на многие годы погрузилось в коллективную амнезию. Исключением явилась книга А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», вышедшая в Париже в 1973 г.³ В России она была издана только в 1990 г. Книга основана на письмах, устных рассказах заключенных и воспоминаниях самого А.И. Солженицына. В ней рассказывается о советских концлагерях в период с 1918 по 1956 гг. Над книгой писатель тайно работал с 1958 до 1968 гг. После издания книги в 1973 г. в Париже в СССР началась травля писателя⁴, а в 1974 г. А.И. Солженицына выслали из страны.

2 Статьи 581, 581а–581г и 582–5814 Уголовного кодекса РСФСР 1922 года в редакции 1926 года и более поздних редакциях устанавливали ответственность за контрреволюционную деятельность. СУ РСФСР. 1926. № 80.

3 Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Париж: YMCA-PRESS, 1973.

4 31 августа 1973 г. в газете «Правда» было напечатано открытое письмо группы советских писателей с осуждением А.И. Солженицына и А.Д. Сахарова. В декабре 1973 г. в советских СМИ началась кампания по очернению Солженицына как предателя родины с ярлыком «литературного власовца».

Количество репрессированных

Количество репрессированных варьируется в различных источниках и не установлено до сих пор. Самые большие цифры называл экономист Иван Курганов (на эти данные ссылался А.И. Солженицын в романе «Архипелаг ГУЛАГ»¹). Он подсчитал, что с 1917 по 1959 годы жертвами внутренней войны советского режима против своего народа стали 110 миллионов человек.² В это число И.А. Курганов включает жертвы голода, коллективизации, крестьянской ссылки, лагерей, расстрелов, гражданской войны, а также «пренебрежительного и неряшливого ведения Второй мировой войны»³. Цифры, приводимые главой правозащитного общества «Мемориал»⁴ Арсением Рогинским более реалистичны. Он пишет: «В масштабах всего Советского Союза жертвами политических репрессий считаются 12,5 миллиона человек», но при этом добавляет, что в широком смысле репрессированными можно считать до 30 миллионов человек.⁵

Лидеры движения «Яблоко» Елена Кривень и Олег Наумов подсчитали все категории жертв сталинского режима, в том числе, погибших в лагерях от болезней и тяжелых условий труда, лишенцев, жертв голода, пострадавших от неоправданно жестоких указов и получивших чрезмерно суровое наказание за мелкие правонарушения в силу репрессивного характера законодательства. По их мнению, всего было репрессировано 39 миллионов человек.⁶

Приведенные выше цифры большей частью основаны на сводках карательных органов (ОГПУ, НКВД, МГБ). Однако далеко не все документы карательных ведомств сохранились, многие из них были целенаправленно уничтожены, многие до сих пор лежат в закрытом доступе.

Политика исторической памяти в СССР начала меняться только в конце 1980-х годов, в период перестройки. В это время прошлое стало использоваться в контексте критического нарратива, где новая Россия противопоставлялась старой. В 1987 г. была создана

1 Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. М.: Советский писатель, 1989.

2 Курганов И. Три цифры // Новое русское слово. 1964, 12 апр.

3 Размышления по поводу двух гражданских войн: Интервью А.И. Солженицына испанскому телевидению в 1976 г. // Комсомольская правда. 1991, 4 июн.

4 Внесен Минюстом РФ в список иноагентов.

5 Сталинизм: цифры и мифы. Арсений Рогинский // Эхо Москвы. 2010, 14 авг.

6 Какое количество жертв «сталинских репрессий» было на самом деле // Русская семерка. 2017, 30 сент.

Комиссия по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями.⁷ В 1989г. Верховный Совет СССР признал незаконными и преступными репрессивные акты в отношении народов, подвергшихся насильственному переселению, в 1988 г. было создано правозащитное общество «Мемориал», занимающееся судьбами репрессированных, и «Международный Мемориал», который занимается выявлением и распространением сведений о преступлениях тоталитарных режимов XX века, реабилитацией репрессированных и помощью их семьям. Массовая реабилитация политзаключенных началась в 1991 г. после появления закона о реабилитации жертв политических репрессий.⁸ В 1996 г. на уровне государства в политике памяти начинаются попытки примирения и согласия между старой и новой Россией и ее трансформация. В 2000 г. вектор политики памяти меняется. Происходит отказ от противопоставления старой и новой Россией. Меняется концепция исторического нарратива. На государственном уровне Россия начинает позиционироваться как государство, имеющее тысячелетнюю историю, и репрезентируется в позитивном ключе. Ее советская история, связанная с массовыми репрессиями, мешает созданию этого образа.

Коммеморативные практики

В конце 1990-х гг. начинается издание региональных «Книг памяти жертв политических репрессий» («Мемориалов»). В Архангельске в 1999-2001 гг. был издан «Поморский мемориал», в который вошли имена 20 000 репрессированных жителей Архангельской области.⁹ Эта цифра является неполной, количество репрессированных значительно выше.

В 2007 г., в год семидесятилетия Большого террора, организация «Мемориал» запустила проект «Возвращение имен» и поддержало другой проект – «Последний адрес», создала и опубликовала

7 Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий // Российская газета. 2015, 18 авг.

8 Закон РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1428. С. 1690–1696.

9 Поморский мемориал: книга памяти жертв политических репрессий. В 3 т. Архангельск: Изд-во Помор. гос. ун-та, 1999-2001.

онлайн-базу жертв политического террора, в которую вошли более чем 2 000 000 имен.

30 октября в России отмечается День памяти жертв политических репрессий. В этот день по всей стране проходит акция «Возвращение имен», во время которой родственники репрессированных и все желающие зачитывают у Соловецкого камня в Москве, Санкт-Петербурге и других городах имена жертв репрессий. Именно 30 октября 1974 года политические заключенные пермских и мордовских лагерей провели голодовку в знак протеста.¹⁰

Еще одной коммеморативной практикой стал проект «Последний адрес»¹¹. Это гражданская инициатива, направленная на увековечивание памяти о людях, ставших жертвами политических репрессий в годы советской власти. В память о пострадавшем на стене дома, в котором жил репрессированный, устанавливается маленькая, размером с ладонь, памятная табличка, посвящённая только одному человеку. Принцип проекта – «Одно имя, одна жизнь, один знак».

В 1996 г. в самом крупном центре ГУЛАГа Магадане был открыт монумент «Маска скорби», авторами которого стали скульптор Э. Неизвестный и архитектор К. Козаев. Второй памятник «Маска скорби: Европа – Азия» был открыт в 2012 г. в Екатеринбурге на месте бывшего расстрельного полигона. Предполагалась установка еще одного монумента – в Воркуте, все три мемориала должны были стать единой композицией «Треугольника скорби», но проект не был завершен.¹²

Главным символом «Мемориала» является Соловецкий камень. Это валунные памятники, привезенные с берегов архипелага и установленные в разных городах России в качестве памятников в честь политзаключенных. Эта символическая акция связана с центральным положением Соловецкого лагеря особого назначения во всей репрессивной системе Советского Союза. Для жителей Архангельской области его существование имеет дополнительное

10 Российские политзаключенные проводят голодовку в знак протеста // Север Реалии. 2023, 30 окт. URL: <https://www.severreal.org/a/rossiyskie-politizaklyuchennye-provodyat-golodovku-v-znak-protesta-/32659777.html>

11 Последний адрес. URL: <https://www.poslednyadres.ru/>

12 Фадеев Л. А. Свобода быть собой. «Маски скорби» и тема политических репрессий в искусстве Эрнста Неизвестного // Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока. 2020. №3. С. 42-49.

Соловецкий камень в Архангельске. Фото: Виртуальный музей ГУЛАГа, 2010

символическое значение, вызванное его административно-территориальным вхождением в состав области.

В Архангельске «Мемориал» был представлен организацией «Совесть», которая являлась его первым территориальным отделением в стране. Она была создана в 1989 г. и оставалась главным актором памяти о репрессиях в Архангельске до конца 1990-х гг.

Идея установки соловецкого валуна как памятника жертвам политических репрессий возникла в Москве. Руководство московского «Мемориала» обратилось к членам организации «Совесть» с просьбой найти такой же камень для него. В августе 1990 г. Северное морское пароходство доставило оба камня в Архангельск. Место установки памятника обсуждалось коллективно. Бывшие советские

руководители выступили против того, чтоб памятник находился в центре города или на Набережной Северной Двины, где бы он мог постоянно находиться в центре внимания. Памятник был установлен на бывшей окраине города - территории Мхов, где в период 1920-х-1940-х гг. производились расстрелы.

За основу был взят проект, предложенный архитектором Е.В. Бурцевым, автором макета памятника стал известный архангельский художник Г.А. Семаков (1926–2015). На барельефе Соловецкого камня он изобразил полуобнаженную мужскую фигура со склоненной головой и руками, находящимися за спиной, что символизировало тоталитаризм государства, в котором человек лишался свободы. Руки, заведенные за спину, означали кандалы, которые надевались заключенным. На прямоугольной табличке камня выбит текст: «Жертвам политических репрессий». Памятник был открыт 30 октября 1992 г.¹³ На нем отсутствуют имена репрессированных – это свидетельствует не о том, что акторы памяти хотят скрыть их имена, а о том, что они не были известны в то время.

30 октября ежегодно около камня проходят митинги, посвященные памяти жертвам политических репрессий. Первые митинги были многочисленными, впоследствии количество участников уменьшалось, сейчас в них принимают участие члены организации «Совесть», родившиеся в 1930-е–1940-е гг.

История репрессий

Репрессивная политика 1917 г.

Размеры статьи не позволяют рассмотреть все репрессивные операции, организованные советским государством против своих граждан, поэтому я остановлюсь на некоторых из них. Для подавления общественного сопротивления большевики создали государственный репрессивный аппарат, наделенный правом внесудебной расправы, вплоть до расстрела, и сеть пенитенциарных учреждений (концлагерей). Дела заключенных не рассматривались в суде. Для борьбы с «внутренними врагами» в декабре 1917 г. создана ЧК (Чрезвычайная комиссия во главе с Ф.Э. Дзержинским).

5 сентября 1918 г. в стране был официально объявлен Красный террор. Его целью было уничтожение «классовых врагов»,

13 Буторин М.В. Соловецкий камень: Архангельск. Москва. М.; Архангельск, 2011.

предполагавшее их расстрелы (уничтожение) и изоляцию в концлагерях.¹⁴ По неполным данным, в этот период были осуждены пять с половиной миллионов человек. На самом деле цифра является намного выше, т.к. получить полные данные не представляется возможным. По всей стране начались повальные аресты дворян, священников, предпринимателей, чиновников, бывших военнo-служащих Белой и царской армии. Репрессии осуществлялись по классовому принципу. Эти люди должны были, по мнению, правительства России, «искупить свою вину» физической работой. Их называли «бывшие люди». В категорию классовых врагов мог попасть каждый в силу своего происхождения, профессии, партийной принадлежности, родственных связей.

Автором концепции использования концлагерей в качестве репрессивной меры явился Ф.Э. Дзержинский¹⁵. С объявлением Красного террора 5 сентября 1918 года практика создания концлагерей для гражданских лиц стала в советской России повсеместной. Лагерь подчинялись ЧК, в дальнейшем – ОГПУ, НКВД, КГБ.

Для первых концлагерей использовали монастыри. На Севере карательными операциями руководил сотрудник ВЧК М.С. Кедров. В 1918 г. еще до официального объявления «Красного террора», в Архангельске воцарилась настоящая мясорубка.¹⁶ По свидетельству находившегося в то время на Севере социолога Питирима Сорокина, *«большевистский комиссар Кедров казнил людей сотнями и даже тысячами. Свои жертвы коммунисты расстреливали, топили или забивали до смерти. Чувствуя, как шатается почва под ногами, они пытались укрепить свои позиции безудержным террором»*.¹⁷

С 1918 по сентябрь 1919 гг. на территории Архангельской губернии находились войска стран Британского содружества, США и Канады. Они выступили в союзе с Белой армией России, но этот период закончился выводом войск союзников. *В 1920 г., после вывода войск, арестам и расстрелам подверглись 20 000 жителей Архангельской губернии. Среди них было много иностранцев, многие годы*

14 Волков С.В. Красный террор глазами очевидцев. М.: Айрис Пресс, 2009.

15 Атлас ГУЛАГА. Иллюстрированная история советской репрессивной системы / Отв. ред. Г. Иванова. М.: Август Борг, 2020.

16 Новикова Л.Г. Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере, 1917-1920. М.: НЛО, 2011.

17 Сорокин П. Дальняя дорога: автобиография. М.: Терра, 1992. С. 109.

проживавших в Архангельске. К началу 1920 г. Архангельск называли «городом мертвых»¹⁸.

В период Красного террора в Архангельске были репрессированы бывшие предприниматели, чиновники, военные. Среди них было много иностранцев, в том числе норвежцев. В «контрреволюционной деятельности» Архангельской губЧК 14 апреля 1921 г. был обвинен житель г. Архангельска Ульсен Мартин-Август Абрамович, 1851 года рождения, уроженец Норвегии, заведующий импортным отделом Внешторга, имевшем на иждивении двух детей. Сведений о решении по делу и о его дальнейшей судьбе нет. Полностью он был реабилитирован 23.10.1992.¹⁹

После подавления Белого движения на Севере в Архангельской губернии были созданы лагеря для массового уничтожения людей (официальное название) – Пертоминский и Холмогорский (1920–1923). Холмогорский лагерь называли «лагерем смерти»²⁰. В нем содержались заключенные из многих регионов: пленные солдаты и офицеры армии Врангеля, матросы Кронштадта, крестьяне Тамбовщины и Западной Сибири России.²¹

Одним из первых лагерей нового типа стал Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН) (1923–1931)²². Он был организован на Большом Соловецком острове посреди Белого моря. В нем находилось до 60 000 человек. Заключенные подвергались пыткам, истязаниям, унижению. Впервые в нем начал использоваться принудительный труд заключенных для строительства промышленных объектов страны.

В период всего существования СССР в нем происходили различные репрессивные компании и процессы. В 1925 г. в стране началась раскулачивание, известное также как раскрестьянивание. Крестьян лишали имущества, облагали налогами, отправляли в ссылку, расстреливали и заставляли насильно вступать в колхозы

18 Мальсагов С.А. Адские острова: Советская тюрьма на Дальнем Севере / Пер. с англ. Ш. Яндиева. Нальчик: Издат. центр «Эль-фа», 1996.

19 Ульсен Мартин-Август Абрамович // Открытый список. URL: [https://ru.openlist.wiki/Ульсен_Мартин-Август_Абрамович_\(1851\)](https://ru.openlist.wiki/Ульсен_Мартин-Август_Абрамович_(1851))

20 Дойков Ю.В. Памятная книжка: Красный террор в советской Арктике, 1920–1923: (документальные материалы). Архангельск, 2011.

21 Излом. Книга Памяти спецпереселенцев Онежского полуострова / Сост. Я.Э. Харитоновна. Архангельск, 2023; Дойков Ю.В. . Там же.

22 Атлас ГУЛАГА. Иллюстрированная история советской репрессивной системы / Отв. ред. Г. Иванова. М.: Август Борг, 2020.

(обобществлять собственность). В 1917 г. крестьяне составляли 82 процента всего населения России. Они являются самой пострадавшей группой населения в России.

Наивысшей точки борьба с крестьянством достигла в 1930 г., после Постановления Политбюро ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации»²³. В 1930–1940 годах в ссылку побывало 2 176 600 человек. В 1930–1932 гг. в Архангельскую область было выслано более 600 000 крестьян из разных регионов России.²⁴ Многие из них умерли от голода и тяжелых условий проживания.

Беломорканал

Первой стройкой, на которой использовался принудительный труд заключенных, стал канал, соединяющий Белое и Балтийское моря. Его строили с 1931 по 1933 гг. Для того чтобы не тратить нужные для индустриализации ресурсы, строительство шло без традиционного при таких работах оборудования и материалов; экономия коснулась и питания заключенных. В результате канал был построен менее чем за два года, при этом умерло, по разным оценкам, от 10 000 до 50 000 заключенных. Он положил начало череде масштабных лагерных строек.

17 августа 1933 г. в плавание по каналу отправился пароход, на котором находились 120 советских писателей и деятелей культуры. По итогам поездки писатели в ударные сроки подготовили коллективную монографию, в которой воспевали героический труд и волю чекистов, решившихся на переделку человека и природы.²⁵

«*Большой террор*» – термин, характеризующий период наиболее массовых политических (сталинских) репрессий в СССР

23 Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Из приложения к протоколу заседания политбюро № 116, п. 36 от 5 февраля 1930 г. // Политбюро и крестьянство: Высылка, спецпоселение. 1930–1940 гг. Кн. I. М.: РОССПЭН, 2005. С. 70–76.

24 Хатанзейская Е.В. Архангельск в системе спецколонизации Северного края в 1929–1936 гг. // Новейшая история России. 2016. № 3. С. 93–104; Шубин С.И. Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2000.

25 Беломорско-Балтийский канал имени Сталина: История строительства, 1931–1934 гг. / Под ред. М. Горького, Л. Л. Авербаха, С. Г. Фирина. М.: ОГИЗ, 1934.

1937–1938 гг. Первым термин применил британский историк Роберт Конквест.²⁶

Большинство историков считает, что Сталин сыграл ключевую роль в организации и проведении массовых репрессий.²⁷ В соответствии с приказом НКВД № 00447 репрессии осуществлялись на основании ориентировочных «плановых цифр» и были направлены против бывших кулаков, членов антисоветских партий, бывших белых, уголовников и других категорий граждан, которых власти считали «антисоветскими элементами». Также новым обвинениям и расстрелам подлежали люди, находящиеся в тюрьмах, лагерях, трудовых посёлках и колониях, продолжающие вести активную антисоветскую подрывную работу.

Впоследствии руководителями среднего звена и органами НКВД «плановые лимиты» были многократно превышены. За этот период было расстреляно 681 692 человека. Всего по политическим мотивам было арестовано 1 372 382 человека.

По мнению историка О.В. Хлевнюка, содержание приказов, регулирующих массовые операции, демонстрировало стремление сталинского руководства ликвидировать «пятую колонну»²⁸. Этот термин появился во время Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. Хлевнюк утверждает, что заговоры и «пятая колонна» существовали в представлениях Сталина и его соратников, но не в реальности.²⁹

Французский историк Николя Верт рассматривал Большой террор как осуществляемый властью механизм социальной инженерии, окончательное завершение политики «раскулачивания» и национальных депортаций.³⁰

Исследователи советской истории и культуры Е.А. Добренко, Ш. Фицпатрик, И. Халфин и О. Хархордин обратили внимание на взаимное поддерживание, усиление и слияние масс и режима вместо традиционного их противопоставления, а источник террора, по их мнению, оказывался не в режиме, а в самих массах, в отсталой политической культуре, которая воспроизвела режим, институционно

26 Conquest R. The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties. L.: Macmillan, 1969.

27 Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М. РОССПЭН, 2010.

28 Хлевнюк О.В. Причины «Большого террора». // Ведомости. 2017, 6 июл.

29 Там же.

30 Werth N. L'Ivrogne et la Marchande de fleurs: Autopsie d'un meurtre de masse, 1937–1938, Paris: Tallandier, 2009.

оформивший массовую агрессию и коллективное пренебрежение к личности.³¹

Германский историк К. Шлегель полагал, что террор, инициированный верхушкой во имя великой цели избавиться от врагов, был с готовностью подхвачен и использован множеством структур и граждан для решения своих проблем и продвижения по карьерной лестнице.³²

Дело норвежского консула Виклюнда

В 1930-е гг. Архангельск получил название «валютного цеха» СССР³³. Он играл главную роль в торговле «зеленым золотом» – лесными товарами. Они расходились по всему миру посредством Лондонской лесной биржи. Для погрузки и перевозки леса Советский Союз фрахтовал в основном норвежские, шведские и английские суда. Контролировало процесс лесоперевозок этих стран с Белого моря единственное на Европейском Севере норвежское консульство, расположенное в Архангельске. В 1930-е годы за сезон порты Белого моря, особенно Архангельский морской порт, посещало несколько сот иностранных пароходов, зафрахтованных для перевозки в Европу и Америку лесных грузов. Из 800 судов, заходивших в порты Архангельской области, более 200 были под норвежским флагом.³⁴

Арнольд Виклюнд, родившийся в Архангельске в 1886 г., работал в шведско-норвежском консульстве, которое до 1905 г., представляло оба государства. 11 мая 1938 г. А. Виклюнд направил в Облispолком официальное письмо, в котором он сообщил: «Я, согласно распоряжению моего правительства, получил новое назначение и

31 Добренко Е.А. Поздний сталинизм. Эстетика политики. В 2 томах. М.: НЛЮ, 2020; Fitzpatrick Sh. Tear Off the Masks! Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005; Хахордин О.В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.: Издательство ЕУСПб, 2002; Халфин И. Автобиография большевизма: между спасением и падением. М.: НЛЮ, 2023

32 Шлегель К. Террор и мечта. Москва 1937. М.: РОССПЭН, 2010.

33 Куратов А.А. Архангельск // Поморская энциклопедия. В 5 т. Т. 1: История Архангельского Севера. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2001. С. 41–43.

34 Репневский А.В. Сотрудничество советских властей и норвежского консульства в Архангельске по сопровождению экспорта лесных товаров из портов Белого моря (20–30-х гг. XX в.) // Полярные чтения на ледоколе «Красин». 2022. № 9. С. 23.

завтра уезжаю из Архангельска». К письму прилагалась консульская карточка № 2062³⁵.

Отъезд А. Виклюнда был связан с событием, потрясшим Архангельск, – арестом по обвинению в шпионаже пятидесяти четырех местных жителей, доставленных в тюрьму в ночь с 22 на 23 ноября 1937 года. Специальный приказ наркома, полученный в Архангельске 1 ноября 1937 г., предписывал путем широких репрессий пресечь все связи посольств и консульств Германии, Японии, Италии и Польши и др. с советскими гражданами и подвергнуть немедленному аресту всех граждан, связанных с личным составом этих дипломатических представительств и посещающих их служебные и домашние помещения.

Первым в установлении «шпионских отношений с норвежским консульством» был обвинен создатель крупного пароходства на Севере семидесятипятилетний Игнатий Иванович Бурков.³⁶ Бывший судовладелец, арестованный в ночь на 24 октября 1937 г., категорически отверг обвинения его в шпионских связях с норвежским консульством.

«Вина» этого человека перед государством состояла в социальном прошлом, а также и в том, что два его сына – Виталий и Илья – проживали в Норвегии и имели там свое дело. Бурковы получали письма из-за границы, т. е. имели «связь с эмиграцией».

И.И Бурков родился в семье крестьянина Патракеевской волости Архангельского уезда Архангельской губернии. Окончив курс Патракеевской мореходной школы, в 15 лет стал капитаном парусного судна. В 1916 году был одним из инициаторов учреждения «Товарищества Северо-Двинского пароходства», которое в начале XX века стало единственным конкурентом Мурманского Товарищества.³⁷

35 Дело норвежского консула Виклюнда // Старый Архангельск. 2015, 20 янв. URL: https://pastar.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1927:delo-norvezhskogo-konsula-viklyunda&catid=71&Itemid=101

36 Хатанзейская Е.В. Советский город в экстремальной повседневности: Архангельск в эпоху индустриализации и Второй мировой войны 1929–1945 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2021. С. 118.

37 Дранникова Н.В. «Патракеевка - поморское село»: особенности локальной идентичности жителей С. Патракеевки Приморского района Архангельской области // Арктика и Север. 2017. №28. С.5-24; Дранникова Н.В. «Капитанская деревня»: к вопросу о локальной идентичности жителей села Патракеевки Приморского района Архангельской области // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. №5 (158). С. 88-94.

После установления советской власти его пароходство и механический завод были национализированы, и он был вынужден начать работать рядовым плотником. За это время он шесть раз подвергался различным мерам наказания.

13 января 1938 года И.И. Бурков был расстрелян по приговору тройки НКВД по Архангельской области. «Дело Буркова» было прекращено «за отсутствием состава преступления» в 1967 г.³⁸

Через некоторое время после ареста Буркова в тюрьме оказался пятидесятилетний Михаил Ульсен – сын известного на Севере заводладельца Мартина Ульсена, норвежца, принявшего русское подданство еще в 1903 году. Михаил Ульсен обвинялся в том, что «имел близкие связи с норвежским консулом», «систематически посещал консульство», подозревался «в сборе и передаче консулу шпионских сведений»³⁹.

Профессора Архангельского лесотехнического института Вениамина Лебедева, который внес значительный вклад в изучение хранения древесины, органы НКВД обвинили в том, что он был «агентом английской разведки». Утверждалось, что Лебедев «собирал сведения о состоянии оборонной и лесной промышленности <... > и передавал их представителю английской разведки в Архангельске Виклюнду». В работе на английскую разведку также был обвинен директор Архангельского лесотехнического института Василий Александрович Горохов.⁴⁰

Одно из главных мест в «деле Виклюнда» следователи отводили сороклетнему уроженцу Архангельской губернии П.С. Пузыреву. Он был единственным человеком, с которым имел право вступать в официальные отношения норвежский консул. Он был обвинен в том, что с 1934 г. передавал шпионские сведения в норвежское консульство.⁴¹

Значительную группу арестованных по «делу Виклюнда» составили потомки поселенцев Немецкой слободы, или люди, носившие

38 Бурков Игнатий Иванович (1871) // Открытый список. URL: [https://ru.openlist.wiki/Бурков_Игнатий_Иванович_\(1871\)](https://ru.openlist.wiki/Бурков_Игнатий_Иванович_(1871))

39 Хатанзейская Е.В. Советский город в экстремальной повседневности: Архангельск в эпоху индустриализации и Второй мировой войны 1929–1945 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2021. С. 109.

40 Там же. С. 109.

41 Дело норвежского консула Виклюнда // Старый Архангельск. 2015, 20 янв. URL: https://pastar.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1927:delo-norvezhskogo-konsula-

фамилии нерусского происхождения. Были арестованы Виктор и Анатолий – сыновья Эмиля Бройтигама (бывшего совладельца пивоваренного завода Суркова) и его жены Пелагеи Михайловны, урожденной Манухиной. Та же участь постигла Бориса, сына лесопромышленника Егора Шергольда, тридцатидевятилетнего Эдуарда Гернета, семидесятилетнего Германа Гувелякена, фотографа Якова Лейцингера.

Национальные операции

В 1937–1938 гг. серией приказов Ежова в СССР был запущен механизм массовых репрессий против этнических немцев, поляков, румын, латышей, греков, финнов, иранцев, болгар, македонцев, афганцев и других народов, которые воспринимались руководством СССР как опора для иностранных разведок. Особым размахом отличилась «польская операция», проведенная в соответствии с приказом НКВД № 00485 от 11.08.1937 г.⁴², в ходе которой было расстреляно сто одиннадцать тысяч человек. В Архангельскую область за 1930–1940-е гг. было выслано более 70 000 поляков.⁴³

После издания Указа Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 г. была ликвидирована Автономная республика немцев Поволжья и проведена тотальная депортация немцев, а на ее территорию введены войска НКВД.⁴⁴ Немцам было дано распоряжение в течение 24 часов подготовиться к переселению и с ограниченным количеством своего имущества прибыть в пункты сбора. Немецкие жители республики были вывезены в отдаленные районы. В Архангельскую область было депортировано более 40 000 немцев.⁴⁵ В последующие месяцы депортация коснулась почти всего

42 Оперативный приказ НКВД СССР № 00485 «Об операции по репрессированию членов Польской военной организации (ПОВ) в СССР». 11 августа 1937 г. // Ленинградский мартиролог. 1937–1938. СПб., 1996. Т. 2. С. 454–456.

43 Супрун М.Н., Герасимова А.И. Поляки в Архангельской ссылке в годы Второй мировой войны (на материалах спецпоселков Уйма и Косково) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2021. Т. 5. № 4. С. 1294–1324.

44 Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья».

45 Сабурова Т.А. Этнические немцы на Севере. // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ / Ред.-сост. Щербакова И.Л. (ред.-сост.). М.: Звенья, 1999. С. 187–199.

немецкого населения, проживающего на территории Европейской России и Закавказья.

На территорию Архангельской области были депортированы жители Эстонии. Массовые депортации эстонцев состоялись в 1941, 1945, 1951 гг. В результате этих депортации было выслано 33 000 человек. Эстонцев использовали на строительстве дорог в низовьях Северной Двины.⁴⁶

Расстрельные полигоны

В советское время места массовых расстрелов были засекречены. Приказ НКВД от 1939 г. предписывал на запросы родственников о судьбе расстрелянного отвечать, что он был осужден на десять лет исправительно-трудовых лагерей без права переписки и передач. Осенью 1945 г. приказ был скорректирован – заявителям стали теперь говорить, что их родственники умерли в местах лишения свободы. 24 августа 1955 г. председатель КГБ при Совете Министров СССР издал Указание № 108сс, которое продолжило данную практику. Родственникам выдавались свидетельства о смерти, в которых даты смерти указывались в пределах десяти лет со дня ареста, а причины смерти фальсифицировались.⁴⁷

В конце 1980-х-1990-е гг. российское общество стало разыскивать места расстрелов. Тайное захоронение с останками сорока пяти тысяч человек, известное как Левашовская пустошь, было найдено под Санкт-Петербургом. Левашова пустошь – бывший специальный полигон НКВД – КГБ СССР. Сюда привозили останки людей, расстрелянных в 1937 г. во время Большого террора и в рамках национальных операций НКВД (немцев, поляков, румын, финнов, латышей и представителей других национальностей). Кладбище оставалось секретным объектом КГБ СССР до 1989 г.

Бутовский расстрельный полигон – еще одно из известных мест массовых казней и захоронений жертв сталинских репрессий под г. Москвой, где, согласно результатам исследований архивно-следственных документов, в 1930–1950-х годах были расстреляны более

46 Данилова Г.А. Страницы истории советского периода. ГУЛАГ. Пинега, Архангельск: ИПП «Правда Севера», 2014.

47 Директива КГБ СССР №108сс от 24 августа 1955 года «О порядке рассмотрения заявлений граждан с запросами о судьбе лиц, осужденных к высшей мере наказания в 30-е годы» // Мемориал-Аспект. № 10–11. Сент., 1994.

двадцати тысяч человек.⁴⁸ Расстрелянные в августе 1937 – октябре 1938 гг. известны поименно. Бутовский полигон находился под охраной войск госбезопасности вплоть до 1995 года.

Сандармох – расстрельный полигон, действующий в 1937–1938 гг. Он находится в Медвежьегорском районе Республики Карелия. Обнаруженное в ходе совместных поисков петербургского и карельского «Мемориалов» в 1997 г., урочище Сандармох сразу же было обустроено как мемориальное кладбище. В 2000 г. ему был присвоен статус объекта культурного наследия России. Большая роль в открытии Сандармоха принадлежит карельскому историку, руководителю карельского «Мемориала»⁴⁹ Ю. А. Дмитриеву и сотрудникам петербургского «Мемориала»⁵⁰ В.В. Иофе и И.А. Флиге. Ежегодно здесь 5 августа проходит Международный день памяти жертв Большого террора 1937–1938 годов. Сандармох является одним из самых больших и известных захоронений жертв сталинских репрессий. Всего в нём обнаружено 236 расстрельных ям, в которых, по подсчётам исследователей, палачами НКВД было тайно убито и захоронено 6241 человек.⁵¹ На настоящий момент благодаря изысканиям историков известно имя каждой жертвы. Здесь были убиты спецпоселенцы и жители Карельской АССР, заключённые Беломорско-Балтийского лагеря, а также люди из самого многочисленного первого этапа Соловецкого лагеря. Благодаря последнему факту Сандармох приобрел международное значение, поскольку в Соловецком лагере узниками были многие известные люди: деятели культуры, учёные, лидеры политических, национальных и религиозных движений.

Территория Карельской АССР граничила с Финляндией, с которой местные жители республики имели давние и тесные связи, также здесь проживало большое количество иностранцев (прежде всего, финских иммигрантов из Европы и Америки). Поэтому большое значение в Карелии приобрели «национальные операции» НКВД, в первую очередь, финнов и карел.

48 Бутовский полигон / Отв. ред. В. Филюян, сост. А. Демина. М.: Capital Press, 2007.

49 Внесен Минюстом РФ в список иноагентов.

50 Внесен Минюстом РФ в список иноагентов.

51 Флиге И.А. Сандармох: драматургия смыслов. СПб.: Нестор-История, 2019.

Заключение

Как я писала выше, с 2000-х гг. в России начинается борьба с памятью о репрессиях. Размеры статьи не представляют возможным раскрыть подробно этот период. Политические представления о прошлом являются основой идентичности, и являются основой символической политики. Символическая политика – это «деятельность политических акторов, направленная на производство и продвижение/навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих».⁵² Главным событием, знаменующим собой новый вектор политики памяти, стала ликвидация «Мемориала» в декабре 2021 г. по решению Верховного суда РФ.

В 1990-е гг. российское общество пережило культурную травму. Провалы в экономике и социальные проблемы вытеснили на периферию общественного интереса историю советских репрессий. Многими жителями России она стала восприниматься как деятельность, направленная против современного государства. 2000-е гг. характеризуются повышением толерантности к советскому прошлому. Работа с памятью о государственном терроре, начавшаяся в Архангельске на волне энтузиазма, вызванного демократическими изменениями в стране и пользующаяся поддержкой местного населения, перестала быть актуальной для общества. Организация «Совесть», ярко заявившаяся о себе на рубеже 1980-х-1990-х гг., продолжала работать по инерции, митинги 30 октября потеряли свою массовость и не вызывают интереса у молодых архангелогородцев. Вместо этого в Архангельске приобрело популярность движение неосталинистов.⁵³

52 Малинова О.Ю. Тема прошлого в риторике президентов России // Pro et Contra. 2011. Т. 15, № 3–4. С. 106–122.

53 Статьи опубликована на сайте коммунистов, в них говорится не о неосталинистах, а они написаны неосталинистами. У «Соловецкого камня» разместили информацию о количестве репрессированных // ИА Красная Весна. 2019, 4 сент. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/65396a9a>; Табличка у «Соловецкого камня» в Архангельске продолжает развеивать мифы // ИА Красная Весна. 2022, 23 апр. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/fe259956>; В Архангельске привели в порядок табличку с количеством политзаключенных // ИА Красная Весна. 2022, 29 окт. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/32211b85>.

Условные сокращения

АССР – автономная советская социалистическая республика.

ВКПб – Всесоюзная коммунистическая партия большевиков.

Внешторг – Министерство внешней торговли.

ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия.

губЧК – Губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

ГУЛАГ – Главное управление исправительно-трудовых лагерей.

КГБ – Комитет государственной безопасности.

МГБ – Министерство государственной безопасности.

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел СССР.

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление.

РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия

СЛОИ – Соловецкий лагерь особого назначения.

Stalins regime på vei tilbake ...?

Ragnar Selnes
Seniorrådgiver
ved Helgeland Museum

ABSTRAKT

Artikkelen analyserer arbeidet til de russiske historikerne Sergej Koltyrin og Jurij Dmitrijevs og deres rolle å bringe sannheten om massehenrettelsene i Sandarmokh frem i lyset. Den understreker betydningen av å utforske historien om sovjetisk undertrykkelse og analyserer dagens politikk i Russland i lys av sine historiske paralleller. Artikkelforfatteren har deltatt i flere samarbeidsprosjekter, inkludert det norsk-russiske miljøvernssamarbeidet (2019–2021) og Norsk-russisk museumsnettverk, som ble etablert i 2016 for å fremme kultursamarbeid mellom Norge og Russland i den euro-arktiske Barentsregionen. Under sine reiser til Russland besøkte han en rekke historisk betydningsfulle steder, og i denne artikkelen deler han sine refleksjoner og observasjoner.

Innledning

Det norske Kulturdepartementet (KUD) utlyste i mai 2016 prosjektmidler for å styrke det norsk-russiske kultursamarbeidet i Barentsregionen. Finnmark fylkeskommune søkte og fikk midler til et treårig prosjekt med mål om å etablere et museumsnettverk for museer i Nordvest-Russland og Nord-Norge, med 15 deltakere fra hvert land.

Fylkeskonservator Reidun Laura Andreassen fra Finnmark fylkeskommune ledet prosjektet. Første samling fant sted høsten 2016 i Sør-Varanger. Neste møte ble avholdt høsten 2017 i Arkhangelsk og på Solovkiøyene i Kvitsjøen. I mai 2018 møttes deltakerne igjen, i den russiske republikken Karelia, med Petrozavodsk som base. Den avsluttende samlingen ble holdt i Murmansk i november 2018.

Historien

Museumsnettverket hadde sin andre samling i 2017, hvor vi blant annet besøkte Solovetskij-klosteret. Klosteret fikk en tragisk skjebne etter oktoberrevolusjonen i 1917. På 1920-tallet ble bygningene omgjort til en konsentrasjonsleir under Lenins regime. Klosteret ble en av de første arbeidsleirene i Sovjetunionen og fungerte som en prototyp for Gulag-systemet. På dette stedet mistet tusenvis av mennesker livet, særlig på 1920-tallet, anklaget for å være «kontrarevolusjonære elementer». I 1926 ble leiren omgjort til et fengsel, men den ble stengt i 1939 da en marinebase ble etablert på øya.¹

De russiske delegatene som deltok i nettverket, snakket åpent om Gulag-tiden, og vi fikk et bestemt inntrykk av at dette var en periode dagens russere fordømte. Under oppholdet ble vi også presentert for historien til klosteret og Gulag-systemet i sin helhet.

Sammen med oss deltok også historikeren Sergej Koltyrin. Han var med fra første møte i Norge i 2016. Da vi besøkte russisk Karelen i 2018, ble han av stor betydning for oss med sin bakgrunn som direktør av museet i Medvezjegorsk.

Medvezjegorsk distriktsmuseum ble anlagt i 1962 og ble fra 1991 et kommunalt museum i republikken Karelia. Som direktør for museet hadde Koltyrin førstehåndskunnskap om byggingen av Kvitsjøkanalen.

Sergej Koltyrin holder omvisning i museet i Medvezjegorsk for deltakerne i det norsk-russiske museumsnettverket. Foto: Ragnar Selnes, 2018

1 «Solovki prison camp». (n.d.). Wikipedia. Tilgjengelig fra: https://en.wikipedia.org/wiki/Solovki_prison_camp

Kvitsjøkanalen, eller Hvitehavskanalen (russisk: Belomorsko-Baltiiskij kanal, mest kjent under kortformen Belomorkanal), er en skipskanal som binder sammen Kvitsjøen med Østersjøen nær St. Petersburg. Dens opprinnelige navn var (frem til 1961) Belomorsko-Baltiiskij kanal imeni Stalina («Stalins Kvitsjø–Østersjø-kanal»). Ifølge offisielle data døde 12 300 fanger under byggingen av kanalen, men uoffisielle estimater starter på 50 000 og går opp til 86 000. Kanalen ble åpnet 2. august 1933.²

I dette området finnes også massegravene i Sandarmokh. Sandarmokh er et skogsområde 12 km fra Medvezjegorsk i Karelen, kjent som et av de grusomste stedene under Stalins store terror i 1937–1938. Her ble tusenvis av mennesker henrettet og gravlagt av NKVD. I alt er det identifisert 236 massegraver på stedet, hvor forskere har beregnet at 6241 ofre ble drept og hemmelig gravlagt i løpet av en 14-måneders periode.³ Blant de som ble henrettet i Sandarmokh, var 1111 fanger fra det beryktede Solovki-spesialfengselet i Kvitsjøen. Disse fangene ble opprinnelig sendt til Karelen for å delta i byggingen av Kvitsjøkanalen. Under transporten «forsvant» de, og det ble senere avdekket at de var i så dårlig fysisk tilstand ved ankomst at de umiddelbart ble skutt og begravd i massegraver høsten 1937. Lenge var deres skjebne ukjent, men svaret ble funnet i arkivene til FSB, avdekket gjennom arbeidet til den russiske menneskerettighetsorganisasjonen Memorial Human Rights Centre (heretter Memorial).⁴

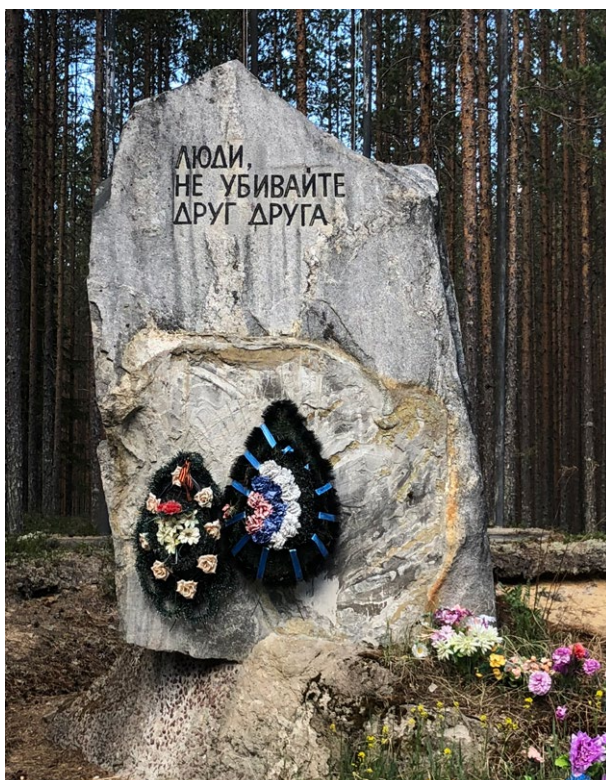
Henrettelsene i Sandarmokh omfattet også mange lokale innbyggere fra Karelen, som ble skutt i henhold til de fastsatte kvotene for «nasjonale operasjoner». Disse kvotene ble spesifisert i lister over personer som skulle henrettes uten rettssak. Blant de mange ofrene var nordmannen Emil Jørstad, som bodde i den norsk-russiske kolonien Tsypnavolok på Fiskerhalvøya i Murmansk fylke.⁵ I dag er Sandarmokh et minnesmerke over Stalins forbrytelser og hans regimes overgrep. Siden 1998 har stedet vært sentrum for en årlig internasjonal minnedag, som holdes 5. august. Mange pårørende besøker stedet for å hedre sine døde slektninger og henger opp bilder av dem på trærne som en del av minnemarkeringen.

2 White Sea–Baltic Canal. Wikipedia. Tilgjengelig fra: https://en.wikipedia.org/wiki/White_Sea%E2%80%93Baltic_Canal

3 Flige, I. *Sandarmokh: Dramatikken i betydningene*. St. Petersburg: Nestor-Historie, 2019.

4 Organisasjonen er oppført på det russiske justisdepartementets liste over «utenlandske agenter».

5 Jentoft M. *De som dro østover: Kola-nordmennenes historie*. Oslo: Gyldendal, 2005.

Minnestein på stedet for mas-
sehenrettelsene i Sándarmoh,
med inskripsjonen «Folk, ikke
drep hverandre!»
Foto: Ragnar Selnes, 2018

Medvezjegorsk museum hadde også en utstilling som viste fortsettelseskrigen mot finnene, men ved nærmere ettersyn fantes det ingenting om vinterkrigen 1937–1938.⁶ Jeg stilte spørsmål ved dette, men fikk ikke noe annet svar enn at russerne ikke liker å snakke om historiske hendelser som ikke er til deres fordel.

Sergej Koltyrin spilte sammen med historikeren Jurij Dmitrijev en sentral rolle i å dokumentere og formidle historien om Sandarmokh, et av de største massakrestedene under Stalins terror. Stedet huser tusenvis av ofre for utrenskningene på 1930-tallet, begravet i anonyme massegraver.

I nyere tid har russiske myndigheter forsøkt å nedtone Sandarmokhs historiske betydning ved å fremme påstander om at mange av de som ligger gravlagt der, ble drept av finske styrker under okkupasjonen av Karelen i 1943. Disse påstandene, inkludert spekulasjoner om at finnene skal

6 Westerlund, L. Den ryska nyprojiceringen av krigsårenes historie. [Foredrag lest på konferansen 20.04.2023], s. 39.

ha opprettet et gasskammer og massakrert sovjetiske soldater i området, har blitt bestridt av forskere og mangler dokumentasjon.

Ifølge historikeren Nikolay Epplée er disse forsøkene på å omskrive historien om Sandarmokh en fortsettelse av strategier utviklet i Sovjetunionen for å relativisere eller rettferdiggjøre egne overgrep. Epplée trekker paralleller til endringer i utstillingen ved Katyn-minnekomplekset, der sovjetiske utstillere fremhevet polske styrkers henrettelser av sovjetiske krigsfanger under den sovjetisk-polske krigen (1919–1921). Dette forsøket på å etablere en sammenheng mellom Katyn-massakren og polske overgrep har møtt sterk kritikk fra både polske og russiske eksperter, som har påpekt at slike manipuleringer av historien er uakseptable⁷. På denne måten skjer det en vektforskyvning og en omskriving av historien. Jo mer Sandarmokh-saken blir farlig for russiske myndigheter, desto viktigere blir det for dem å finne en måte å blokkere denne typen «minneaktivisme» på.⁸

Katyn-massakren var en serie massehenrettelser av rundt 22 000 polske offiserer og intellektuelle, utført av NKVD i april og mai 1941. Massakren fant sted ikke bare i Katyn-skogen, men også i Kalinin (nå Tver), Kharkiv og andre steder.

Ordren om henrettelsene ble gitt 5. mars 1940 av det sovjetiske politbyrået under ledelse av Stalin, og var også underskrevet av Molotov, Vorosjilov og Mikojan. Dette bekrefter at beslutningen ble tatt på høyeste nivå i Sovjetunionen.⁹

Ofrene inkluderte ikke bare militære offiserer, men også politifolk, intellektuelle og andre fremtredende personer i det polske samfunnet. Dette stemmer overens med påstanden om at sovjetiske myndigheter anså disse gruppene som potensielle trusler mot kommunistisk styre. Den etniske sammensetningen av ofrene reflekterte det multietniske Polen, med polakker, ukrainere, hviterussere og jøder blant de drept. Dette understreker massakrens omfattende natur og dens innvirkning på ulike deler av det polske samfunnet. Da tyske styrker oppdaget massegravene i 1943, førte det til en intens propagandakrig mellom Nazi-Tyskland

7 Epplée, N. Sandarmokh-saken, eller om historien kan reverseres. *Raam op Russland*. 2019. URL: <https://platformraam.nl/pyc/1369-2019-08-14-07-43-07> (Hentet: 23.11.2020).

8 Samme sted

9 Sanford, G. (2005). *Katyn and the Soviet Massacre of 1940: Truth, Justice and Memory*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203447048>

og Sovjetunionen, der begge sider forsøkte å utnytte situasjonen til sin fordel.¹⁰

Vi besøkte Sandarmokh i 2018. Senere på sommeren fikk vi vite at direktøren for Medvezjegorsk museum, Sergej Koltyrin, som arbeidet aktivt for å bevare minnet om Stalins ofre, var blitt arrestert av FSB. Han ble anklaget for å ha hatt et homoseksuelt forhold til en gutt med psykisk utviklingshemming. Kollegaer som hadde kjent Koltyrin i over 40 år, avviste påstandene som grunnløse og karakteriserte dem som en del av en målrettet kampanje mot personer som jobbet med sensitive historiske emner. Samtidig var hans kollega Jurij Dmitrijev, en fremtredende forsker tilknyttet organisasjonen Memorial, allerede arrestert og siktet for pedofili. I mai 2019 ble Sergej Koltyrin dømt til ni års fengsel.¹¹ Han døde senere på fengselssykehuset, angivelig av kreft.

Masseundertrykkelse

Er historien om Sergej Koltyrin, som sammen med sin kollega Jurij Dmitrijev avdekket sannheten om Sandarmokh, et eksempel på hvordan de som forsøker å avdekke Stalins grusomheter, blir utsatt for press og forsøk på å bli skremt til taushet? Kan dette tolkes som en strategi som gjenspeiler dagens regime, hvor slik historieforskning anses som politisk ubeleilig?

Vi kjenner til at organisasjonen Memorial ble oppført på listen over «utenlandske agenter» og siden likvidert.¹² Dette kan tyde på en bevisst plan om å lukke munnen på historien ved å ta i bruk sovende paragrafer som ikke engang var i bruk i Bresjnevs tid. Bresjnev, og at dagens regime i Russland bevisst benytter seg av lover for å bringe kritikere av regimet til taushet eller i fengsel.

I en artikkel for den uavhengige russiske avisen *Meduza* skriver Aleksandr Tsjerkasov, tidligere leder for den nå forbudte organisasjonen Memorial, om utviklingen av dagens politiske klima i Russland. Han trekker paralleller mellom sovjettiden og dagens regime og bemerker at

10 Christensen, B. *Katyn-massakren: Stalin ville knekke polakkene*. Historienet. Tilgjengelig via: <https://historienet.no/krig/2-verdenskrig/katyn-massakren-stalin-ville-knekke-polakkene> Hentet: 2022, 28. desember.

11 Coynash, H. (2018, 3. oktober). Russia Arrests Second Historian of Stalin's Terror. *Human Rights in Ukraine*. URL: <https://khp.org/en/1538514229>

12 Høyesterett avviklet den internasjonale avdelingen av Memorial. Påtalemyndigheten anklaget menneskerettighetsforkjemperne for å forvrengte bildet av Sovjetunionen. (2021, 28. desember). *RBC*. <https://www.rbc.ru/politics/28/12/2021/619f93a29a79479fd98185b7>

i 2022 og 2023 har hundrevis av domfellelser blitt avsagt i henhold til paragrafene 70 og 90, som omhandler antistatlig virksomhet. Dette er langt flere enn det som ble registrert under Leonid Bresjnevs styre. Sett i forhold til at folketallet i dagens Russland bare er det halve av hva det var i Sovjetunionens tid, blir statistikken enda dystre.¹³

Tsjerkasov fortsetter med å sammenligne ulike perioder i Sovjetunionens historie. Under Khrusjtsjov-perioden ble 1796 personer dømt for antisovjetisk propaganda i 1957, mer enn 1000 ble dømt året etter og rundt 800 i 1959. Det første året etter at Bresnev overtok, falt denne typen domfellelser betydelig, og i 1964 var tallet rundt 240 og i 1965 var det 40. Dette er lave tall sammenlignet med masseundertrykkelsen på slutten av 1930-tallet. Da ble arrestasjonene gjennomført med en effektivitet som kan sammenlignes med samlebåndsproduksjon. Domfellelsene var så hyppige at sakene ikke kunne behandles etter vanlig rettspraksis, men ble i stedet avgjort av såkalte «troikaer» (tre deltakere). Dette systemet viste seg å være svært produktivt, noe statistikken for årene 1937–1938 bekrefter. I forbindelse med den såkalte kulakkoperasjonen, iverksatt gjennom NKVDs operasjonsordre nr. 00447, beregnet man opprinnelig å henrette 76 000 personer i hele Sovjetunionen.¹⁴

Arrestasjonene ble utført i henhold til en sentralt utarbeidet plan. NKVD-ledere i ulike regioner oppdaget at de ved å overgå kvotene kunne øke sine sjanser for forfremmelse. I motsatt fall risikerte de reprimander eller, i verste fall, selv å bli offer for utrenskningene. Denne dynamikken førte til at antallet henrettelser langt oversteg de opprinnelige estimatene. Totalt ble omtrent 387 000 mennesker henrettet som følge av operasjon 00447, altså betydelig flere enn det opprinnelige måltallet.¹⁵

På slutten av 1950-tallet oppsto det en diskusjon i Sentralkomiteen, hvor det ble besluttet å opprette en spesialkommisjon som skulle gjennomgå alle dommer før henrettelse. Man begynte å diskutere en ny måte å kontrollere samfunnet på – uten å benytte seg av masseundertrykkelse. En løsning så dagens lys i 1959 da sjefen for KGB-kontoret i Leningrad, Nikolaj Mironov, fremmet ideen om at det ikke var noen løsning å bedrive massearrestasjoner, men å forhindre det, det vil si å bruke andre metoder

13 Tsjerkasov, A. (2023, 13. april). Dette er ikke Den store terroren ennå. Men det er Stalins logikk. *Meduza*. <https://storage.googleapis.com/gsc-link/d21e262a.html>

14 Werth Nicolas. The NKVD Mass Secret Operation n°00447 (August 1937 - November 1938). URL: <https://www.sciencespo.fr/mass-violence-war-massacre-resistance/en/document/nkvd-mass-secret-operation-n-00447-august-1937-november-1938.html>

15 Samme sted

for avstraffelse, så som utvisning fra Komsomol, universiteter eller hæren og avskjedigelser. Noen ganger kunne man greie seg med å ha samtaler eller å tvinge personer til å skrive under på omvendelsesbrev. Dette førte til at relativt få mennesker i perioden 1960–1968 ble satt i fengsel på grunnlag av de politiske artiklene 90 og 190 i straffeloven, men samtidig ble likevel 10 000 mennesker direkte offer for disse paragrafene uten å bli arrestert, og millioner igjen ble presset til taushet.¹⁶

Når man sammenligner dagens regime med Stalins, er det viktig å understreke at det moderne Russland foreløpig ikke har utviklet et praktisk system for å undertrykke politiske motstandere i samme omfang. Blir man arrestert og tiltalt, kan man i beste fall slippe unna med en bot for å ha kritisert systemet. Gjentar man kritikken, risikerer man langt strengere strafferettslige forfølgelser. Dette antyder klare paralleller mellom dagens regime og Khrusjtsjov-, Bresjnev- og Andropov-periodene. Den gang var den strengeste straffen dødsstraff. Selv om dødsstraff formelt ikke eksisterer i dagens Russland, har det i praksis blitt erstattet av politiske drap på regimets kritikere.

Massedrap er heller ikke ukjent for dagens regime. Det er legitimt å bruke betegnelsen massedrap på det som har forekommet under de såkalte antiterroroperasjonene i Tsjetsjenia-krigen og senere, særlig med tanke på landetsinnbyggertall. Forholdene i dagens fengsler er like ille som under Bresjnev-tiden. Når det gjelder rettsforfølgelser, er Russland i dag på samme nivå som under Khrusjtsjov-tiden, etter antallet å dømme.

Hva er det som gjør at vi kan snakke om en intensivering av undertrykkelsen? Vi har blant annet sett at «sovende» artikler i straffeloven har blitt tatt i bruk, slik som i saken mot Vladimir Kara-Murza. Videre ble det i 2023 tatt inn bestemmelser i straffeloven som ville ha vært for drøye selv på Bresjnevs tid. I dag risikerer man å bli dømt til syv års fengsel for et forsøk på å protestere åpent på gaten. Under Bresjnev-tiden måtte man minst ha vært redaktør for et stort landsdekkende antisovjetisk tidskrift for å få tilsvarende straff.

I Sovjetunionen kunne man bli dømt for «deltakelse i en uønsket organisasjon», men i dagens Russland heter dette «høyforræderi» eller «ekstremisme». Slik benytter regimet mulighetene til å straffe regimekritikerne.¹⁷

16 Tsjerkasov, A. (2023, 13. april). Dette er ikke Den store terroren ennå. Men det er Stalins logikk. *Meduza*. <https://storage.googleapis.com/gsc-link/d21e262a.html>

17 Tsjerkasov, A. (2023, 13. april). Dette er ikke Den store terroren ennå. Men det er Stalins logikk. *Meduza*. <https://storage.googleapis.com/gsc-link/d21e262a.html>

I artikkelen i *Meduza*¹⁸ henviser Tsjerkasov til statistikk over personer som er blitt arrestert fordi de brukte sin rett til å uttrykke sin mening mot krigen, men statistikken forteller ingenting om alle de som er blitt arrestert for å ha publisert historisk forskning om Stalins regime, slik som Sergej Koltryn og Jurij Dmitrijev gjorde ved å fortelle om dødsleiren Sandarmokh i Karelen.

Man må stille seg spørsmålet: Hvorfor er dagens makthavere så redde for historiske fakta, også fra Stalins tid? Det er nemlig ikke bare regime-kritikere eller motstandere av krigen i Ukraina som risikerer fengselsstraff – også forskere kan bli arrestert for å avsløre skjulte sannheter om Stalins forbrytelser. Kan det skyldes at dagens regime i økende grad minner om den totalitære modellen fra fortiden?

Konklusjon

Til tross for at Sergej Koltyrin og Jurij Dmitrijev har blitt forfulgt av myndighetene, har forskningen deres vært et viktig bidrag til å avdekke sannheten om masseundertrykkelse. Dagens repressive tiltak i Russland viser urovekkende tendenser som minner om stalintiden, noe som gjør det nødvendig å analysere og reflektere nøye. Bare ved å innse de historiske feilgrepene kan man unngå at man gjentar dem i fremtiden

18 Samme sted

Сталинизм возвращается?

Рагнар Сельнес
Старший консультант
Музея Хельгеланда

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается роль российских историков Сергея Колтырина и Юрия Дмитриева в раскрытии информации о массовых расстрелах в Сандармохе. Подчеркивается важность изучения и осмысления истории советских репрессий, а также анализируется современная политика в России в контексте ее исторических параллелей. Автор статьи принимал участие в нескольких совместных проектах, включая российско-норвежское сотрудничество в области охраны окружающей среды (2019–2021 годы) и Российско-норвежскую музейную сеть, созданную в 2016 году для укрепления культурного сотрудничества между Россией и Норвегией в Баренцевом Евроарктическом регионе. Во время своих поездок по России он посетил ряд исторически значимых мест и делится своими размышлениями и наблюдениями в этой статье.

Введение

В мае 2016 года Министерство культуры Норвегии объявило конкурс на финансирование проектов по укреплению норвежско-российского культурного сотрудничества в Баренцевом Евроарктическом регионе.

Администрация губернии Финнмарк получила финансирование для трехлетнего проекта «Норвежско-российская музейная сеть», целью которого было создание музейной сети Северо-Запада России и Северной Норвегии. В проекте приняли участие 15

учреждений из каждой страны. Руководителем проекта выступила Рейдун Лаура Андреассен, окружной хранитель из администрации Финнмарка. Первая встреча состоялась осенью 2016 года в коммуне Сёр-Варангер. Вторая встреча прошла осенью 2017 года в Архангельске и на Соловках. В мае 2018 года участники встретились в Карелии, а заключительная встреча прошла в Мурманске в ноябре 2018 года.

История

В 2017 году во время второй встречи музейной сети участники посетили Соловецкий монастырь. После Октябрьской революции 1917 года монастырь постигла трагическая участь: в 1920-х годах церковные здания были превращены в концентрационный лагерь, созданный большевиками под руководством В. И. Ленина. Монастырь стал одним из первых исправительно-трудовых лагерей в Советском Союзе и позднее – прототипом системы ГУЛАГа. Здесь погибли тысячи так называемых «контрреволюционных элементов», особенно в 1920-е годы. В 1926 году лагерь был преобразован в тюрьму, но в 1939 году он был закрыт в связи со строительством военно-морской базы на острове.¹

Сергей Колтырин проводит экскурсию в музее Медвежьегорска для участников Норвежско – российской музейной сети. Фото: Рагнар Сельнес, 2018

1 Solovki prison camp. (н.д.). Википедия. Доступно по ссылке: https://en.wikipedia.org/wiki/Solovki_prison_camp

Российские участники проекта открыто обсуждали эпоху ГУЛАГа, создавая впечатление, что современное общество осуждает этот исторический период. Во время визита на Соловки мы получили обширную информацию об истории монастыря и его трансформации в один из первых лагерей советской пенитенциарной системы. С самого начала проекта в группе присутствовал историк Сергей Колтырин, директор Медвежьегорского районного музея, основанного в 1962 году, с 1991 года ставшего муниципальным музеем Республики Карелия. Участие Сергея Колтырина в проекте было весьма значимым, особенно во время посещения Карелии в 2018 году. Как директор музея, Колтырин обладал глубокими знаниями о строительстве Беломорканала.

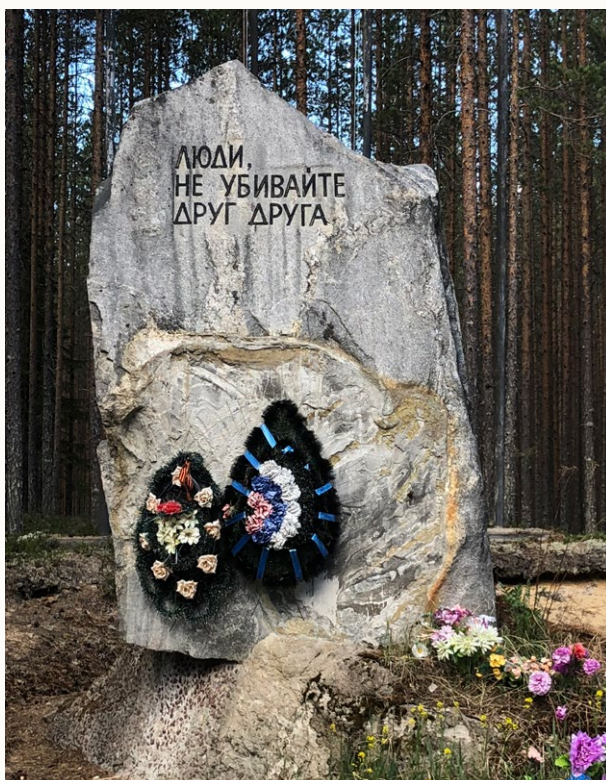
Беломорско-Балтийский канал (сокращённо Беломорканал) — канал, соединяющий Белое море с Онежским озером и имеющий выход в Балтийское море и к Волго-Балтийскому водному пути. По официальным данным, во время строительства канала умерло 12 300 заключённых, неофициальные оценки начинаются с 50 тысяч и доходят до 86 тысяч человек. Канал был открыт 2 августа 1933 года.² Рядом с ним также находятся массовые расстрельные захоронения в урочище Сандармох.

Сандармох – это лесной массив в 12 км от Медвежьегорска в Республике Карелия, ставший одним из самых трагических мест периода сталинского Большого террора 1937–1938 годов. Здесь были расстреляны и захоронены тысячи людей сотрудниками НКВД. Всего было найдено 236 массовых захоронений, в которых, по подсчётам исследователей, было тайно убито и погребено 6241 человек в течение 14 месяцев.³ Среди жертв Сандармоха – 1111 заключённых из знаменитого Соловецкого лагеря особого назначения. Этих людей отправили в Карелию для строительства Беломорканала, но они «исчезли» во время транспортировки. Позднее выяснилось, что к моменту прибытия их физическое состояние было настолько плачевным, что их расстреляли сразу по прибытии осенью 1937 года и захоронили в братских могилах. Долгое время их судьба оставалась неизвестной, пока ответы не были найдены в архивах ФСБ благодаря работе правозащитной организации «Мемориал»⁴.

2 White Sea–Baltic Canal. Википедия. Доступно по ссылке: https://en.wikipedia.org/wiki/White_Sea%E2%80%93Baltic_Canal

3 Флиге И.А. Сандармох: драматургия смыслов. СПб.: Нестор-История, 2019.

4 Внесен Минюстом РФ в список иноагентов.

Памятный камень с надписью: «Люди, не убивайте друг друга!» на месте массовых казней в урочище Сандармох.
Фото: Рагнар Сельнес, 2018

Жертвами Сандармоха стали и жители Карелии, которых расстреливали в рамках «национальных операций» в соответствии с установленными квотами. Эти квоты были зафиксированы в специальных списках лиц, подлежащих осуждению без суда Военной коллегией Верховного суда СССР. Среди жертв был и норвежец Эмиль Йорстад из норвежской колонии Цыпнаволоок на полуострове Рыбачий в Мурманской области.⁵ Сегодня Сандармох является мемориалом жертвам преступлений Сталина и его режима. С 1998 года это место стало центром ежегодного Международного дня памяти жертв Большого террора, который проводится 5 августа. Многие родственники погибших посещают Сандармох, чтобы почтить память своих близких. С этой целью они развешивают фотографии на деревьях.

5 Йентофт М. Те, кто отправился на восток: история кольских норвежцев. Осло: Гюльдендаль, 2019.

В экспозиции Медвежьегогорского музея также был раздел, рассказывающий о зимней войне 1939 - 1940 гг., но при ближайшем рассмотрении стало ясно, что информация о ней отсутствует.⁶ Я задал этот вопрос коллегам, но получил ответ, что русские не любят говорить об исторических событиях, которые могут показать их с негативной стороны.

Сергей Колтырин, совместно с историком Юрием Дмитриевым, сыграл важную роль в изучении и популяризации истории Сандармоха, одного из крупнейших мест массовых захоронений жертв сталинского террора.

В последние годы российские власти предприняли попытки изменить историческое значение Сандармоха, утверждая, что многие захороненные там жертвы были убиты финнами во время оккупации Карелии в 1943 году. Среди таких заявлений — предположения о существовании финского газового лагеря и массовом убийстве советских солдат, якобы не погибших в бою, а расстрелянных финскими войсками. Однако эти версии не имеют документального подтверждения и подвергаются сомнению со стороны исследователей.⁷

Историк Николай Эппле утверждает, что попытки переписать историю Сандармоха являются продолжением стратегий, разработанных в советское время, с целью оправдать или нивелировать собственные преступления. В качестве примера он приводит изменения в экспозиции мемориального комплекса «Катынь», где рассказывается о расстрелах польскими войсками советских военнопленных в ходе Советско-польской войны (1919–1921). Такая интерпретация событий, создающая параллель между Катынским расстрелом и польскими преступлениями, подверглась критике со стороны польских и российских экспертов, а также Министерства иностранных дел Польши, которые считают подобные манипуляции недопустимыми.⁸ Таким образом происходит смещение акцентов

6 Вестерлунд Л. Российская репроекция истории военных лет //Доклад, зачитанный на конференции 20.04.2023, С.39

7 Нерозникова Е. Вместо памяти: кто и зачем перекапывает Сандармох. Доступно: <https://mbk-news.appspot.com/suzhet/vmesto-pamyati-sandarmokh/> Опубликовано 23.09.2019

8 Эппле Н. Дело Сандармоха, или можно ли повернуть историю вспять // Raam op Russland. 2019. URL: <https://platformraam.nl/рус/1369-2019-08-14-07-43-07> (дата обращения: 23.11.2020).

и переписывание истории. Тем опаснее для российской власти оказался случай Сандармоха, и тем важнее на его примере найти способ блокировки такого рода «мемориального активизма»⁹.

Катынская резня представляла собой серию массовых казней почти 22 000 польских офицеров и интеллигенции, осуществленных НКВД («Народный комиссариат внутренних дел», советская тайная полиция) в апреле и мае 1940 года. Убийства происходили также в Калинин и Харькове.¹⁰

Приказ о расстреле поляков был тайно отдан Советским Политбюро во главе со Сталиным 5 марта 1940 года. Из общего числа убитых около 8000 были офицерами, захваченными во время советского вторжения в Польшу в 1939 году, еще около 6000 были полицейскими, а остальные примерно 8000 были представителями польской интеллигенции, которых Советы считали потенциальными врагами: землевладельцами, промышленниками и государственными служащими. Среди убитых были этнические поляки, украинцы и белорусы, а также от 700 до 900 польских евреев, включая главного раввина Польской армии Баруха Штейнберга. Массовые захоронения были обнаружены немецкими войсками в 1943 году, что привело к интенсивной пропагандистской войне между нацистской Германией и Советским Союзом, где обе стороны пытались использовать ситуацию в своих интересах.¹¹

Мы посетили Сандармох в 2018 году. Летом того же года стало известно, что Сергей Колтырин, директор Медвежьегорского музея и один из тех, кто активно занимался сохранением памяти о жертвах сталинских репрессий, был арестован ФСБ. Его обвинили в гомосексуальной связи с умственно отсталым подростком. Коллеги, знавшие Колтырина более 40 лет, в своих рассказах категорически отвергали эти обвинения и считали их частью целенаправленной кампании против исследователей, занимающихся деликатными историческими темами. В то же время его коллега Юрий Дмитриев, видный исследователь и сотрудник общества «Мемориал», уже находился под стражей по обвинению в педофилии. В мае 2019 года

9 Там же

10 Сэнфорд Дж. Катынь и советская резня 1940 года: правда, справедливость и память. М.: Routledge, 2005. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203447048>

11 Кристенсен, Б. Катынская резня: Сталин хотел сломить поляков. Историянет. Доступно по адресу: <https://historienet.no/krig/2-verdenskrig/katyn-massakren-stalin-ville-knekke-polakkene> (Дата обращения: 28.12.2022).

Сергей Колтырин был приговорён к девяти годам лишения свободы.¹² Позже он умер в тюремной больнице. Официальный диагноз – рак.

Массовые репрессии

Является ли история о Сергее Колтырине, который вместе со своим коллегой Юрием Дмитриевым раскрыл правду о Сандармохе, примером того, как тех, кто пытается раскрыть зверства сталинских репрессий, запугивают и заставляют замолчать? Можно ли это рассматривать как стратегию, отражающую нынешний режим, для которого такие исторические исследования являются политически неудобными?

Мы знаем, что Правозащитный центр «Мемориал» был включен в список НКО-иноагентов и ликвидирован.¹³ Это может указывать на намеренное замалчивание истории. Нынешний режим в России сознательно использует законы, с помощью которых они могут заставить замолчать или отправить в тюрьму критиков режима.

Александр Черкасов, бывший председатель ныне запрещённого правозащитного центра «Мемориал», в своей статье для независимой газеты «Медуза» анализирует нынешнюю политическую ситуацию в России. Он проводит параллели между советским периодом и современным режимом, отмечая, что в 2022 и 2023 годах вынесены сотни приговоров по статьям 70 и 90, касающимся антигосударственной деятельности. Это значительно больше, чем было зарегистрировано во времена правления Леонида Брежнева. А если учесть, что население сегодняшней России составляет лишь половину от того, что было во времена Советского Союза, то можно считать, что эта статистика еще выше.¹⁴

Далее Черкасов сравнивает различные периоды в истории СССР. В период руководства страной Н.С. Хрущевым в 1957 году

12 Койнаш Х. Россия арестовала второго историка сталинского террора // Human Rights in Ukraine. URL: <https://khpg.org/en/1538514229> (Опубликовано 3.10.2018)

13 Верховный суд ликвидировал международный «Мемориал». Прокуратура обвинила правозащитников в искажении образа СССР // РБК. 28.12.2021. URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/12/2021/619f93a29a79479fd98185b7> (дата обращения: 29.12.2021).

14 Черкасов, А. (2023, 13 апреля). Это пока не Большой террор. Но это сталинская логика. Медуза. <https://storage.googleapis.com/gsc-link/d21e262a.html>

за антисоветскую пропаганду было осуждено 1796 человек, более одной тысячи в следующем году и около 800 в 1959 году. В 1964 их число составляло около 240, а в 1965 году — 40. Это небольшие цифры по сравнению с массовыми репрессиями конца 1930-х годов. Аресты проводились с эффективностью, сравнимой с конвейерным производством. Приговоры выносились настолько часто, что их невозможно было обработать в соответствии с обычной судебной практикой, и вместо этого их выносили так называемые, «тройки». Эта система оказалась чрезвычайно продуктивной, что подтверждается статистикой за 1937-1938 годы. В рамках «Кулацкой операции», инициированной приказом НКВД № 00447, первоначально планировалось казнить 76 000 человек по всему Советскому Союзу.¹⁵

Аресты проводились в соответствии с централизованно разработанным планом. Руководители НКВД в различных регионах обнаружили, что превышение квот могло увеличить их шансы на продвижение по службе. В противном случае они рисковали получить выговор или, в худшем случае, сами стать жертвами чисток. Эта динамика привела к тому, что число казней значительно превысило первоначальные оценки. В общей сложности в результате Операции 00447 было казнено около 387 000 человек, что значительно превышало первоначальную цель.¹⁶

В конце 1950-х годов в Центральном комитете возникла дискуссия, в ходе которой было принято решение о создании специальной комиссии, которая будет пересматривать все приговоры перед расстрелом. В связи с этим начали обсуждаться новые способы управления обществом без применения массовых репрессий. Это решение было реализовано в 1959 году, когда управление КГБ в Ленинграде возглавил Н.Р. Миронов. Он предложил идею о том, что можно не прибегать к массовым арестам, а использовать другие методы наказания, такие как исключение из комсомола, вузов, армии, а также увольнения. Иногда удавалось ограничиться воспитательными беседами или вынудить подписать покаянные письма. Однако, несмотря на это, 10 000 человек всё ещё оставались прямыми жертвами

15 Werth Nicolas. The NKVD Mass Secret Operation n°00447 (August 1937 - November 1938). URL: <https://www.sciencespo.fr/mass-violence-war-massacre-resistance/en/document/nkvd-mass-secret-operation-n-00447-august-1937-november-1938.html>

16 Там же

политических статей, не будучи арестованными. Миллионы людей снова были вынуждены замолчать.¹⁷

Сравнивая современный режим со сталинским, важно подчеркнуть, что в сегодняшней России пока не создана практическая система для осуществления репрессий в таком же масштабе. Если вас арестуют и предъявят обвинение за критику системы, в лучшем случае это может обернуться штрафом. Однако повторная критика может повлечь за собой гораздо более серьёзные уголовные преследования. Это указывает на сходство нынешнего режима с периодами правления Н.С. Хрущёва, Л.И. Брежнева и Ю.В. Андропова. Тогда самым строгим наказанием была смертная казнь. Хотя формально сегодня смертная казнь в России не применяется, её фактически заменили политические убийства критиков режима.

Массовые убийства также не являются неизвестными нынешнему режиму. Во время так называемых, антитеррористических операций в период Чеченской войны по отношению к ним правомерно использовать термин «массовые убийства», особенно в отношении количества жертв среди мирного населения.

Сегодняшние условия в российских тюрьмах делают жизнь заключённых невыносимой, аналогично временам Брежнева. Количество уголовных дел в современной России свидетельствует о том, что страна находится на том же уровне репрессивной активности, что и во времена Хрущёва. Что нам позволяет говорить об усилении репрессий? Запуск «спящих» статей Уголовного кодекса, как в случае с Владимиром Кара-Мурзой. Включение в Уголовный кодекс около года назад статей, которые были бы слишком сильны даже для брежневского времени. Сегодня вы рискуете быть приговорёнными к нескольким годам лишения свободы за попытку открыто протестовать на улице¹⁸. Во времена Брежнева, чтобы получить семь лет тюрьмы, нужно было бы быть как минимум редактором крупного общенационального антисоветского журнала.

В Советском Союзе могли осудить за участие в нежелательной организации, но в современной России это называется государственной

17 Черкасов, А. (2023, 13 апреля). Это пока не Большой террор. Но это сталинская логика. Медуза. <https://storage.googleapis.com/gsc-link/d21e262a.html>

18 В 2022 году Кремль не только вторгся в Украину, но и устроил масштабные политические репрессии в России // Медуза. 23.12.2022. URL: <https://meduza.io/feature/2022/12/23/v-2022-godu-kreml-ne-tolko-vtorgsya-v-ukrainu-no-i-ustroil-masshtabnye-politicheskie-repressii-v-rossii>

изменой или экстремизмом. Именно так действующий режим использует возможности для наказания своих критиков.¹⁹

В статье «Медузы»²⁰ приводятся статистические данные о людях, арестованных за антивоенные высказывания, но не упоминается о тех, кто был арестован за публикацию исторических исследований о сталинском режиме. Среди таких исследователей — Сергей Колтырин и Юрий Дмитриев, которые рассказали о расстрельных захоронениях в Сандармохе в Карелии.

Возникает вопрос: почему сегодняшние власти так боятся исторических фактов, включая факты времён Сталина? Ведь под угрозой ареста оказываются не только критики режима или противники войны в Украине – исследователи также рискуют попасть в тюрьму за раскрытие преступлений сталинского режима. Возможно, это связано с тем, что современный режим всё больше напоминает тоталитарную модель прошлого?

Вывод

Исследования Сергея Колтырина и Юрия Дмитриева, несмотря на их преследование, внесли значительный вклад в раскрытие правды о массовых репрессиях. Современные репрессивные меры в России показывают тревожные тенденции, напоминающие сталинский период, что вызывает необходимость внимательного анализа и осмысления этих событий. Только через осознание исторических ошибок можно избежать их повторения в будущем.

19 Черкасов, А. (2023, 13 апреля). Это пока не Большой террор. Но это сталинская логика. Медуза. <https://storage.googleapis.com/gsc-link/d21e262a.html>

20 Там же

Historien til Leiv Kreyberg

Ronald Nystad-Rusaanes

Konservator

Nordlandsmuseet

ABSTRAKT

Denne artikkelen belyser virksomheten til Leiv Kreyberg, en norsk major i Forsvarets sanitetsvesen, som i mai 1945 fikk ansvaret for alle krigsfangeleirene i Nordland. Kreyberg organiserte omsorgen for 30 000 krigsfanger fra Sovjetunionen, Jugoslavia og Polen og sørget for medisinsk behandling, mat og transport. Med utgangspunkt i sine dagbøker og memoarer beskriver Kreyberg de vanskelighetene han og kollegene møtte da fangene skulle frigjøres. Artikkelen tar også for seg Kreybergs personlige historie, hans internasjonale anerkjennelse som lege og hvordan hans liberale overbevisning ble påvirket av hans familieoppvekst. Gjennom Kreybergs memoarer beskrives også forholdene krigsfangene ble holdt fanget under, og foretakets innsats for å sikre deres helse og velvære etter løslatelsen.

Leiv Kreyberg – en offiser og en gentleman

14. mai 1945 ble major i Hærens sanitet Leiv Kreyberg beordret som «sjef for alle fangeleire for alle allierte krigsfanger i Nordland fylke». Dette innebar ansvaret for de rundt 30 000 fangene fra Sovjetunionen, Jugoslavia og Polen som hadde slaved og jobbet for den tyske okkupasjonsmakten. At nettopp Kreyberg ble tildelt det store ansvaret som oppgaven innebar, var ikke tilfeldig.

Under andre verdenskrig hadde Kreyberg tjenestegjort som offiser i Hærens sanitet i Norge, Canada, Island, Storbritannia, Frankrike, Belgia, Nederland og Tyskland. Slik hadde han opparbeidet seg den erfaringen som skulle til for å organisere følgende ordre: «den praktiske utførelse

av masseflytninger av sivile og frigjorte fanger, med massebespisning, massetransport, masseundersøkelse, masseavlusing o.l.»¹.

I denne artikkelen vil jeg gi en oversikt over hva som møtte Kreyberg og hans medarbeidere, og hvordan oppgavene ble løst. Kreyberg skrev dagbøker under krigen, og allerede i 1946 kom den første av hans tre bøker om den andre verdenskrigen. De tre memoarbøkene er *Frigjøringen av de allierte krigsfanger i Nordland 1945* (1946)², *Efter ordre – eller uten* (1976)³ og *Kast ikke kortene. I Sanitetet – og utenfor, under krigen 1940–45*⁴ (1978). Memoarene gir innsikt i hvordan Kreyberg arbeidet etter nøyaktige prinsipper om helse, kost, hygiene, empati og orden. Bøkene gir også et bilde av Kreyberg som et dypt tenkende menneske med mange valg å ta, samtidig som han forsøkte å handle etisk korrekt for hver situasjon som oppstod.

Så hvem var Leiv Kreyberg, hvordan tenkte han rundt de valg han gjorde, og hva ble utfallet? Leiv Kreyberg var født i Bergen i 1886, og både faren og farfaren var leger. I *Efter Ordre – eller uten* skriver han om hvordan opplevelser i barndommen i forbindelse med farens legebesøk gjorde ham til det han kaller for en «liberaler» med skepsis til det autoritære.⁵ Selv skulle han skaffe seg et internasjonalt navn innen legevitenskapen ved å presentere banebrytende forskning på sammenhengen mellom røyking og lungekreft. I 1938 ble Kreyberg professor i patologi. Militært sett startet han sin karriere i 6. divisjon Finnmark, med Kirkenes som base, i 1939. Her gikk han straks i gang med å gi status til finske soldater som var kommet over grensen som en følge av vinterkrigen med Sovjetunionen. Kreyberg fikk kapteins grad, og hans sanitetsvirke var sårede soldater, avlusning, vaksinasjoner og observasjoner av krigens gang mellom russiske fly og stridsvogner og finsk artilleriild. I dagboken for januar 1940 skriver Kreyberg: «Jeg kom tilbake til Oslo sterkt preget av disse to måneder i Finnmark»⁶.

1 Kreyberg, L. *Frigjøringen av de allierte krigsfanger i Nordland 1945*. Oslo: Tanum, 1946. Tilgjengelig via: https://www.nb.no/items/URN:NBN:no-nb_digibok_2014021906287

2 Samme sted

3 Kreyberg, L. *Efter Ordre - eller uten*. Oslo: Gyldendal, 1976. Tilgjengelig via: https://www.nb.no/items/URN:NBN:no-nb_digibok_2007060501054

4 Kreyberg, L. *Kast ikke kortene: I sanitetet – og utenfor, under krigen 1940-45*. Oslo: Gyldendal, 1978. Tilgjengelig via: https://www.nb.no/items/URN:NBN:no-nb_digibok_2007060501054

5 Kreyberg, L. *Efter Ordre - eller uten*. Oslo: Gyldendal, 1976. Tilgjengelig via: https://www.nb.no/items/URN:NBN:no-nb_digibok_2007060501054

6 Samme

I et intervju med NRK i 1973 beskriver Kreyberg opplevelsen av krigsutbruddet i Norge på følgende vis: «9. april var den komplette forvirring. Ingen visste hva de skulle gjøre...»⁷. Følelsen av mangel på strategi og handlekraft er noe Kreyberg ofte kommer tilbake til i tilknytning til sitt virke i Hærens sanitet under den andre verdenskrig. Kreybergs dagboknotater antyder en frustrasjon over sin rolle og posisjon i forhold til den norske eksilregjeringen i London under krigen. Han gir uttrykk for en følelse av å ikke bli fullt ut verdsatt eller utnyttet i sitt arbeid. Den 16. februar 1942 skriver han i sin dagbok fra London:

«Hvad jeg derimot ikke liker er den megen tale om min person, bak min rygg. Det er dem som vil ha mitt hode på et fat. Herregud, kom med dem. Jeg ønsker ikke å reddes. Jeg ønsker ikke forbønn. Jeg tror endog om jeg henges ville det gjøre godt, for da først ville det riktig gå opp for meg hvor ille det hele er...Hvorfor skal jeg «promotes»? Jeg ønsker det ikke.»⁸

Det er i så måte slående at Kreyberg våren 1944 sendte et brev til statsminister Oscar Torp og sosialminister Sverre Støstad for å slå alarm til London-regjeringen om situasjonen i Norge med alle krigsfangene. Kreyberg anslo at det var så mye som 80 000 sovjetiske fanger i forskjellige leirer fra nord til sør, noe som regjeringen hadde vanskelig for å forstå. Det skulle senere vise seg at det var 100 000 sovjetiske fanger, pluss 40 000 andre.

Den 7. mai 1945 ble Kreyberg beordret til Vesterålen av forsvarssjef kronprins Olav for å drive «antisabotasje». Dette blir ikke fulgt opp av Kreyberg.⁹ I sin bok med den betegnende tittelen «Efter Ordre – eller uten» filosoferer han over de menneskelige dragninger mellom «streben efter harmoni» og det han beskriver som selve «livskravet». Hva er sterkest? Og hvorfor er det så viktig å ikke miste seg selv i «lengsler og behov»? Kreyberg oppsummerer dette slik:

«Noen mennesker har en *kunstnerisk trang*, som kan ytre seg som en skjønnhetslengsel, en streben efter harmoni, eller et behov for å uttrykke sine følelser og drømmer gjennom musikk, form, farge, bevegelse eller ord.

7 Intervju med NRK Fjernsynet, 1973

8 Kreyberg, L. *Kast ikke kortene: I sanitetet – og utenfor, under krigen 1940-45*. Oslo: Gyldendal, 1978. Tilgjengelig via: https://www.nb.no/items/URN:NBN:no-nb_digibok_2007060501054

9 Klassekampen, 15.05.2023

Disse lengsler og behov kan være så sterke at kravene til å gi uttrykk for dem kan bli sterkere enn livskravet selv. Religionen, vitenskapen og kunsten har alle sine martyrer.»¹⁰

Da freden kommer, er Kreyberg rett mann på rett sted til å utøve det han definerer som selve «livskravet» - nemlig å lede repatrieringen av krigsfanger i Nord-Norge.

Allerede i 1946 utkom boken *Frigjøringen av de allierte krigsfanger i Nordland 1945*. Boken har to forord, som begge er en form for takk. Norges forsvarsminister Jens Christian Hauge takker Kreyberg for innsatsen. En russisk offiser takker Stalin og fedrelandet:

«Moskva. Kreml. Til kamerat Stalin. Vi, krigsfangene i den spesielle straffeleiren i byen Bodø (Norge) retter en varm takk til vår store seierrike Røde Hær og til Dem personlig, kamerat Stalin, – lederen og hærføreren, den geniale organisatoren av seieren i kampen mot fascismen, mot truselen om evig slaveri og middelaldersk barbari, den kampen som ikke har sidestykke i historien. (...)

Vi, som befinner oss i fremmed land, i den strenge naturen ved polarsirkelen, vi jubler over seieren sammen med vårt store, seierrike folk, sammen med alle andre frihetselskende folk i verden. (...)

Vi ønsker Dem – vår leder, hærfører og organisator av den historiske seier – ennå mange år i arbeid for vårt folks vel og for vårt sosialistiske fedrelands blomstring.

Etter oppdrag av leiren. Bodø, 14 mai 1945.

Underskrevet etter oppdrag: Leirkommandant Ulanov.»¹¹

Med disse ord uttrykker leirkommandant Ulanov sin hyllest til den mektige leder «kamerat Stalin». Dette forteller om en offiser som har kjempet for sitt land og sin frihet. Forordet forteller kanskje også om uvisshet om hvilken skjebne som venter i hjemlandet, nå når freden er kommet, og om hengivenhet, skrevet «etter oppdrag».

10 Kreyberg, L. *Efter Ordre - eller uten*. Oslo: Gyldendal, 1976. Tilgjengelig via: https://www.nb.no/items/URN:NBN:no-nb_digibok_2007060501054

11 Kreyberg, L. *Frigjøringen av de allierte krigsfanger i Nordland 1945*. Oslo: Tanum, 1946. Tilgjengelig via: https://www.nb.no/items/URN:NBN:no-nb_digibok_2014021906287

For Kreyberg må disse ordene fra leirkommandant Ulanov ha utgjort en essens av stemningen hos de mange tusen sovjetiske menneskene han hadde fått ansvaret for å organisere fra disse maidagene av.

Situasjonen

Mellom Korgen i sør og Narvik i nord var det til sammen ca. 30 000 fanger fra Jugoslavia, Polen og Sovjetunionen, men de fleste var fra Sovjetunionen. I hele Norge var det mellom 120 000 og 130 000 fanger, hvorav 95 000 var krigsfanger fra Sovjetunionen og ca. 7 500 sivile sovjetiske fanger.¹²

Fangene var fordelt på ulike «områder», og under Kreybergs ledelse i nord hadde hvert område to ledere: en ansvarlig militær og en lege. I sin bok fra 1978, *Kast ikke kortene*, skriver Kreyberg at i Saltdal var det rundt 6000 krigsfanger med et stort antall syke og til dels i elendige brakker på høyfjellet i sneløsningen. I dette området var overlege Frostad og løytnant Mjelde de ansvarlige.¹³

I boka *Fotefar mot nord* fra 2004 står det følgende: «9500 sovjetiske, polske og serbiske krigsfanger var med og bygde vei og jernbanelinje i Saltdal»¹⁴.

Kreyberg karakteriserte fangenes tilstand som ekstremt alvorlig. Noen sitater fra *Frigjøringen av de allierte krigsfanger i Nordland 1945* gir et overblikk over situasjonen:

«Dunderlands fangeleir. 477 russere, derav 330 syke, 40 med tuberkulose, mange med ødem, 100 sterkt svekkede, kan ikke gå. Trenger tilskudd av vann, vitaminer, tørrmelk. Ingen dietkost nå. Ca. 70 må ha skånekost. Komité valgt. Mat utdeles hver dag. Ingen radio, men kommandanten lovet å skaffe.»¹⁵

12 Stokke, M. *Slit og fortvilelse: Polske krigsfanger og sivile tvangsarbeidere i Nord-Norge 1942 – 1945*. Narviksenteret, 2020.

13 Kreyberg, L. *Kast ikke kortene: I sanitetet – og utenfor, under krigen 1940-45*. Oslo: Gyldendal, 1978. Tilgjengelig via: https://www.nb.no/items/URN:NBN:no-nb_digibok_2007060501054

14 Grepstad, O., Thorheim, Kirsti M. *Fotefar mot nord: En kulturhistorisk reise i Nord-Norge og Namdalen*. Oslo: Forlaget Press, 2004.

15 Kreyberg, L. *Frigjøringen av de allierte krigsfanger i Nordland 1945*. Oslo: Tanum, 1946. Tilgjengelig via: https://www.nb.no/items/URN:NBN:no-nb_digibok_2014021906287

«Storvollen fangeleir.

422 russere, derav 300 syke, 23 med tuberkulose, ca. 30 døde etter 26. mars. Lege fra Bjarkåsen har tilsynet. 1 feltskjær. Komité valgt, har radio. Mat utdeles daglig, tilskudd til ernæring som for Dunderland.»¹⁶

«Bjarkåsen fangeleir. 918 russere, derav 430 syke, 18 tuberkulose, 1 lege, 1 feltskjær. Innredet operasjonssal. Instrumenter skaffes ved hjelp av kommandanten som privatmann. Komité valgt. Mat hver dag. 5 radio, 4 i stykker. Tilskudd til ernæring som for Dunderland.»¹⁷

I *Kast ikke kortene* har Kreyberg tatt med en episode som handler om fangenes bekledning: «...det var et snurrig syn å se russerne spasere rundt i gamle snurrehatter og innersvingte uniformskjoler fra Karl XII's tid. De store lagre av britiske battledresser kom for størstedelen post festum.»¹⁸

I sin bok *Frigjøringen av de allierte krigsfanger i Nordland 1945* beskriver Leiv Kreyberg de alvorlige helseforholdene blant krigsfangene i Nord-Norge. Han skriver: «Matspørsmålet var brennende. I de fleste leirene var det hungersykdommere med ødemer og sterk avmagring. Jeg hadde selv ikke anledning, eller midler til å analysere arten av ødemene, om det var rene hungerødemer eller om det også forelå Beri-Beri.»¹⁹

Kreyberg viste en åpenbar sympati for fangene. Slik beskriver han hvilken orden russerne raskt fikk på brakkene etter freden:

«Da russerne var frigjorte ble kjøkkenene i utrolig kort tid mønstergyldig rene, kostet og vasket. Kokekarene skinte og matvarene var stablet opp rent og luftig. Vi norske og de få britiske offiserer som kom på besøk, gledet oss alltid til måltidene i russeleirene, godt tilberedte som de var og pent serverte. Det hendte ikke sjelden at jeg også trakk tyske offiserer

16 Samme sted

17 Samme sted

18 Kreyberg, L. *Kast ikke kortene: I sanitetet – og utenfor, under krigen 1940-45*. Oslo: Gyldendal, 1978. Tilgjengelig via: https://www.nb.no/items/URN:NBN:no-nb_digibok_2007060501054

19 Kreyberg, L. *Frigjøringen av de allierte krigsfanger i Nordland 1945*. Oslo: Tanum, 1946. Tilgjengelig via: https://www.nb.no/items/URN:NBN:no-nb_digibok_2014021906287

inn i de russiske leirene, for å vise dem hvor meget renere holdt det enn tyskerne selv, inklusive de tyske hospitaler»²⁰

Hva var viktig for å lykkes med organiseringen av freden?

Slik kan vi oppsummere hva Kreyberg i 1946 mente var viktig for å lykkes med organiseringen av freden:

1. Organisere leirene, fortrinnsvis etter nasjonaliteter, og gi dem en form for selvstyre for å minimere behovet for militære styrker
2. Sørge for nødvendig vakthold ved hjelp av Rikspolitikompaniet som sendes til Bodø
3. Sikre krigsfangenes forpleining og andre grunnleggende behov
4. Ivareta krigsfangenes helse
5. I den grad det er mulig, tilrettelegge for velferdstiltak for krigsfangene
6. Utarbeide og sende rapporter

Så kan vi legge til et punkt: Å behandle de tidligere fangene med likeverdig respekt, som å kalle de sovjetiske eks-fangene «soldater i Den røde arme», slik Kreyberg gjorde.²¹

I Saltdal, hvor det var hele 18 fangeleirer, var ansvaret for frigjøringen lagt til overlege Simon Frostad ved Vensmoen sanatorium og lederen for hjemmefronten, løytnant Odd Mjelde. Kreyberg skriver videre at hans eget vidtgående mandat overførtes til disse avsnittssjefene, «og tyskerne meddeltes at de hadde å lye deres ordre.» Odd Mjelde beskriver de norske vaktstyrkene i leirene på følgende vis: «...en rekke tillitsmenn fra heimestyrkene i form av veiarbeidere, jernbanearbeidere, bønder, ingeniører o. a. som ble tildelt hver sin fangeleir»²².

I sin bok *Frigjøringen av de allierte krigsfanger i Nordland 1945* beskriver Leiv Kreyberg hvordan han og hans team arbeidet med å frigjøre og organisere de sovjetiske krigsfangene. Dette sitatet gir et innblikk i Kreybergs tilnærming til frigjøringsprosessen og hans forsøk på å gjenopprette verdighet og selvstyre blant de tidligere fangene: «Vi reiste rundt i leirene, holdt en kort tale til de frigitte fanger, minnet russerne om at de

20 Kreyberg, L. *Frigjøringen av de allierte krigsfanger i Nordland 1945*. Oslo: Tanum, 1946. Tilgjengelig via: https://www.nb.no/items/URN:NBN:no-nb_digibok_2014021906287

21 Samme

22 Mjelde, O. *Erindringer. Krigsårene 1939-1945*. Kolofon, 2020.

ikke lenger var fanger, men frie soldater i den Røde Arme som nå skulle vise den russiske disiplin og den russiske kultur. De ble oppfordret til å danne sine egne lokale sovjets, velge tillitsmenn, etablere lokalt militærpoliti for opprettholdelse av orden, og hver leir ble oppfordret til å skrive leirens historie, og feste på papiret beretningen om de grusomheter som var begått og gi navnene på de ansvarlige.»

Som tolk benyttet Kreyberg først «en nordmann, født ukrainer», men da han merket at tolken «gjorde tilføyelser» til det han sa, burde han ikke benytte denne tolken mer. Kreyberg omtaler også sin første tolk som «en eldre radikal politiker» som han ikke alltid følte gjenga uttalelsene hans korrekt. Han besluttet derfor å bytte ut sin første tolk med en kvinnelig sykepleier som arbeidet ved sykehuset i Bodø, og som han skulle komme til å bli meget fornøyd med:

«Et navn må en ikke glemme i denne organisasjon, nemlig avdelingssøster Gunvor Haavik, som i 10 år hadde lest russisk som hobby og som konverserte flytende og holdt selvstendige taler til de frigjorte fanger. Denne sympatiske kvinneskikkelsen var ved åpningen av leirene av overordentlig betydning, og russerne følte seg helt hjemme ved synet av vår kvinnelige kommisar.»²³

Gunvor Galtung Haavik var født i 1912 og datter av et legepar på industristedet Odda, hvor kommunismen stod sterkt i hennes oppvekst på 1920-tallet.

På 1930-tallet ble hun interessert russisk kultur og historie, og lærte seg språket av en eldre russisk emigrant og kunstner som bodde i Odda. I 1930–1932 studerte hun medisin, men hun oppgav dette og tok i stedet utdanning som sykepleier.

Etter å ha arbeidet ved sykehus i Bærum, Odda og Oslo, kom Gunvor Galtung Haavik i krigsårene til sykehuset i Bodø. Her kom hun i kontakt med russiske krigsfanger og forelsket seg i én av dem, Vladimir Kozlov. Det skulle også bli hennes skjebne.

I 1947 ble Gunvor Galtung Haavik ansatt som tolk ved den norske ambassaden i Moskva. Da hun forsøkte å kontakte Kozlov, ble dette oppdaget av KGB. Haavik ble så lurt i den såkalte honningfella, og dermed var hennes dobbeltliv i gang. Etter åtte år i Moskva ble hun overført til en stilling ved UD i Oslo, men fortsatte å jobbe som spion for Sovjet i

²³ Kreyberg, L. *Kast ikke kortene: I sanitetet – og utenfor, under krigen 1940-45*. Oslo: Gyldendal, 1978. Tilgjengelig via: https://www.nb.no/items/URN:NBN:no-nb_digibok_2007060501054

nesten 30 år. I januar 1977, under et møte med sin KGB-kontakt, Aleksander Printsipalov, ble Gunvor Galtung Haavik arrestert for spionasje. Hun risikerte 21 års fengsel, men døde av en hjertelidelse i Drammen kretsfengsel før saken mot henne kom opp.²⁴

Sykesenger og leger

I sin tjeneste som ansvarlig for organiseringen av frigjøringen i nord, kom Kreyberg i kontakt med mye helsepersonell, og som lege lot han seg imponere av den raske fremgangen hos mange av fangene. I 1946 skildret Kreyberg situasjonen slik:

«Noe av det mest fantastiske denne tiden brakte, var synet av disse elendige pasienter som ble båret inn på sykehusene med et tomt resignert, halvt spørrende uttrykk i ansiktet og så oppdage smilet neste morgen, når de hadde fått sitt bad og stell og sin suppe, og så se dem noen dager senere, stavrende i korridoren med et ullteppe over skulderen, og så ukedagen etter innkomsten, smilende, røkende og tillitsfulle på verandaen. Det tok faktisk ikke mer enn 14 dager å bringe mange av disse rene underernæringspasienter på fote. Det svenske sykehuset på Fauske behandlet to kull pasienter i løpet av 4 uker.»²⁵

«I løpet av noen uker hadde vi fått etablert rundt 2000 sykesenger. I de russiske leirene fantes det en del leger og noen av dem med meget god utdannelse. (...) Russerne drev sine egne hospitaler selvstendig, men med nøye kontakt med de norske og den svenske moderanstalt fra hvilke de fikk god hjelp og råd.»²⁶

«Jugoslavene var samlet i en leir ved polarsirkelen. Den besto vesentlig av intellektuelle, lærere, kunstnere og universitetsfolk. De var klare Tito-tilhengere og hadde en av de første dager etter frigjøringen gjort rent bord med dem de mente var forrædere. Jugoslaverne var i bedre hold og bedre kledd enn russerne, fordi de hadde støtte fra Amerika og Røde Kors. Forholdet mellom dem og de russiske naboleire var ypperlig.»²⁷

«Polakkene var våre problembarn. De var ved frigjøringen sunde, friske og velkledd, og i nasjonale uniformer pga støtte fra Amerika og Røde Kors. (...) Det var en del, formentlig av beskjeden opprinnelse med

24 *Spion i skjørt*. (2023). NRK Radio

25 Kreyberg, L. *Frigjøringen av de allierte krigsfanger i Nordland 1945*. Oslo: Tanum, 1946.
Tilgjengelig via: https://www.nb.no/items/URN:NBN:no-nb_digibok_2014021906287

26 Samme sted

27 Samme

russiske sympatier, men andre visste seg sterkt antirussiske, og gav tydelig uttrykk for at de foretrakk tyskerne som det minste av to onder.»²⁸

Fortsatt forskjeller

Et fenomen som har vært lite omtalt, er det faktum at mange forhold når det gjaldt klær, mat, drikke og alt annet det var knapphet på, var de samme som under selve krigen: Tyskerne beholdt «herrefolkets privilegier», mens de som hadde overlevd krigens gru, men seiret, fortsatt måtte leve under nøkternhetens prinsipper. Kreyberg kommer flere steder inn på den frustrasjonen disse misforholdene skapte, både hos ham selv og hos dem det gikk utover:

«At den enkelte russer ikke evnet å skjelne mellom alliert krigsbytte og tysk eiendom var lett forståelig, når russerne tasset rundt i sine filler og så tyskerne ride på sine fine hester, eller kjøre i sine elegante bilder i stramme uniformer og blankpussede sko, og når de visste at tyskerne drakk god kaffe, vin og franske likører i leirene, mens de selv sammen med oss norske måtte bruke storsleggen for å få utlevert det nødtørftigste»²⁹

Kreybergs observasjon om tyskernes samarbeidsvilje bør nyanseres. Deres tilsynelatende imøtekommenhet var i stor grad motivert av egeninteresse og et ønske om å bevare sine privilegier under de skiftende omstendighetene. Dette kom til uttrykk gjennom deres handlinger, som Kreyberg beskriver: «De holdt tilbake de beste matvarene, gjemte bort poteter, ødela klær, redskaper og biler, og sjikanerte russerne så ofte det var mulig.»³⁰

De sovjetiske offiserer

I sine memoarer *Kast ikke kortene* beskriver Leiv Kreyberg mange situasjoner hvor han med pedagogisk smidighet måtte håndtere slitne krigsfanger, desillusjonerte tyske offiserer og et lite imøtekommende sovjetisk befal. Kreyberg fant de tidligere sovjetiske fangene «nesten hysteriske» i sin nasjonale lojalitet og Stalin-hyllest, noe som stod i dyp kontrast til responsen fra de utsendte sovjetiske offiserene. Disse offiserene var

28 Samme

29 Samme

30 Kreyberg, L. *Kast ikke kortene: I sanitetet – og utenfor, under krigen 1940-45*. Oslo: Gyldendal, 1978. Tilgjengelig via: https://www.nb.no/items/URN:NBN:no-nb_digibok_2007060501054

Major Leiv Kreyberg snakker til tilsynelatende bekymrede tyske offiserer i leiren på Kjemåga, mens tidligere sovjetiske fanger verdig iakttar situasjonen.
Foto: Nordlandsmuseet

kommet for å inspisere leirene, men uttrykte seg med en nedlatende tone overfor fangene, og var ivrige etter å påpeke feil og mangler i fangenes oppførsel og lojalitet. Denne kontrasten mellom fangenes entusiastiske patriotisme og offiserenes kritiske holdning gir et interessant innblikk i de komplekse dynamikkene som oppsto i kjølvannet av frigjøringen.

Denne motsetningsfylte holdningen toppet seg i messen på «det russiske hospitalet» i Mo i Rana. Etter en ekspedisjonsrunde møtte Kreyberg her på general Ratov, som kritiserte den norske major Rongstad for den antirussiske propagandaen han hadde observert i leirene. Kreyberg opplevde da at den norske majoren overlot til ham å svare på denne helt absurde kritikken.

Kreyberg trengte slett ikke noe ferdigskrevet manus og reiste seg og startet sin tale slik:

«Vår ærede gjest, general Ratov, har valgt lunsjbordet til å kritisere vår virksomhet, så jeg antar det er nødvendig og minne våre gjester om noen fakta.»

Kreyberg presiserte at det hadde vært trange kår ved sammenbruddet av den tyske motstand, og tusenvis av syke og mishandlede fanger. Han hadde da definert som sin hovedoppgave «å bringe mat, medisinsk hjelp, klær, samt å gjenopprette disiplin og tro». Kreyberg sa videre at «generalissimus Stalin har aldri hatt bedre ambassadører i dette land

Frigitte sovjetiske krigsfanger
i Nord-Norge, mai 1945
Foto: Leiv Kreyberg,
Riksarkivet

enn de godt opptredende, godartede og fine soldater», hvorpå tolken sa følgende: «The general drops the matter.»

Kreyberg avsluttet den sovjetisk-norske dialog med, som han skriver det, å «utbringe en skål for vennskap mellom våre to store folk og fortsatt kulturell og humanitær samarbeide. Skål for Kong Haakon VII og generalissimus Stalin.»

Etter skålen registrerte sjefen for freden i Nordland og de 30 000 tidligere fangene en viss brumming fra Ratov, som likevel gav Kreyberg hånden med et udefinert smil.

Den britiske tolken i sovjetisk uniform gikk så bort til Kreyberg og beklaget hva Ratov hadde fått henne til å si, før hun avsluttet: «Den dævelen, slik oppfører han seg overalt»³¹.

Både gjennom episoden med general Ratov ved det russiske hospitalet i Mo i Rana og ellers kan man få et inntrykk av legen og majoren Leiv Kreyberg som den fødte diplomat. Uansett om han kjenner seg tilsidesatt under okkupasjonen, baksnakket i London under krigen eller forulempet av en sovjetisk general etter krigen, holder han i tømmene. Bak Kreybergs virke finnes det alltid en vilje til å utøve selve saken, oppdraget og ordren etter en ide om konsekvens og rettferdighet. Barndommens utviklede empati og skepsis til det autoritære for maktens skyld beholdt

31 Samme

han gjennom hele sin gjerning fra krig til fred. Kreyberg var ærlig mot seg selv, som han var med dem han til enhver tid hadde rundt seg. Leiv Kreyberg kan med rette kan huskes som en lege, en offiser og en gentleman.

Konklusjon

Leiv Kreyberg fremstod som både en offiser og en humanist, i stand til å organisere og gjennomføre omfattende operasjoner for løslatelse og rehabilitering av krigsfanger i Nordland. Hans erfaring, profesjonalitet og evne til å ta etisk forsvarlige beslutninger i krevende situasjoner var avgjørende for å forbedre forholdene for tusenvis av fanger. Kreybergs memoarer gir verdifull historisk innsikt og fremstiller ham som en mann med dyp moralsk overbevisning og medmenneskelighet. Hans arbeid bidro ikke bare til å frigjøre og helbrede krigsfanger, men også til å styrke de humanitære prinsippene både i militær praksis og i etterkrigstiden. Kreyberg samlet verdifullt foto- og videomateriale, som utgjør viktige historiske kilder som dokumenterer frigjøringsprosessen av sovjetiske fanger. «Kreybergfilmen» ble satt sammen av en privatperson rundt 2003, basert på diverse filmklipp fra Leiv Kreyberg. På det tidspunktet var det Kreybergs familie som eide filmene. Senere ble filmrullene donert til Forsvarsmuseet. Denne samlingen av visuelt materiale gir et unikt innblikk i en kritisk periode av norsk etterkrigshistorie, og bidrar til å bevare minnet om de komplekse hendelsene knyttet til frigjøringen av krigsfanger i Nord-Norge.

История Лейфа Крейберга

Рональд Нистад-Русаанес

Консерватор

Музей Нурланда

АННОТАЦИЯ

В статье освещается деятельность Лейва Крейберга, норвежского майора армейской санитарной службы, назначенного ответственным за все лагеря военнопленных в Нурланде в мае 1945 года. Крейберг организовал уход за 30 000 военнопленными из Советского Союза, Югославии и Польши, обеспечивая их медицинской помощью, питанием и транспортом. Опираясь на свои дневники и мемуары, Крейберг описывает трудности, с которыми он и его коллеги столкнулись при освобождении заключенных. В статье также рассматривается личная история Крейберга, его международное признание в медицине и влияние семейного воспитания на его либеральные убеждения. С помощью цитирования мемуаров Крейберга описываются условия, в которых находились военнопленные и усилия по обеспечению их здоровья и благополучия после освобождения.

Лейв Крейберг: Офицер и джентльмен

14 мая 1945 года майор армейской санитарной службы Лейв Крейберг был назначен «начальником всех лагерей для всех военнопленных союзных государств в губернии Нурланн». Он отвечал за организацию и обеспечение примерно 30 000 заключенных из Советского Союза, Югославии и Польши, работавших на немецкую оккупационную власть. На Крейберга была возложена большая ответственность.

Во время Второй мировой войны Крейберг служил офицером армейской санитарной службы в Норвегии, Канаде, Исландии, Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландах и Германии. Там Крейберг приобрел необходимый опыт для реализации поставленных

перед ним задач: осуществление перевозки, обеспечение питанием и необходимым транспортом мирного населения и освобожденных заключенных, а также их медицинский осмотр, массовая антипаразитарная обработка и т.д.¹

В статье представлен обзор задач, с которыми столкнулись Крейберг и его коллеги, и способы решения этих задач. Крейберг во время войны вел дневники, и уже в 1946 году появилась первая из трех его книг о Второй мировой войне. *Освобождение союзных военнопленных в Нурланде 1945*² (Frigjøringen av de allierte krigsfanger i Nordland 1945) (1946), *По приказу - или без*³ (Efter ordre – eller uten) (1977) и *Не бросайте карты. В лазарете - и за его пределами, во время войны 1940–45*⁴ (Kast ikke kortene. I Sanitetet – og utenfor, under krigen 1940-45) (1978). Мемуары рассказывают о работе Крейберга и принципах, которыми он руководствовался: сочувствие, сохранение здоровья и порядка. Книги дают представление о Крейбере как о глубоко мыслящем человеке, которому предстояло всякий раз делать моральный выбор, и он старался действовать верно с этической точки зрения в каждой сложной ситуации.

Так кем же был на самом деле Лейв Крейберг, чем он руководствовался, когда делал свой выбор, и каких результатов достигал? Лейв Крейберг родился в Бергене в 1886 году, его отец, как и его дед, был врачом. В книге *По приказу - или без* он пишет о том, как детские переживания, связанные с визитами отца к врачу, превратили его в человека, которого он называет «либералом», скептически относящимся к авторитаризму.⁵ Он сам получил международное признание в медицинской науке, представив новаторские исследования о связи между курением и раком легких. В 1938 году Крейберг стал профессором патологии и начал свою военную карьеру в 6-й дивизии Финнмарка, базировавшейся в 1939 году в Киркенесе. Здесь

1 Крейберг Л. Освобождение союзных военнопленных в Норланде 1945. Осло: Tanum, 1946. Доступно через: https://www.nb.no/items/URN:NBN:no-nb_digibok_2014021906287

2 Там же

3 Крейберг Л. По приказу - или без. Осло: Gyldendal, 1976. Доступно через: https://www.nb.no/items/URN:NBN:no-nb_digibok_2007060501054

4 Крейберг Л. Не бросайте карты: в санитарии – и вне её, во время войны 1940–45. Осло: Gyldendal, 1978. Доступно через: https://www.nb.no/items/URN:NBN:no-nb_digibok_2007060501054

5 Крейберг Л. По приказу - или без. Осло: Gyldendal, 1976. Доступно через: https://www.nb.no/items/URN:NBN:no-nb_digibok_2007060501054

он сразу же приступил к работе по предоставлению специального статуса финским солдатам, которые пересекли границу из-за Зимней войны с Советским Союзом. Крейбергу было присвоено звание капитана, и в его медицинские обязанности входили лечение раненых солдат, дегельминтизация, вакцинация. Так он вел наблюдение за ходом войны между русскими самолетами и танками и огнем финской артиллерии. В дневнике за январь 1940 года Крейберг пишет: «Я вернулся в Осло под сильным впечатлением от этих двух месяцев, которые я провел в Финнмарке»⁶.

В интервью NRK (Норвежский государственный канал) в 1973 году Крейберг так описывает опыт начала войны в Норвегии: «9 апреля было полное замешательство. Никто не знал, что делать...»⁷. Крейберг часто указывал на отсутствие стратегии и конкретных действий во время Второй мировой войны. Между строками, в словах Крейберга о норвежском правительстве в Лондоне во время войны, можно уловить, что он не чувствует себя достаточно полезным. 16 февраля 1942 года он пишет в своём дневнике из Лондона:

«Что мне, наоборот, не нравится, так это множество разговоров обо мне за моей спиной. Есть те, кто хочет видеть мою голову на блюде. Боже мой, пусть они приходят. Я не хочу быть спасённым. Я не хочу заступничества. Я даже думаю, что если меня повесят, это пойдёт на пользу, потому что только тогда я по-настоящему осознаю, насколько всё плохо... Почему меня должны «повышать»? Я этого не хочу»⁸.

Весной 1944 года Крейберг направил письмо премьер-министру Оскару Торпу и министру социальных дел Сверре Стёстаду, где выразил тревогу по поводу содержания военнопленных в Норвегии. Крейберг предположил, что в различных лагерях всей страны находилось до 80 000 советских заключенных, и тогда правительству было трудно осознать такие масштабы. Позже стало известно, что советских пленных было примерно 100 000 и, кроме них, 40 000 пленных из других стран.

7 мая 1945 года Министр обороны кронпринц Олав приказал Крейбергу отправиться в Вестеролен для участия в «антисаботаже».

6 Там же.

7 Интервью телеканалу NRK, 1973.

8 Крейберг Л. Не бросайте карты: в санитарии – и вне её, во время войны 1940-45. Осло: Gyldendal, 1978. Доступно через: https://www.nb.no/items/URN:NBN:no-nb_digibok_2007060501054

Крейберг не последовал ему.⁹ В своей книге с многозначительным названием «По приказу – или без» он философствует о человеческих противоречиях между «стремлением к гармонии» и тем, что он называет «требованием жизни». Что сильнее? И почему так важно не потерять себя в «желаниях и потребностях»? Крейберг резюмирует это следующим образом:

«У некоторых людей есть *стремление к творчеству*, которое может проявляться как стремление к красоте, стремление к гармонии или потребность выразить свои чувства и мечты через музыку, форму, цвет, движение или слово. Эти стремления и потребности могут быть настолько сильными, что способы их выражения могут быть сильнее, чем требования самой жизни. У религии, науки и искусства есть свои мученики»¹⁰.

Когда наступил мир, Крейберг оказался именно тем человеком, который смог выполнить то, что он определяет как «жизненное требование». Уже в 1946 году вышла книга *Освобождение союзных военнопленных в Нурланде 1945*. В книге есть два предисловия, оба из которых написаны в форме благодарности. В них Министр обороны Норвегии Йенс Кристиан Хауге благодарит Крейберга за его усилия, а русский офицер благодарит Сталина и Отечество:

«Москва. Кремль. Товарищу Сталину. Мы, военнопленные особого исправительного лагеря в городе Будё (Норвегия), выражаем глубокую благодарность нашей великой победоносной Красной Армии и лично Вам, товарищу Сталину, - вождю и командиру, блестящему организатору победы в борьбе против фашизма, против угрозы вечного рабства и средневекового варварства, борьбе, не имеющей аналогов в истории. (...) Мы, находящиеся на чужбине, в суровой природе Заполярья, празднуем победу вместе с нашим великим, победоносным народом, вместе со всеми другими свободлюбивыми народами мира. (...) Мы желаем Вам — нашему вождю, командующему армией и организатору исторической победы — еще долгих лет работы на благо нашего народа, во имя процветания нашего социалистического отечества.

По заданию из лагеря. Будё, 14 мая 1945 г.

9 Klassekampen, 15.05.2023

10 Крейберг Л. По приказу - или без. Осло: Gyldendal, 1976. Доступно через: https://www.nb.no/items/URN:NBN:no-nb_digibok_2007060501054

Подписано поручением: Начальник лагеря Уланов»¹¹.

Этими словами комендант лагеря Уланов выражает свою дань уважения могущественному вождю «товарищу Сталину». В нем рассказывается об офицере, который сражался за свою страну и свою свободу. В предисловии говорится и о неуверенности в том, какая судьба ждет их теперь на родине, когда наступит мир, и о преданности, выраженной двойным смыслом в слове «по заданию».

Для Крейберга эти слова коменданта лагеря Уланова, должно быть, сформировали суть настроения людей, с которыми ему предстояло работать в те майские дни.

Ситуация

Между Коргеном на юге и Нарвиком на севере находилось в общей сложности около 30 000 заключенных из Югославии, Польши и Советского Союза, но большинство из них были выходцами из Советского Союза. Во всей Норвегии насчитывалось от 120 000 до 130 000 пленных, из них 95 000 военнопленных из Советского Союза и около 7 500 советских гражданских.¹²

Под руководством Крейберга на севере в каждом муниципалитете было два руководителя: ответственный военный офицер и врач. Крейберг пишет в своей книге 1978 года «Не бросайте карты»:

«В Салтдале находилось около 6000 PWX (военнопленных, пометка автора статьи) с большим количеством больных людей в убогих бараках, расположенных высоко в горах в снегу. Ответственность в этом районе несли старший врач С. Фростад и лейтенант Мьельде»¹³.

В книге *Fotefar mot nord* («Следы на север») 2004 г. говорится, что на строительстве автомобильной и железнодорожной линии в Салтдале было задействовано 9500 советских, польских и сербских военнопленных.¹⁴

11 Крейберг Л. Освобождение союзных военнопленных в Норланде 1945. Осло: Tanum, 1946. Доступно через: https://www.nb.no/items/URN:NBN:no-nb_digibok_2014021906287

12 Стокке М. Труд и отчаяние: Польские военнопленные и гражданские принудительные рабочие в Северной Норвегии 1942 – 1945. Нарвикцентр, 2020.

13 Крейберг Л. (1978). Не бросайте карты: в санитарии – и вне её, во время войны 1940-45. Осло: Gyldendal. Доступно через: https://www.nb.no/items/URN:NBN:no-nb_digibok_2007060501054

14 *Fotefar mot nord*. Культурно-историческое путешествие по Северной Норвегии и Намдален. Осло: Издательство Press, 2004.

Крейберг описывал состояние пленных как крайне тяжёлое. Вот несколько цитат из его книги: «Лагерь для военнопленных Дюндерланд. 477 русских, из них 330 больных, 40 человек больны туберкулезом, многие с отеками, 100 сильно ослаблены, не могут ходить. Нуждаются в дополнительной поддержке водой, витаминами, сухим молоком. Никакой диеты сейчас. Примерно 70 должны быть осторожны в еде. Комитет избран. Еду раздают каждый день. Радио пока нет, но командир обещал предоставить»¹⁵.

«Лагерь Сторволлен. 422 россиянина, из них 300 больных, 23 туберкулезом, ок. 30 умерли после 26 марта. Наблюдение осуществляет врач из Бьяркосена. 1 фельдшер. Комитет избран, есть радио. Продовольствие раздается ежедневно, субсидии на питание как в Дюндерланде»¹⁶.

«Лагерь Бьяркосен. 918 русских, из них 430 больных, 18 туберкулезников, 1 врач, 1 фельдшер. Оборудована операционная. Инструменты добывает комендант как частное лицо. Комитет избран. Еда каждый день. 5 радио. Субсидия на питание, как в Дюндерланде»¹⁷.

Приведем один эпизод, касающийся одежды пленных: «Это было сногшибательное зрелище — видеть русских, прогуливающих в старых цилиндрах и перетертых форменных юбках времен Карла XII. Большие запасы британских боевых костюмов поступили по большей части после праздника»¹⁸.

В своей книге Лейв Крейберг описывает тяжелое состояние здоровья военнопленных в Северной Норвегии: «Острый вопрос стоял с продовольствием. В большинстве лагерей наблюдались голодные болезни с отеками и сильным истощением. Сам я не имел ни возможности, ни средств проанализировать характер отека, обычный ли это голодный отек или Бери-Бери»¹⁹.

15 Крейберг Л. Освобождение союзных военнопленных в Норланде 1945. Осло: Tanum, 1946. Доступно через: https://www.nb.no/items/URN:NBN:no-nb_digibok_2014021906287

16 Там же

17 Там же

18 Крейберг Л. Не бросайте карты: в санитарии – и вне её, во время войны 1940-45. Осло: Gyldendal, 1978. Доступно через: https://www.nb.no/items/URN:NBN:no-nb_digibok_2007060501054

19 Крейберг Л. Освобождение союзных военнопленных в Норланде 1945. Осло: Tanum, 1946. Доступно через: https://www.nb.no/items/URN:NBN:no-nb_digibok_2014021906287

Крейберг относился с явной симпатией к пленным. Он писал: «Когда русских освободили, кухни в невероятно короткие сроки стали образцово чистыми, были подметены и вымыты. Посуда блестящая, а еда была сложена в чистом и проветриваемом месте. Мы, норвежцы, и несколько британских офицеров, приехавших в гости, всегда с нетерпением ждали еды в лагерях Рассела, хорошо приготовленной и прекрасно сервированной. Нередко я также приводил немецких офицеров в русские лагеря, чтобы показать им, насколько там чище, чем у самих немцев, включая немецкие госпитали»²⁰.

Что было важно для успеха?

Крейберг резюмировал свои задачи в 1946 году следующим образом:

- 1) организовать лагеря - насколько это возможно по национальностям - и дать им своего рода самоуправление, чтобы как можно меньше требовалось военных сил
- 2) обеспечить строго необходимую охрану с помощью Rikspolitkompani, которая сегодня направляется в Будё
- 3) обеспечить военнопленных питанием и т.д.
- 4) позаботиться о здоровье военнопленных
- 5) по возможности обеспечить благосостояние военнопленных
- 6) отправка отчетов

Также нужно добавить: относиться к бывшим заключенным с равным уважением, например, называть бывших советских заключенных «солдатами Красной Армии»²¹.

Крейберг пишет, что руководителям лагерей был передан его собственный мандат, и немцам сообщили, что они должны подчиняться их приказам. В Салтдале с его -восемнадцатью лагерями для военнопленных ответственность за освобождение была возложена на старшего врача Саймона Фростада в санатории Венсмоен и руководителя тыла лейтенанта Одда Мьельде. Одд Мьелде назначает охрану, состоящую из нескольких местных, в основном, дорожных рабочих, железнодорожников, фермеров, инженеров и т. д., каждый

20 Мьелде О. Воспоминания. Военные годы 1939-1945. Колофон, 2020

21 Крейберг Л. Освобождение союзных военнопленных в Норланде 1945. Осло: Tanum, 1946. Доступно через: https://www.nb.no/items/URN:NBN:no-nb_digibok_2014021906287

из которых был закреплен за своим собственным лагерем для военнопленных.²²

Свои поездки по лагерям Крейберг описывает следующим образом:

«Мы объехали лагеря, произнесли короткую речь перед освобожденными узниками, напомнили русским, что они уже не узники, а свободные солдаты Красной Армии, которым теперь предстоит продемонстрировать дисциплину и русскую культуру. Им предлагалось формировать свои собственные местные советы, выбирать попечителей, создавать местную военную полицию для поддержания порядка, а каждому лагерю предлагалось писать историю лагеря, записывая на бумаге отчет о совершенных злодеяниях и называя имена ответственных лиц». Крейберг рассказывал, что в качестве переводчика у него работал «норвежец украинского происхождения», но когда он заметил, что тот дополнил от себя к сказанному, то больше не стал к нему обращаться. Крейберг также называет своего первого переводчика «старшим радикальным политиком, который, как мне казалось, не всегда правильно воспроизводил мои заявления».

Поэтому Крейберг решил заменить своего первого переводчика медсестрой, которая работала в больнице в Будё, и которой он был очень доволен:

«В этой организации нельзя забывать одно имя, а именно сестру Гунвор Хаавик, которая в течение 10 лет в качестве хобби начала читать по-русски, и потом свободно разговаривала и выступала с независимыми речами перед освобожденными заключенными. Эта симпатичная женщина была при открытии лагерей при освобождении, и русские чувствовали себя совершенно как дома при виде нашей женщины-комиссара».²³

Гунвор Галтунг родилась в 1912 году и была дочерью пары врачей из промышленного города Одда. В 1920-е годы коммунизм оказал сильное влияние на ее воспитание. В 1930-х годах она заинтересовалась русской культурой и историей и выучила язык у русского эмигранта и художника, жившего в Одде. В 1930–1932 годах она изучала медицину, но бросила это занятие и вместо этого выучилась на медсестру.

22 Мьелде О. Воспоминания. Военные годы 1939-1945. Колофон, 2020

23 Крейберг Л. Не бросайте карты: в санитарии – и вне её, во время войны 1940-45. Осло: Gyldendal, 1978. Доступно через: https://www.nb.no/items/URN:NBN:no-nb_digibok_2007060501054

Поработав в госпиталях Бэрума, Одды и Осло, в годы войны она попала в госпиталь в Будё. Здесь она познакомилась с русскими военнопленными и влюбилась в одного из них, Владимира Козлова. Это стало ее судьбой.

После войны, в 1947 году, Гунвор Галтунг работала переводчиком в посольстве Норвегии в Москве. Когда она попыталась связаться с Козловым, это обнаружило КГБ. Затем ее обманом заманили в так называемую «медовую ловушку», и так началась ее двойная жизнь. После восьми лет пребывания в Москве ее перевели в Министерство иностранных дел в Осло, но она продолжала работать как шпион Советского Союза почти 30 лет. На встрече со своим контактным лицом в КГБ Александром Принципаловым в январе 1977 года Гунвор Галтунг Хаавик, как ее тогда называли, была арестована за шпионаж и рисковала получить 21 год тюрьмы. Она умерла от сердечного приступа в районной тюрьме Драммена еще до того, как начался судебный процесс.²⁴

Больничные койки и врачи

Во время своей службы в качестве ответственного за организацию освобождения на севере Норвегии Крейберг контактировал со многими медицинскими работниками. За несколько недель было открыто около 2000 больничных коек. Как врач он часто удивлялся быстрому восстановлению многих заключенных. В 1946 году он писал:

«Одним из самых чудесных событий, которые произошли в этот раз, было зрелище этих несчастных пациентов, которых несли в больницы с пустым, смиренным, полувопросительным выражением на лицах, а на следующее утро, после того как они принимали ванну и ели суп, мы видели на их лицах улыбки. А потом их можно было увидеть через несколько дней, прогуливающих по коридору с шерстяным одеялом на плечах, или в будний день улыбающихся, курящих на крыльце. Фактически, чтобы поднять на ноги многих из этих истощенных пациентов, потребовалось не более 14 дней. Шведская больница в Фауске оказывала помощь двум группам пациентов в течение четырех недель»²⁵.

24 Шпион в юбке. (2023). NRK Radio

25 Крейберг Л. Освобождение союзных военнопленных в Норланде 1945. Осло: Tanum, 1946. Доступно через: https://www.nb.no/items/URN:NBN:no-nb_digibok_2014021906287

«В русских лагерях было немало врачей, и некоторые из них с очень хорошим образованием. (...) Русские управляли своими больницами независимо, но в тесном контакте с местными учреждениями Норвегии и Швеции, от которых они получали хорошую помощь и советы»²⁶.

«Югославы были собраны в лагере за Полярным кругом. В его составе были в основном представители интеллигенции - учителя, художники и люди с университетским образованием. Они были явными сторонниками Тито и в один из первых дней после освобождения уничтожили тех, кого они считали предателями. Югославы были в лучшем состоянии и лучше одеты, чем русские, потому что имели поддержку Америки и Красного Креста. Отношения между ними и соседними русскими лагерями были превосходными»²⁷.

«Поляки были нашими так называемыми «проблемными подопечными». На момент освобождения они были здоровы, подтянуты, хорошо одеты и в национальной форме благодаря поддержке Америки и Красного Креста. (...) Была часть, вероятно, скромного происхождения, симпатизировавшая русским, но другие были настроены решительно антироссийски, и ясно выражали, что предпочитают немцев как меньшее из двух зол»²⁸.

Все еще различия

Приведем еще один малоизвестный факт: когда дело касалось одежды, еды, воды и всего остального, являвшегося дефицитом, после окончания войны многие условия оставались такими же, как и во время самой войны. То есть немцы сохраняли «джентльменские привилегии», а те, кто пережил ужасы войны и одержал победу всё равно были вынуждены довольствоваться минимальными средствами для существования. Иногда Крейберг высказывает разочарование, вызванное этими несоответствиями, как у него самого, так и у тех, кого оно затронуло лично:

«То, что иногда русские не могли отличить военные трофеи союзников от немецкого имущества, было легко понять. Когда русские ходили в своих лохмотьях и видели немцев на их прекрасных

26 Там же

27 Там же

28 Там же

лошадях или за рулем их элегантных автомобилей в строгой форме и начищенной обуви, и они знали, что немцы пили в лагерях хороший кофе, вино и французские ликеры, а им самим, вместе с нами, норвежцами, приходилось использовать большие сани, чтобы доставить самые необходимые вещи»²⁹.

Когда Крейберг указывает на то, что немцы в основном были склонны к сотрудничеству, это в значительной степени объясняется тем, что прагматический подход был для немцев способом сохранить свои привилегии. Или, как пишет Крейберг, они удерживали лучшие продукты, прятали картофель, портили одежду, инструменты и машины и издевались над русскими, когда это было возможно.³⁰

Советские офицеры

В своих мемуарах Лейв Крейберг описывает множество ситуаций, когда ему приходилось с педагогической ловкостью лавировать между уставшими военнопленными, разочарованными немецкими офицерами и неприветливым советским командиром. Крейберг нашел бывших советских заключенных «почти истеричными» из-за своей национальной преданности и уважения к Сталину. Это резко контрастирует с тем, как вели себя присланные советские офицеры. Они приехали осмотреть лагерь, но общались с норвежцами снисходительным тоном, желая указать на ошибки и недостатки. Этот контраст между восторженным патриотизмом заключенных и критическим отношением офицеров дает интересное представление о сложных взаимоотношениях, сложившихся после освобождения.

Кульминацией этого парадоксальной ситуации стала встреча в «Русском госпитале» в Мо-и-Ране. После экспедиционного обхода Крейберг встретил здесь генерала Ратова, который раскритиковал норвежского майора Ронгстада за антироссийскую пропаганду, которую он наблюдал в лагерях. Крейберг понял, что норвежский майор предоставил ему возможность ответить на эту совершенно абсурдную критику.

29 Там же

30 Крейберг Л. Не бросайте карты: в санитарии – и вне её, во время войны 1940-45. Осло: Gyldendal, 1978. Доступно через: https://www.nb.no/items/URN:NBN:no-nb_digibok_2007060501054

Майор Лейв Крейберг разговаривает с явно обеспокоенными немецкими офицерами в лагере Хьемога, в то время как бывшие советские заключенные с достоинством наблюдают за ситуацией.

Фото: Музей Нурланна

Крейберг не нуждался в каком-либо заранее написанном сценарии, он встал и начал свою речь так:

«Наш высокоуважаемый гость, генерал Ратов, пришел за обеденный стол с критикой нашей деятельности, поэтому я считаю необходимым напомнить нашим гостям некоторые факты». Крейберг указал на стесненные условия во время разгрома немецкого оккупационного режима и ситуацию с тысячами больных заключенных, подвергшихся жестокому обращению. Свою главную задачу он тогда определил так: доставить продовольствие, медицинскую помощь, одежду, а также восстановить дисциплину и веру... «И я хочу сказать, что у генералиссимуса Сталина никогда не было в этой стране лучших послов, чем эти хорошо воспитанные, добрые и прекрасные солдаты».

«Генерал отклонил этот вопрос», — сказал переводчик.

Крейберг завершил, как он выразился, советско-норвежский диалог следующими словами: «Тост за дружбу между нашими двумя великими народами и продолжение культурного и гуманитарного сотрудничества. За короля Хокона VII и генералиссимуса Сталина!».

После тоста все заметили недовольное бормотание Ратова, который, тем не менее, с неопределенной улыбкой пожал руку Крейбергу.

Освобожденные советские военнопленные в Северной Норвегии, май 1945 г.
Фото: Лейв Крейберг, Государственный архив Норвегии

К нему подошла британская переводчица и сказала: «Этот черт, он везде так себя ведет»³¹.

Как эпизод с генералом Ратовым в российском госпитале в Мо-и-Ране, так и другие случаи, дают возможность получить представление о враче и майоре Лейве Крейберге как о прирожденном дипломате. Независимо от того, чувствовал ли он себя отстраненным во время оккупации, оклеветанным в Лондоне во время войны или оскорбленным советским генералом после войны, он всегда держал ситуацию под контролем. В основе профессиональной деятельности Крейберга всегда лежала воля к выполнению дела, миссии и приказа, основанная на высоких моральных принципах. Развитые в детстве эмпатия и скептицизм к авторитарности оставались с ним на протяжении всей его карьеры во время войны. Крейберг был честен с самим собой так же, как и с теми, кто находился вокруг него. Лейв Крейберг по праву может войти в историю как врач, офицер и джентльмен.

³¹ Там же

Вывод

Лейв Крейберг проявил себя как офицер и гуманист, сумевший организовать и провести масштабные мероприятия по освобождению и реабилитации военнопленных в Нурланде. Его опыт и профессионализм, а также способность принимать этически правильные решения в сложных ситуациях, сыграли ключевую роль в улучшении условий для тысяч заключенных. Мемуары Крейберга предоставляют ценные исторические сведения и показывают его как человека глубоких моральных убеждений, обладавшего чувством сострадания. Важно отметить, что его работа не только помогла освободить и восстановить здоровье военнопленных, но и укрепила гуманитарные принципы в военной и послевоенной практике. На основе видеоматериалов, отснятых Крейбергом, в 2003 году был сделан фильм, который позже был передан в дар Норвежскому музею обороны. Эта коллекция визуальных материалов дает уникальное представление о критическом периоде послевоенной истории Норвегии и способствует сохранению памяти о сложных событиях, связанных с освобождением военнопленных в Северной Норвегии.

Vidkun Quisling og hans humanitære arbeid i Sovjet-Ukraina

Ksenia Matsegora

Avdelingsleder

Helgeland Museum

Til tross for at artikkelen ikke ble lest opp på konferansen, mener forfatteren at det er viktig å ta den med i samlingen.

ABSTRAKT

Denne artikkelen analyserer Vidkun Quislings (1887–1945) aktiviteter i Sovjet-Russland, med fokus på hvordan hendelsene i de første tiårene etter oktoberrevolusjonen formet hans verdenssyn og politiske ideer. Den undersøker den humanitære innsatsen til internasjonale organisasjoner under hungersnøden i Sovjet-Russland i perioden 1921–1923, hvor Quisling selv deltok. Artikkelen gir også en grundig analyse av Quislings bok *Russland og vi*¹, der han formulerer sine betraktninger om Sovjet-Russland og dets forhold til Europa.

Innledning. Vidkun Quisling

Vidkun Quisling arbeidet i det norske diplomatiske korpset i Sovjetunionen fra 1918 og utførte i en periode diplomatiske oppdrag på vegne av Storbritannia. I 1922–1923 var han involvert i et humanitært sultoppdrag i Sovjetunionen. Etter å ha returnert til Norge i 1929 begynte han sin politiske karriere. I 1933 grunnla Quisling det fascistiske partiet Nasjonal Samling (NS), som oppnådde begrenset politisk støtte på 1930-tallet. Etter den tyske invasjonen av Norge i 1940 forsøkte Quisling

1 Quisling, Vidkund. *Russland og vi*. Oslo, 1930. URL <https://tapemark.narod.ru/norsk/quisling-russland-og-vi.html>

å gjennomføre et statskupp via radio, som ble verdens første av sitt slag. Dette mislyktes, da tyskerne i utgangspunktet ikke ønsket å støtte hans regjering. I 1942 kom Quisling imidlertid tilbake som leder for den tysk-støttede regjeringen og administrerte den norske stat frem til krigens slutt i 1945. Etter Tysklands kapitulasjon ble Quisling arrestert, stilt for retten og funnet skyldig i landsforræderi. Han ble henrettet høsten 1945. Under rettssaken hevdet han å ha handlet utelukkende i Norges interesse, og hans siste ord var disse: «Jeg er uskyldig!». ²

Quisling anså bolsjevismen som den største trusselen mot Europa og mente at Norges redning lå i en samling av Europa for å bekjempe denne faren. Han argumenterte for at en nær allianse med Tyskland ville styrke Norges evne til å motstå press fra kommunister som forsøkte å utnytte internasjonale kriser til å fremme en verdensomspennende revolusjon og implementere sin ideologi. ³ Denne tankegangen ledet ham til å oppfordre Norge til full underkastelse under Tyskland, noe som resulterte i at han ledet en marionettregjering under andre verdenskrig.

Quislings antikommunistiske holdninger og overbevisninger var i stor grad formet av hans opplevelser i Sovjetunionen, spesielt hans deltakelse i bekjempelsen av hungersnøden i Ukraina i 1921–1924. Quisling behersket russisk flytende, hadde inngående kunnskap om russisk historie og viste seg som en dyktig organisator. Gulbrand Lunde, en norsk kjemiker og politiker som samarbeidet tett med Quisling, skrev at «Quisling har med en del avbrytelser oppholdt seg nesten 12 år i Russland, og det er vel ingen overdrivelse å si at han er den nordmann som har den beste personlige kjennskap til forholdene der borte». ⁴ Det var ikke tilfeldig at Fridtjof Nansen henvendte seg til Quisling med forespørsel om å delta i et humanitært oppdrag. ⁵

Quisling hadde også personlige forbindelser til Sovjet-Ukraina. Mens han var i Kharkiv på et humanitært oppdrag, møtte han sin første kone, Alexandra Voronina, som var født i Sevastopol. Senere møtte han sin andre kone, Maria Pasechnikova, også i Kharkiv. ⁶

2 Dahl, Hans Fredrik. *Vidkun Quisling en fører for fall*. Oslo, Aschehoug, 1992, 2. opplag. Side 646.

3 *Quisling har sagt – citater fra taler og avisartikler.*// I kommisjon hos J.M.Stenersens forlag, Oslo, 1940. Side 14–15

4 Lunde, Gulbrand. *Kampen for Norge.*// I kommisjon hos J.M.Stenersens forlag, Oslo, 1941. Side. 15

5 Maria Quisling. *Dagbok og andre eftelatte papirer*, Oslo, 1980. Side 17–18

6 Juritzen, Arve. *Quisling privat*. Oslo, 2008. Side 55

Fridtjof Nansen (i midten) og Vidkun Quisling (bak til venstre) under Folkeforbundets humanitære oppdrag i Armenia i 1925.

Foto: Ukjent, tilgjengelig på Wikimedia Commons

Quislings frykt for bolsjevismen og hans ønske om å motarbeide den kom ikke tilfeldig. Han hadde førstehåndskjennskap til sovjetsystemet og hadde selv sett resultatene av revolusjonen. Størst inntrykk gjorde hans deltakelse i Fridtjof Nansens humanitære misjon i 1921–1923. Quisling har senere uttalt at «alt det som han så i Russland følger ham som en ond drøm».⁷

Hungersnøden 1921–1923

Under den russiske borgerkrigen (1917–1922) skiftet kontrollen over ulike territorier gjentatte ganger mellom «de røde» og «de hvite», samtidig som områdene også ble angrepet av anarkistiske styrker ledet av Nestor Makhno. Hvert maktskifte var preget av vold, plyndring og ødeleggelse. Klassekampen og de politiske omveltningene førte til en alvorlig desorganisering av jordbruket, noe som ytterligere forverret matkrisen.⁸

Ifølge historikeren Vjatsjeslav Polyakov rammet hungersnøden over 30 provinser og tok livet av mer enn 5 millioner mennesker. Polyakov

7 Gulbrand Lunde. *Kampen for Norge*, Oslo, 1941. Side 14

8 Vogt, Carl Emil. *Nansens kamp mot hungersnøden i Russland 1921–23*. Oslo, 2007. Side 36

påpeker at sovjetisk historieforskning ofte ga tørken i 1920 skylden for katastrofen, men den egentlige årsaken var i stor grad ødeleggelsen av jordbrukssystemet, samt innføringen av den såkalte «prodrazverstkaen», en tvungen inndrivelse av mat fra bøndene.⁹

Etter appellene fra Maxim Gorkij 13. august 1921, og senere fra Vladimir Lenin, begynte humanitær hjelp fra vestlige land å strømme inn i Sovjetunionen. En rekke internasjonale organisasjoner bidro til nødhjelpen, og blant de mest bemerkelsesverdige innsatsene var den til den amerikanske hjelpeorganisasjonen American Relief Administration (ARA), ledet av Herbert Hoover, og den til den norske forskeren og humanisten Fridtjof Nansen. Hoover ble senere president i USA, mens Nansen mottok Nobels fredspris i 1922 for sitt arbeid med humanitær bistand i Russland.¹⁰

I 1921 signerte den sovjetiske regjeringen en avtale med ARA.¹¹ ARA spilte en avgjørende rolle i å redde 11 millioner mennesker fra sultedøden. Organisasjonen distribuerte over 1,25 millioner matpakker i 28 000 byer og landsbyer, renoverte 15 000 sykehus og vaksinerte 10 millioner mennesker.¹² I et brev til Hoover skrev Maxim Gorkij følgende: «Din hjelp vil bli skrevet inn i historien som en unik, gigantisk bragd, verdig den største ære, og vil lenge bli stående i minnet til millioner av russere som du reddet fra døden».¹³

I august 1921 ble Fridtjof Nansen utnevnt til Folkeforbundets høykommissær for organisering av hungersnødhjelp. På en konferanse i Genève argumenterte Nansen kraftig for at sultkatastrofen måtte håndteres uavhengig av politisk motvilje mot sovjetregimet. I sin berømte tale i Folkeforbundet 30. september 1921 stilte han dette spørsmålet: «Er det

9 Poljakov, V.A. Голод в Поволжье, 1919–1925 гг.: происхождение, особенности, последствия (Hungersnøden i Volga-regionen, 1919–1925: årsaker, særtrekk, konsekvenser). Volgograd, 2007.

10 Vogt, Carl Emil. *Nansens kamp mot hungersnøden i Russland 1921–23*, Oslo, 2007. Side 11

11 Hjelpen fra amerikanerne til de sultende i Sovjet-Russland i 1921–1923 (basert på materiale fra Ural-regionen) // *Historisk Vestnik*. URL: <https://historicalreporter.ru/favorites/the-help-of-americans-starving-in-soviet-russia-in-1921-1923-on-materials-of-the-urals/>

12 Fokin, Kirill. «Сколько миллионов голодных? — Десять!» («Hvor mange millioner sultne? – Ti!»). *Novaja Gazeta*, Nr. 134, 26. november 2021. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/11/18/skolko-millionov-golodnykh-desiat>

13 Pipes, Richard. *Русская революция. Россия под большевиками. 1918–1924* (*Den russiske revolusjon. Russland under bolsjevikene. 1918–1924*), i tre bind. Bind 3. Moskva, 2005, s. 149

en eneste mann her i vår forsamling som våger å si at han heller vil la 20 millioner mennesker dø av sult enn å gi hjelp til sovjetregjeringen?». ¹⁴

Nansen besøkte personlig Russland i november 1921 for å vurdere katastrofens omfang. De fotografiene han tok fra den utsultede Volga-regionen, ble senere viktige historiske dokumenter, som viser de fryktelige forholdene: barn med oppsvulmede mager, kannibalisme og mennesker døde av sult og sykdom. Historikeren Tatiana Bondarenko fra Saratov har dokumentert at rundt 1,5 millioner mennesker på landsbasis mottok hjelp takket være Nansens innsats. Over 60 % av denne hjelpen gikk til Saratov-regionen. ¹⁵ Den norske innsatsen bidro blant annet med matforsyninger, klær og utstyr til universiteter.

Mens Nansen og Hoover fokuserte på det sentrale Russland, var Vidkun Quisling aktiv i Ukraina. Quisling ankom Kharkiv 13. februar 1922, og bare fire dager etterpå skrev han en rapport der han beskrev den alvorlige situasjonen. Blant de som døde av sult, var hele 60 % barn. Quisling dokumenterte også tilfeller av kannibalisme og distribuerte skremmende bilder av hungersnødens konsekvenser. På dette tidspunktet var hungersnøden i Ukraina mindre kjent enn den i Volga-regionen, og det var Quislings rapporter som brakte oppmerksomhet til den tragiske situasjonen der. ¹⁶ For å rette oppmerksomheten mot sultkatastrofen ble Quislings rapporter sitert av aviser over hele verden. Dette utdraget fra en av hans rapporter stod på trykk i en seksjon i den ukrainskspråklige kanadiske avisen *Ukrainskyi Holos* (Ukrainske stemme), med overskriften «Sulten ble anerkjent for sent»: «[...] først den 11. januar i år, da nesten hver tiende person i Donetsk allerede var uten brød, fikk Donetsk-guvernementet lov til å stoppe sin obligatoriske bistand til Volga-regionen og begynne å løse sitt eget sultproblem. I begynnelsen av mars i år kunne man fortsatt se plakater i det sultende Mykolaiv-guvernementet: «*Arbeidere i Mykolaiv, hjelp de sultrammede i Volga-regionen!*» På den tiden hadde Mykolaiv-guvernementet selv 700 000 sultrammede mennesker – omtrent halvparten av befolkningen.» ¹⁷

14 Голодомор в Поволжье: 100 лет миссии Фритьофа Нансена (Holodomor i Volga-regionen: 100 år siden Fridtjof Nansens oppdrag). *Svobodnaja Rossija*, 17. oktober 2021. URL: <https://freedomrussia.org/2021/10/17/golodomor-v-povolzhe-100-let-missii-fritofa-nansena/>

15 Samme sted

16 Juritzen, Arve. *Quisling privat*. Oslo, 2008. Side 48

17 Serbin, R. Fotodokumenter om den ukrainske hungersnøden 1921-1923. Ukrlife. (på ukrainsk. Vår oversettelse). Tilgjengelig via: <http://ukrlife.org/main/evshan/famine.htm> Hentet 05.06.2024

Arbeid i sultrammede områder var en alvorlig risiko på grunn av spredning av ulike sykdommer. Nansen ga derfor sine medarbeidere beskjed om å kle seg i tett, glatt stoff som lusen ikke fant feste i, og oppfordret også til streng hygiene med stadig bruk av desinfiserende midler.¹⁸ I en bok om Quislings privatliv beskrives situasjonen slik:

«Vidkun Quislings oppdrag for Nansen var langt fra ufarlig. Flere dødelige epidemier som flekktysfus, kolera, malaria og pest herjet. Flekktysfusen var den farligste for vesteuropeere og smittet ved lusebitt. Det førte til at ti av Nansens 60 medarbeidere døde av flekktysfus. Quisling fikk malaria og var mye plaget av sykdom etter at han kom hjem til Norge.»¹⁹

Nansen satte stor pris på Quislings innsats i Ukraina. Gjennom innsatsen til ulike humanitære organisasjoner i Ukraina ble rundt 1 million liv reddet, 200 000 av dem takket være arbeidet som Quisling ledet.²⁰

Quislings fotografier fra Ukraina ble senere brukt som illustrasjoner i hans bok *Russland og vi*, utgitt i 1930. Det er fortsatt uklart om disse fotografiene ble tatt av Quisling selv eller av andre. Bildene er imidlertid

Ett av bildene publisert av Vidkun Quisling i hans bok *Russland og vi*. Bildet viser et barn under hungersnøden i Ukraina i 1921–1922. Quisling hevdet at personen hadde drept og spist sin bror.
Foto: Ukjent, tilgjengelig på Wikimedia Commons

18 Vogt, Carl Emil. *Nansens kamp mot hungersnøden i Russland 1921–23*. Oslo, 2007. Side 12

19 Juritzen, Arve. *Quisling privat*. Oslo, 2008. Side 52–53.

20 Samme, side 53

ledsaget av detaljerte beskrivelser, noe som gir grunn til å anta at han enten tok dem selv eller var til stede under fotograferingen. Senere publiserte den østerrikske ingeniøren Alexander Wienerberger disse fotografiene og hevdet at han i 1933, mens han oppholdt seg i Kharkiv, i all hemmelighet dokumenterte scener fra den store hungersnøden. Mens den sovjetiske regjeringen i forbindelse med hungersnøden i 1921–1923 ikke bare tillot, men også oppmuntret til publisering av materiale for å tiltrekke seg internasjonal hjelp, var situasjonen med Holodomor i 1932–1933 annerledes. Å ta, oppbevare og distribuere slike bilder var strengt forbudt. Dette førte til at Wienerberger brukte fotografier fra Quislings dokumenter for å illustrere hungersnøden i 1933, noe som skapte forvirring i mange historiske kilder. Likevel understreker dette viktigheten av de dokumentariske bevisene Quisling samlet under sitt opphold i Ukraina, og deres innvirkning på ettertidens forståelse av hungersnødene i det 20. århundre.²¹

«Russland og vi» – en kritisk refleksjon over Sovjetunionen

Boken *Russland og vi* er et omfattende verk som reflekterer Vidkun Quislings erfaringer og observasjoner fra sin tid i Sovjet-Russland. Den gir et detaljert bilde av de sosiale og økonomiske forholdene i landet, samtidig som den analyserer statens interne og eksterne politikk, samt tradisjoner og hverdagsliv. Verket er ikke bare en etnografisk redegjørelse, men også en filosofisk refleksjon over samfunnsstrukturen i det bolsjevikiske Russland. Gjennom en nøktern og rasjonell stil fører Quisling leseren til konklusjonen om at bolsjevismen representerer en fundamental trussel mot hele menneskeheten.

Boken inneholder mange rasistiske elementer. Han sier blant annet at bolsjevismen er en asiatiske-slavisk bevegelse ledet av jødiske hjerner. Asiatiske folk står i kontrast til mennesker av europeisk-skandinavisk rase, som han setter øverst, men samtidig var han imot ideen om den tyske nasjonens rasemessige overlegenhet.²²

Boken er likevel et viktig historisk dokument som fortjener grundig analyse. Mange av temaene som tas opp, er fortsatt relevante i dag, selv om terminologien har endret seg. Der Quisling refererer til «kapitalismen»,

21 Serbin, R. Fotodokumenter om den ukrainske hungersnøden 1921–1923. Ukrlife. Tilgjengelig via: <http://ukrlife.org/main/evshan/famine.htm> Hentet 05.06.2024

22 Quisling, Vidkund. *Russland og vi*. Oslo, 1930. URL <https://tapemark.narod.ru/norsk/quisling-russland-og-vi.html>, side 105

«verdensrevolusjonen» og «Sovjetunionen», kan vi i dagens diskurs finne lignende referanser til «det kollektive Vesten» og «alternativ verdensorden». Den splittelsen av samfunnet som han beskrev, er fortsatt en realitet, med vedvarende fiendtlighet og aggressivitet skjult bak retorikken om fred og rettferdighet.

Quisling starter boken med en påstand om at bolsjevikene i utgangspunktet satte seg opp mot hele verden og delte den inn i to fiendtlige deler: sosialisme og kapitalisme. «Bolsjevikene i Russland har den menneskelige svakhet å ville innbille sig og andre at hele verden er optatt med dem. ... England og de andre imperialistiske makter med sine klientstater er ustanselig optatt av kampen mot verdensrevolusjonen og med å forberede den uundgåelige angrepskrig mot Sovjetforbundet. O. s. v. Slik deler bolsjevikene verden i to kjempende parter: socialismen og kapitalismen ... Vi utenfor Russland vet at denne måte å fremstille sakene på er i høi grad en overdrivelse.»²³

Quisling er en skarp kritiker av det bolsjevikiske systemet og viser samtidig sympati for menneskene som lever under bolsjevikdiktaturets undertrykkelse. Han uttrykker særlig bekymring for mangelen på grunnleggende friheter under dette regimet: «Staten er alt. Individet ingenting. Russland er i virkeligheten et stort fengsel hvor borgerne ikke engang nyter den mest elementære frihet, å kunne fritt reise ut og inn.»²⁴ For Quisling var det «helt uhyrlig» å se flertallet av befolkningens nesten totale mangel på rettigheter, og hvordan de ble straffet for sin sosiale bakgrunn: «Ja, bolsjevikene har gått tilbake til det barbari å gjøre et menneske ansvarlig for andres forbrytelser og å la det lide for sin sociale opprinnelse. De skyter uskyldige personer som gissler eller som repressalier, og lar mennesker undgjelde for at deres far eller bestefar engang hadde en stilling som nu ikke passer i det kommunistiske system. Rettferdighet! Hvilke urettferdigheter begås ikke i ditt navn! Istedenfor likhet er faktisk etablert et fullstendig kastesystem.»²⁵ For Quisling har menneskene blitt gjort til en slags komponenter i systemet: «I Russland er således menneskene ikke et mål i sig selv, men enten «socialt skadelige elementer», som må utryddes; eller kommunistisk samfundsmateriale som utnytted så lenge de kan brukes, og kastes vilkårlig vekk, ombyttes eller ødelegges, hvis de ikke passer.»²⁶

23 Samme, side 5

24 Samme, side 23

25 Samme, side 76

26 Samme, side 25

Når det gjelder sovjetiske arbeidere, sammenligner Quisling deres liv med livet til arbeiderne i Norge og konkluderer at deres forhold er «ubeskribelig hardt og elendig»²⁷. Han dedikerer også et kapittel til bøndernes situasjon, hvor han beskriver deres mangel på rettigheter og det kommunistiske konseptet «kulak», som han anser som en brutal form for undertrykkelse.²⁸

Quisling betrakter klassekampen som enda mer brutal enn krig mellom stater, og han uttrykker sjokk over hvordan denne ideologiske konflikten hadde infiltrert familiens sfære: «Mange tilfelle er forekommet hvor barn har angitt sine foreldre som kontrarevolusjonære, og er blitt offentlig priset derfor. Ja, det er eksempler på at sønner har direkte stemt for skytning av sine fedre, og at disse er blitt skutt. Det er i det hele tatt verd å legge merke til at den russiske ungdom og de russiske barn er et rent krigs- og revolusjonsprodukt.»²⁹

Videre beskriver Quisling den omfattende overvåkingen som preget det sovjetiske samfunnet: «I Russland har veggene ører. Intet er sikkert; hverken brev, eller telegraf, eller telefon. Den ene halvpart av befolkningen er optatt med å utspionere, skygge, og angi den annen halvpart. Menneskene i Russland er henvist til å lyve og hykle for å klare sig under skrekksystemet. De har også der en tung arv å trekke på fra fortiden. Således finner vi det moderne russiske samfund gjennemtrent av spioneri, løgn og hykleri fra bunnen til toppen.»³⁰ Er ikke dagens russiske samfunn på vei tilbake til det som beskrives i boken? Er det ikke påfallende likt dagens virkelighet?

Quisling legger også stor vekt på ødeleggelsen av den russiske kulturarven. Han beskriver hvordan bolsjevikene aktivt ødela den gamle russiske kulturen og erstattet den med en ny, marxistisk basert kultur: «Likesom i middelalderen videnskap og kunst måtte være den katolske tros tjenerinner, må de nu i Russland tjene den bolsjevikiske politikk. Derfor ser vi også de kommunistiske professorer ivrig beskjeftiget med å omarbeide alle videnskapsgrener i marxistisk ånd.»³¹

Som prestesønn forsøker Quisling å forstå bolsjevismen gjennom en sammenligning med religion: «Men mens kristendommen er passiv og idealistisk, er kommunismen aktiv og materialistisk. Den lover de

27 Samme, side 85

28 Samme, side 70

29 Samme, side 87

30 Samme, side 89

31 Samme, side 98

undertrykte paradiset, ikke efter døden, men i livet, her på jorden; og ikke gjennom livets forsakelse, men gjennom klassekamp og borgerkrig.»³²

Hovedmotivasjonen for Quislings grundige analyse av Sovjetunionen var å advare mot lignende utvikling i Norge. Han betraktet bolsjevikrevolusjonen som en trussel mot hele den vestlige verden og skrev at «å oppfordre til en bolsjevikrevolusjon i Norge er ikke politikk, men en forbrytelse»³³. Han forutså at bolsjevismen ville spre seg langt utenfor Russlands grenser, styrt av et fanatisk ønske om å eksportere sine revolusjonære ideer til hele verden.³⁴

Til slutt kommer Quisling til følgende konklusjon: «Bare det vi har sett i Russland av revolusjonens virkninger på det fysiske område av menneskelivet (folkehelse og rase) er nok til å gjøre bolsjevismen til en av de dystreste tildragelser i menneskehetens historie. Den humane iakt-tager vil feste sig ved revolusjonens uhyre menneskeofre i sin alminde-lighet. Fra begge synspunkt er bolsjevismen en forbrytelse, imot histori-ens hellige ånd, som ikke tilgis hverken nu eller i eftertiden.»³⁵

Farvel

Det er mange motsetninger i Vidkun Quislings liv og handlinger. I 1938 fordømte han Krystallnatten og volden mot jødene i Tyskland, men samtidig gratulerte han Hitler med 50-årsdagen og takket ham for å ha reddet Europa fra bolsjevismens og jødenes herredømme. Selv om Quisling ønsket et selvstendig Norge, støttet han den tyske okkupasjonen, i håp om at den kunne sikre Norges plass i en fremtidig samlet, antikommunistisk europeisk orden.³⁶ Kort før henrettelsen sendte han et brev til kong Haakon VII, ikke for å be om nåde for seg selv, men for medlemmene av Nasjonal Samling, partiet han hadde stiftet.³⁷ Quisling var en overbevist antikommunist, og hans tro på at Europas frelse lå i en samlet kamp mot bolsjevismen, drev ham til de politiske valgene som til slutt førte ham til tiltalebenken.

Quislings ukrainske kone, Maria Pasechnikova, kjempet utrettelig for å redde livet hans frem til hans siste dager. Hun vurderte til og med å

32 Samme, side 96

33 Samme, side 116

34 Samme, side 130

35 Samme, side 114

36 Dahl, Hans Fredrik. *Vidkun Quisling en fører for fall*. Oslo, Aschehoug, 1992

37 Quisling, Maria. *Dagbok og andre eftelatte papirer*. Oslo, 1980. Side 53–56

skrive et brev til Stalin, der hun ville minne ham på ektemannens innsats under hungersnøden i Ukraina, hvor Quislings humanitære arbeid reddet titusenvis av liv. Brevet ble imidlertid aldri sendt – hun innså at Quisling ville foretrukket å møte døden som en idealist, tro mot sine overbevisninger, heller enn å be om nåde.³⁸ Maria mente at det var Quislings humanitære arbeid i Sovjetunionen som skulle tjene som en formildende omstendighet under rettssaken mot ham, fordi det reddet hundretusenvis av liv, inkludert jøders. Arbeidet i seg selv innebar en risiko for hans eget liv på grunn av masseepidemier, og boken «Russland og vi» kaster lys over mange av de grunnleggende årsakene bak Quislings valg. Retten fant imidlertid ikke disse omstendighetene formildende nok til å endre dommen, og Quisling ble dømt til henrettelse ved skyting. Hans siste ønske om å få ta farvel med sin kone ble avslått. Vidkun Quislings navn har for alltid fått en entydig negativ klang i historien.

Konklusjon

Hendelsene i ett land kan påvirke utviklingen i andre, særlig i nabolandene. Den russiske revolusjonen i 1917, etterfulgt av borgerkrig, hungersnød og ødeleggelser, påvirket ikke bare befolkningen i Sovjetunionen, men etterlot også dype spor i bevisstheten i mange andre land. I en slik sammenheng er dokumentasjon og grundig historisk analyse avgjørende. Historikernes oppgave er å presentere fakta uavhengig av politisk påvirkning eller propaganda.

I dag er Vidkun Quislings navn synonymt med kollaborasjon og landsforræderi, men hans handlinger krever en objektiv analyse i lys av den historiske epoken. Til tross for hans innsats innen humanitær hjelp var det hans politiske valg som definerte hans skjebne og gjorde ham til en av de mest kontroversielle skikkelsene i Norges historie. Refleksjon rundt Quislings liv og handlinger gir en dypere forståelse av komplekse historiske prosesser og hjelper oss med å unngå forenklete tolkninger av fortiden.

38 Samme, side 42–44

Видкун Квислинг и его гуманитарная деятельность в Советской Украине

Ксения Мацегора
Заведующая отделом
музея Хельгеланда

Не смотря на то, что статья не была зачитана на конференции, автор считает важным включить ее в сборник.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается деятельность норвежского политика Видкуна Квислинга (1887–1945) и влияние на него событий, происходивших в первые десятилетия после Октябрьской революции в Советской России. Раскрывается деятельность иностранной гуманитарной миссии во время массового голода 1921 – 1923 гг. в Советской России и предпринимается попытка анализа книги В. Квислинга *Россия и мы*¹.

Вступление. Видкун Квислинг

Видкун Квислинг работал в норвежском дипломатическом корпусе в Советском Союзе с 1918 года и некоторое время выполнял дипломатические миссии для Великобритании. В 1922-1923 годах он работал в составе гуманитарной миссии по борьбе с голодом в Советском Союзе. В 1929 году он вернулся в Норвегию, где начал свою политическую карьеру. В 1933 году Квислинг основал фашистскую партию

1 Квислинг, Видкун. *Russland og vi*. (Россия и мы). Осло, 1930. URL: <https://tapemark.narod.ru/norsk/quisling-russland-og-vi.html>.

Национальное единение (Nasjonal Samling, или NS), которая пользовалась ограниченной поддержкой в 1930-е годы. После немецкого вторжения в Норвегию в 1940 году Квислинг стал первым человеком в мире, попытавшимся совершить государственный переворот по радио, но попытка провалилась, поскольку немцы не были заинтересованы в поддержке его правительства. Зимой 1942 года он вернулся в качестве главы правительства, поддерживаемого немцами, и руководил норвежской государственной администрацией до конца войны. После капитуляции Германии в 1945 г. Квислинг был арестован вместе со своим правительством. Он предстал перед норвежским судом, был признан виновным в государственной измене и казнён осенью 1945 г. На суде Квислинг так и не признал свою вину, считая, что действовал исключительно в интересах своей страны. Его последними словами перед расстрелом стали слова: «Я невиновен!»².

Квислинг считал большевизм величайшей угрозой для Европы и полагал, что спасение Норвегии лежит в объединении Европы для борьбы с этой опасностью. Он утверждал, что тесный союз с Германией укрепил бы способность Норвегии противостоять давлению коммунистов, которые стремились использовать международные кризисы для осуществления мировой революции и внедрения своей идеологии.³

На антисоветские взгляды и убеждения Квислинга оказали сильное влияние его поездки в Советский Союз, прежде всего его участие в борьбе с голодом в Украине в 1921 – 1924 гг. Он свободно говорил по-русски, хорошо знал российскую историю и обладал организаторскими способностями. Гульбранд Лунде, норвежский химик и политик, однопартиец Квислинга, писал: «В общей сложности Квислинг провел в России с некоторыми перерывами почти 12 лет, и не будет преувеличением сказать, что он лучше других норвежцев знаком с условиями в этой стране»⁴. Не случайно именно к нему обратился в письме Фритьоф Нансен с просьбой об участии в гуманитарной

2 Даль, Ханс Фредрик. *Vidkun Quisling: en fører for fall*. (Видкун Квислинг: лидер в упадке). Осло, Aschehoug, 1992, 2-е издание, с. 646.

3 Квислинг, Видкун. *Quisling har sagt – citater fra taler og avisartikler*. (Квислинг говорил - цитаты из речей и газетных статей) // J.M. Stenersens forlag, Осло, 1940. С. 14–15.

4 Лунде, Гульбранд. *Kampen for Norge*. (Борьба за Норвегию) // По заказу J.M.Stenersens forlag, Осло, 1941.С. 15

миссии.⁵ Стоит отметить, что с Советской Украиной его связывали и личные отношения. Находясь в Харькове с гуманитарной миссией, он познакомился со своей первой женой Александрой Ворониной, уроженкой города Севастополя.⁶ Спустя некоторое время, здесь же в Харькове, он встретил свою вторую жену Марию Пасечникову.

Страх перед большевизмом и желание противостоять ему возникли неслучайно - зная советскую систему изнутри, он своими глазами видел последствия революции. Наибольшее впечатление на него произвело участие в гуманитарной миссии Ф. Нансена в 1921 – 1923 гг. Квислинг рассказывал позже, что «увиденное в России преиследует его как кошмарный сон»⁷.

Голод 1921 - 1923

В годы Гражданской войны в России (1917–1922) контроль над отдельными территориями неоднократно переходил от «красных» к «белым» и обратно, а также подвергался нападениям со стороны анархистов под руководством Нестора Махно. Каждая смена власти сопровождалась волной насилия, грабежей и разрушений. Классовая борьба и политические потрясения привели к дезорганизации сельского хозяйства, что усугубило продовольственный кризис.⁸

По данным историка В.А. Полякова, голод охватил свыше 30 губерний и унес жизни свыше 5 миллионов человек. Поляков также указывает, что в советской исторической науке в качестве основной причины катастрофы указывалась засуха 1920 г., однако истинная причина возникновения голода на плодородных землях заключалась в разрушении системы сельского хозяйства и создании продразверстки, т.е. насильственного изъятия продовольствия у крестьян.⁹

После обращения Максима Горького 13 августа 1921 г., а затем и В.И. Ленина к западным странам, в СССР стала поступать

5 Квислинг, Мария. *Dagbok og andre eftelatte papirer*. (Дневник и другие документы). Осло, 1980. С. 17-18

6 Юритцен, Арве. *Quisling privat*. (Квислинг. Личное). Oslo, 2008. С. 55

7 Лунде, Гульбранд. *Kampen for Norge*. (Борьба за Норвегию) // По заказу J.M.Stenersens forlag, Осло, 1941. С. 14

8 Вогт, Карл Эмиль. *Nansens kamp mot hungersnøden i Russland 1921-23*. (Борьба Нансена с голодом в России в 1921 – 1923 гг.). Осло, 2007. С. 36

9 Поляков В.А. *Голод в Поволжье, 1919 – 1925 гг.: происхождение, особенности, последствия*. Волгоград, 2007.

Фритьоф Нансен (в центре) и Видкун Квислинг (сзади слева) во время гуманитарной миссии Лиги Наций в Армении в 1925 году.

Фото: Неизвестный автор, доступно на Викискладе

гуманитарная помощь. Помощь Советскому Союзу оказывали различные иностранные организации. Особенно выделялись усилия американца Герберта Гувера и норвежца Фритьофа Нансена. Один из них через несколько лет стал президентом США, а другой, в 1922 г., в период наиболее интенсивной работы по оказанию помощи в России, был удостоен Нобелевской премии мира.¹⁰

Договор советского правительства с Американской администрацией по оказанию помощи (American Relief Administration, сокращенно – ARA) был подписан в 1921 г. Организацию возглавлял министр торговли Г. Гувер.¹¹ Американцы спасли от голода 11 миллионов человек — почти одну десятую часть населения страны — в 28 тысячах городов и деревень и распределили более 1,25 миллиона

10 Ворт, Карл Эмиль. *Nansens kamp mot hungersnøden i Russland 1921-23*. (Борьба Нансена с голодом в России в 1921 – 1923 гг.). Осло, 2007. С. 11

11 Помощь американцев голодающим в Советской России в 1921-1923 гг. (по материалам Урала) \ Исторический вестник URL <https://historicalreporter.ru/favorites/the-help-of-americans-starving-in-soviet-russia-in-1921-1923-on-materials-of-the-urals/>

продовольственных посылок. АРА отремонтировала 15 тысяч больниц, обслуживающих 80 миллионов пациентов, и вакцинировала 10 миллионов человек.¹² Позже, в письме руководителю АРА Горький напишет: «Ваша помощь будет вписана в историю как уникальное, гигантское свершение, достойное величайшей славы, и надолго останется в памяти миллионов русских,... которых вы спасли от смерти»¹³.

В августе 1921 г. в Женеве на конференции мировых общественных организаций Фритьофа Нансена утвердили верховным комиссаром Лиги Наций по организации помощи голодающим. Тогда же был организован Международный комитет помощи голодающим. 30 сентября 1921 г. с трибуны Лиги Наций Нансен выступил с речью, в которой утверждал, что нельзя обрекать на смерть миллионы людей из-за неприязни к советской власти. «Найдется ли здесь среди нашего собрания хоть один человек, который посмеет сказать, что он скорее готов допустить гибель 20 миллионов человек от голодной смерти, нежели оказать помощь Советскому правительству?»¹⁴.

Для оценки масштабов катастрофы Фритьоф Нансен лично прибыл в Россию в ноябре 1921 г. Большая часть фотографий голодающего Поволжья, которые стали впоследствии важными историческими документами, были сделаны Ф. Нансеном. Среди них костлявые дети с распухшими животами, женщины-каннибалы рядом с разрубленными человеческими останками, голые тела умерших от голода и тифа детей. По данным саратовского историка и исследовательницы помощи Нансена голодающему Поволжью Татьяны Бондаренко, по всей стране, благодаря деятельности Фритьофа Нансена, получили помощь около 1,5 миллионов человек. Основная её часть – более 60% – поступала в Саратовскую губернию.¹⁵ Норвежская гуманитарная миссия оказывала различную помощь: кормила голодающих в столовых, распределяла для них

12 Фокин, Кирилл. «Сколько миллионов голодных? — Десять!»\Новая газета, № 134 от 26 ноября 2021

URL <https://novayagazeta.ru/articles/2021/11/18/skolko-millionov-golodnykh-desiat>

13 Пайпс Ричард. В 3 кн. *Русская революция. Россия под большевиками. 1918-1924.* М., 2005. Кн. 3. С. 149

14 Голодомор в Поволжье: 100 лет миссии Фритьофа Нансена\Свободная Россия, опубликовано 17.10.2021 URL <https://freedomrussia.org/2021/10/17/golodomor-v-povolzhe-100-let-missii-fritofa-nansena/>

15 Там же

продовольственные и пищевые посылки, помогала вещами, продуктами и оборудованием сотрудникам и студентам саратовских вузов.

В то время как Ф. Нансен и Г. Гувер работали со своей гуманитарной миссией в основном в центральной части России, Квислинг отправился в Украину. Он прибыл в Харьков 13 февраля 1922 г. Через четыре дня после прибытия Квислинг составил отчет, в котором описал бедственное положение голодающих. Среди умирающих от голода 60% составляли дети. Позже он опишет случаи людоедства, а также опубликует ужасающие кадры последствий голода. В то время, как весь мир следил за ситуацией с острой нехваткой продовольствия на территории советского Поволжья, мало кто знал, насколько плохо обстоят дела в Украине. Об этом не было известно даже в московском офисе Нансена. Именно отчеты Квислинга открыли глаза работникам гуманитарных организаций и широкой общественности на крайне тяжелую ситуацию в Украине.¹⁶

Для привлечения внимания к проблеме голода, отчеты Квислинга цитировали различные газеты по всему миру. В канадской украиноязычной газете «Український голос» в разделе с подзаголовком «Голод признан слишком поздно» был напечатан его текст: «[...] только 11 января текущего года, когда почти каждый десятый человек в Донецке уже остался без хлеба, донецкой губернии было разрешено прекратить обязательную помощь Поволжью и приступить к решению собственной проблемы голода. В начале марта текущего года еще можно было видеть в голодающей Николаевской губернии плакаты: *Рабочие Николаева, на помощь голодающим Поволжья!* В то время Николаевская губерния сама насчитывала 700 000 голодающих, что составляло около половины её населения»¹⁷.

Работа в районах, охваченных голодом, была сопряжена с серьезным риском из-за распространения различных заболеваний. Нансен настоятельно рекомендовал соблюдать правила гигиены и носить плотную одежду.¹⁸ В книге, посвященной частной жизни Квислинга, ситуация описывается следующим образом: «Задачи Видкуна Квислинга для миссии Нансена были далеко не безопасны.

16 Юритцен, Арве. *Quisling privat.* (Квислинг. Личное). Oslo, 2008. С. 48

17 Сербин, Р. Фотодокументы об украинском голоде 1921-1923 годов. УкрЛайф. Доступно через: <http://ukrlife.org/main/evshan/famine.htm> Дата обращения: 05.06.2024

18 Ворт, Карл Эмиль. *Nansens kamp mot hungersnøden i Russland 1921-23.* (Борьба Нансена с голодом в России в 1921 – 1923 гг.). Осло, 2007. С. 12

Здесь свирепствовало несколько смертельных эпидемий, таких как тиф, холера, малярия и чума. Самым опасным для западноевропейцев был тиф, который передавался через укусы вшей. В результате десять из шестидесяти сослуживцев Нансена умерли от тифа. Квислинг заразился малярией и после возвращения в Норвегию страдал от последствий болезни»¹⁹.

Нансен высоко отзывался о работе Квислинга. Благодаря усилиям различных гуманитарных организаций в Украине было спасено около одного миллиона жизней, а благодаря работе, которую возглавлял Квислинг, – около 200 000.²⁰

Фотографии, сделанные во время работы в Украине, стали иллюстрациями в его книге *Россия и мы*, опубликованной в 1930 году. Остаётся неизвестным, были ли эти фотографии сделаны лично Квислингом или кем-то другим. Однако к ним прилагается детальное описание, что позволяет предположить, что он либо сам выполнял съёмку, либо присутствовал при её проведении. Позднее эти снимки опубликует австрийский инженер Александр Винербергер, утверждая, что в 1933 году, находясь в Харькове, он тайно запечатлел сцены массового голода. Если в случае с голодом 1921–1923 годов советское правительство не только не запрещало, но даже содействовало

Одна из фотографий, опубликованных Видкуном Квислингом в своей книге *Россия и мы*. На фотографии изображен ребенок во время голода в Украине в 1921-1922 гг. Квислинг писал, что этот человек убил и съел своего брата.

19 Юритцен, Арве. *Quisling privat*. (Квислинг. Личное). Oslo, 2008. С. 52-53.

20 Там же. Р. 53.

публикации материалов о трагедии, чтобы привлечь иностранную помощь, то в случае с Голодомором 1932–1933 годов всё было иначе. Съёмка, хранение и распространение подобных изображений были строго запрещены. Это привело к тому, что Винербергер использовал фотографии из документов Квислинга для иллюстрации голода 1933 года, что внесло путаницу в исторические материалы. Тем не менее, этот факт подчёркивает значимость документальных свидетельств, собранных Квислингом во время его пребывания в Украине, и их влияние на последующее осмысление голодоморов XX века.²¹

Россия и мы

Книга *Россия и мы* представляет собой серьёзный труд, который стал результатом размышлений о Советской России и впечатлений о ней автора. В ней описываются социальные и экономические условия жизни населения СССР, внутренняя и внешняя политика государства, традиции, быт и т.д. Книга – это не только этнографическое исследование путешественника, глубоко изучившего жизнь страны, а, скорее, философское осмысление общественного устройства недавно появившейся страны. Рационалистично, почти безэмоционально, автор приводит нас к мысли, что большевизм представляет самую большую угрозу всему человечеству.

Хотя Квислинг отвергал идею расового превосходства германской нации, в книге *Россия и мы* содержатся откровенно расистские высказывания, в которых он заявляет, что революция в России была совершена руками людей восточного происхождения во главе с еврейской интеллигенцией, в то время как противостояли им люди европейско-скандинавской расы.²²

Следует признать, что книга представляет собой важный исторический документ и заслуживает тщательного анализа. Многие темы, поднятые в ней, остаются актуальными и сегодня, хотя изменились некоторые термины. Если ранее использовались такие выражения, как «мировая революция», «Советская страна» и «капиталистический мир», то сейчас им на смену пришли термины «коллективный

21 Сербин, Р. Фотодокументы об украинском голоде 1921–1923 годов. УкрЛайф. Доступно через: <http://ukrlife.org/main/evshan/famine.htm> Дата обращения: 05.06.2024

22 Квислинг, Видкун. *Russland og vi*. (Россия и мы). Осло, 1930. URL: <https://tape-mark.narod.ru/norsk/quisling-russland-og-vi.html>, с. 105

Запад», «альтернативное мироустройство» и «Великая Россия». Однако принципы разделения общества, острая враждебность и агрессивная риторика под предлогом защиты мира остались неизменными — или даже усилились.

Квислинг начинает книгу рассуждением о том, что большевики изначально противопоставили себя всему миру, разделив его на две враждебные части: социализм и капитализм, утверждая, что вторая, «враждебная», часть мира «постоянно занята борьбой с мировой революцией и подготовкой к неизбежной агрессивной войне против Советского Союза. Мы, кто находится за пределами России, точно знаем, что такая постановка вопроса в значительной степени является преувеличением»²³.

Являясь жестким критиком большевистской системы, Квислинг в то же время демонстрирует огромную симпатию и даже сочувствие народу, находящемуся под гнетом большевистской диктатуры. Особое сочувствие у него вызывает отсутствие элементарных свобод: «Государство - это все. Личность - ничто. Россия - это огромная тюрьма, где граждане не имеют даже самой элементарной свободы - возможности свободно въезжать и выезжать»²⁴. Практически полное бесправие для большей части населения и наказание за социальное происхождение выглядят чудовищно: «Да, большевики вернулись к варварству, когда человека делают ответственным за преступления других и заставляют его страдать за свое социальное происхождение. Они расстреливают невинных людей в качестве заложников или в качестве репрессий, и пусть люди извиняются за то, что их отец или дед когда-то занимал должность, которая теперь не вписывается в коммунистическую систему. Вместо равенства, по сути, создана полная кастовая система»²⁵. Люди превращены в элементы системы: «В России человек - это не самоцель, а либо «социально вредный элемент», который необходимо искоренить, либо социальный материал, который используется до тех пор, пока им можно пользоваться, и произвольно выбрасывается, обменивается или уничтожается, если он уже не нужен системе»²⁶.

Говоря об условиях жизни советских рабочих, Квислинг невольно сравнивает их с условиями жизни рабочих в Норвегии, и приходит в

23 Там же, с. 5

24 Там же, с. 23

25 Там же, с. 76

26 Там же, с. 25

выводу, что в России их жизнь «неописуемо тяжелая и несчастная»²⁷. Он не оставил без внимания и крестьянский вопрос, посвятив ему целую главу книги, в которой описал бедственное, почти рабское, положение крестьян, раскрыл понятие «кулак» и отсутствие у крестьян элементарных прав.²⁸

Квислинг сопоставляет классовую борьбу с войной между государствами, и приходит к выводу, что первая более жестока по своей сути. Особенно шокирует автора то, что классовая борьба переходит в семьи: «Было много случаев, когда дети обличали своих родителей как контрреволюционеров и получали за это публичную похвалу. Да, есть примеры, когда сыновья прямо высказывались за расстрел своих отцов, и они были расстреляны. Стоит отметить, что российская молодежь и дети - это чистый продукт войны и революции»²⁹.

Он отмечает, что введенная система тотального контроля базируется на лжи и насилии: «В России у стен есть уши. Ничто не защищено: ни письмо, ни телеграф, ни телефон. Одна половина населения занята тем, что шпионит, следит и доносит на другую половину. В России люди вынуждены лгать и лицемерить, чтобы выжить в системе террора. Кроме того, им досталось тяжелое наследие прошлого. Таким образом, современное российское общество снизу доверху пронизано шпионажем, ложью и лицемерием»³⁰. Эта мысль заставляет задуматься, а не возвращается ли современное российское общество к описываемому в книге? Не кажется ли все это удивительно похожим на современность?

Особое внимание уделяет Квислинг культуре. Он указывает на варварское уничтожение старой русской культуры и создание на ее месте новой, основанной на марксистской идеологии, и считает, что подобное отношение к наследию носит разрушительный характер: «Как в Средние века наука и искусство должны были быть на службе у католической церкви, так и сейчас в России они должны служить большевистской политике. Поэтому мы видим, как профессора-коммунисты заняты переделкой всех отраслей науки в марксистском духе»³¹.

27 Там же, с. 85

28 Там же, с. 70

29 Там же, с. 87

30 Там же, с. 89

31 Там же, с. 98

Являясь сыном священника и пытаясь разобраться в самом явлении большевизма, Квислинг проводит параллель между марксистской идеологией и религией, которая достаточно удачно и лаконично передает суть явления марксизма: «Если христианство пассивно и идеалистично, то коммунизм активен и материалистичен. Он обещает угнетенным рай не после смерти, а при жизни, здесь, на земле; и не через отказ от жизни, а через классовую борьбу и гражданскую войну»³².

Главная причина, по которой Квислинг уделяет столько внимания другой стране, кроется в его стремлении не допустить подобной революции в Норвегии. «Призыв к большевистской революции в Норвегии - это не политика, а преступление».³³ Квислинг прекрасно понимал, что большевизм не остановится на одной стране, а будет распространяться дальше, так как во внешней политике России доминирует фанатичное стремление большевиков расширить поле своих кровавых экспериментов на весь мир.³⁴

В итоге, Квислинг приходит к печальному выводу: «Того, что мы видели в одной только России о влиянии революции на физическую сферу человеческой жизни (здоровье населения и расы), достаточно, чтобы назвать большевизм одним из самых мрачных событий в истории человечества. Гуманный наблюдатель будет поражен огромными человеческими жертвами революции в целом. В то время как более научно мыслящие люди, возможно, задумаются о том, как революция повлияла на интеллект и высший человеческий потенциал России. С обеих точек зрения, большевизм - это преступление, ... грех против священного духа истории, который не простится ни теперь, ни потомкам»³⁵.

Прощание

В биографии и деятельности Квислинга очень много противоречий: он осуждал погромы в Германии 1938 г., вошедшие в историю под названием «Хрустальной ночи», но в то же время поздравлял Гитлера с пятидесятилетним юбилеем и поблагодарил его за «спасение Европы от господства большевизма и еврейства», мечтал о

32 Там же, с. 96

33 Там же, с. 116

34 Там же, с.130

35 Там же, с. 114

независимости Норвегии, но поддержал немецкую оккупацию.³⁶ В своем письме королю за несколько дней до казни Квислинг не будет просить милости для себя лично, но попросит о снисхождении к членам его партии Национальное единение (Nasjonal samling)³⁷. Квислинг был убежденным антикоммунистом. Как было сказано выше, спасение мира он видел в объединении Европы. Именно эти убеждения заставили его сделать свой политический выбор, который и привел его на скамью подсудимых.

Жена Квислинга, украинка Мария Пасечникова, до последнего будет бороться за его жизнь. Она даже напишет письмо Сталину, где напомнит обо всех заслугах мужа и спасенных благодаря ему жизнях во время голода в Украине. Но письмо так и не будет отправлено – она понимала, что ее муж предпочтет умереть, оставаясь идеалистом, отвечающим за свои действия, чем просить пощады и милости.³⁸ Мария считала, что гуманитарная работа Квислинга в Советском Союзе должна быть учтена как смягчающее обстоятельство на суде, ведь благодаря ей были спасены сотни тысяч жизней, включая евреев. Эта деятельность была связана с рисками для его собственной жизни из-за массовых эпидемий, а причины его политического выбора подробно изложены в книге *Россия и мы*. Однако суд не посчитал эти обстоятельства достаточными для вынесения оправдательного приговора, и Квислинг был приговорен к расстрелу. Его просьба проститься с женой была отклонена. А имя Квислинга навсегда вошло в историю исключительно с отрицательной стороны.

Заключение

Происходящие события в одной стране так или иначе влияют на события в других, особенно сильным это влияние оказывается в соседних странах. Революция в России 1917 г., Гражданская война и последовавшие за ними голод и разруха оказали сильное влияние на сознание людей не только в Советском Союзе, но и во многих других странах. Очень важна в этой ситуации роль документальных

36 Даль, Ханс Фредрик. *Vidkun Quisling: en fører for fall*. (Видкун Квислинг: лидер в упадке). Осло, Aschehoug, 1992

37 Квислинг, Мария. *Dagbok og andre eftelatte papirer*. (Дневник и другие документы). Осло, 1980. С. 53 - 56

38 Там же, с. 42 - 44

свидетельств. Задача историков - раскрывать и представлять факты независимо от политического влияния или пропаганды.

Сегодня имя Видкуна Квислинга стало синонимом коллаборационизма и предательства, однако его деятельность нуждается в объективном анализе в контексте исторической эпохи. Несмотря на его заслуги в области гуманитарной помощи, именно его политические решения определили его судьбу, сделав его одной из самых одиозных фигур в истории Норвегии. Переосмысление жизни и действий Квислинга позволяет глубже понять сложные исторические процессы и способствует избеганию упрощенных трактовок истории.

«Den ubehagelige fortiden» på sidene i lærebøker for videregående skole

Vasilij Kuznetsov

historielærer

Kompas barnehage, Bar, Montenegro

Mihail Kopica

historielærer

Adriaterhavet-Novis skole

Herceg-Novis, Montenegro

ABSTRAKT

Denne undersøkelsen analyserer hvordan fremstillingen av den «ubehagelige fortiden» har utviklet seg i russiske skolebøker fra 2009 til 2016. Artikkelen undersøker bruken av metaforer og eufemismer for å beskrive undertrykkelse og andre traumatiske hendelser i det tjuende århundre, med hovedvekt på endringene i lengde og innhold i avsnitt som omhandler temaer som Gulag, Molotov–Ribbentrop-pakten og andre sensitive spørsmål. Undersøkelsen viser at lærebøkene fra 2016 ofte benytter en mer neddempet ordlyd og forkorter tekstene, noe som kan svekke muligheten for en grundig bearbeiding av historiske traumer i dagens russiske samfunn.

Lærebøker i historie og litteratur i Russland fungerer ofte som en kanal for indoktrinering, som former elevenes holdninger til historiske hendelser og nasjonale helter i tråd med statens ideologi. Utdanningsforskeren Tchapkovsky har advart om at skolen som en mekanisme for indoktrinering er upålitelig, ettersom både lærere og elever kommer dit med sine unike familieerfaringer. Likevel forblir humaniora-lærebøker viktige verktøy for formidling av metaforer som staten benytter for å forme

befolkningens oppfatning av fortid, nåtid og fremtid.¹ Det er nettopp på skolen at oppfatningen om enkelte «vanskelige spørsmål», det vil si om spesifikke historiske hendelser og perioder, blir grunnlagt.

Av de tjue komplekse spørsmålene som er definert i den historisk-kulturelle standarden² er åtte viet traumatiske hendelser i det 20. århundre.³ En slik konsentrasjon av temaer knyttet til nyere historie reflekterer statens ønske om å forme en bestemt historiefortelling om Russland blant skoleelever. Det bør bemerkes at dette ikke bare er historie, men en del av den som lever i minnet og er gjenstand for mange tolkninger, både fra revisjonister og skapere av muntlig historie. Et illustrerende eksempel er myten om «Panfilovs 28 menn»⁴, som fortsatt finnes i lærebøkene, selv om denne myten har blitt avkreftet av den militære påtalemyndigheten.⁵

Diskusjonen i russiske skoler om 1900-tallet er aldri en enkel samtale. Deltakerne i denne diskusjonen bærer med seg sin egen unike erfaring og verner om minnet om sine forfedre. Derfor, avhengig av tema, forsvarer de med stort engasjement sitt syn på en traumatisert fortid. Her møtes sorgen over fortiden og stoltheten over den samme fortiden. Historikeren Nikolay Eppele bemerker at i Russland utvikler den offentlige diskusjonen om historien seg i et «handling-reaksjon»-paradigme: Etter at et monument for Stalin eller Ivan den grusomme blir reist, flyttes det til slutt fra sted til sted eller blir på en eller annen måte vanæret.⁶

Elevene får vite om den «ubehagelige fortiden», altså om statlige forbrytelser i Russland, gjennom lærebøkene i 10. klasse. I løpet av de siste

1 Tchapkovsky F. Historielæreboken og det ideologiske underskuddet (Учебник истории и идеологический дефицит) // Pro et Contra, 2011. S. 117–133.

2 Den historisk-kulturelle standarden er et sett med retningslinjer for historieundervisning og -forståelse i Russland. Denne standarden ble utviklet for å skape en felles tilnærming til historieundervisning og for å fremme en mer enhetlig forståelse av landets historie. (Komment.red.)

3 Historisk-kulturell standard // Allrussisk sivil forsamling av patrioter: Samling av deltakermaterialer, Moskva: Det russiske føderale utdannings- og forskningsdepartementet; Rosmolodezj, 2013, s. 42–106.

4 Denne legenden, som omhandler 28 sovjetiske soldater som angivelig ofret sine liv for å stoppe en tysk tankkolonne utenfor Moskva i 1941, har vist seg å være en fabrikkasjon. Til tross for at en sovjetisk militærundersøkelse i 1948 avslørte at historien var oppdiktet, har myten fortsatt å leve i russisk kultur og utdanning. (Komment. red.)

5 Khazanov, A. M. (2017). Hvem skal man sørge over og hvem skal man glemme? (Re) konstruksjon av kollektiv hukommelse i dagens Russland. Istoricheskaya ekspertiza, 2017, №. 1, s. 30–66.

6 Eppele, N. Det ubehagelige fortid: Minnet om statlige forbrytelser i Russland og andre land. (Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах). Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2020, s. 12.

20 årene har det skjedd betydelige endringer når det gjelder lærebøker i Russland, og derfor er det relevant å studere hvordan måten denne ubehagelige fortiden reflekteres i skolens lærebøker på, har endret seg. Dette temaet er spesielt viktig i lys av den endrede godkjenningspolitikken for lærebøker til bruk i undervisningen. Historikeren og metodologen Svetsjnikov uttrykte bekymring allerede i 2004 angående lærebøkernes ideologiske rolle i historieundervisningen. Han påpekte at myndighetene, under påskudd av å støtte en stilltiende offentlig konsensus, i realiteten tok kontroll over lærebøkernes innhold. Dette resulterte i at deres egen historieforståelse ble påtvunget det profesjonelle historikersamfunnet.⁷

Forskningsinteressen for problemet med den «ubehagelige fortiden» i skolebøkene har ikke minsket de siste 25 årene. Izabella Ogonovskaja, en forsker innen humaniora-undervisning, analyserte metaforene som ble brukt for å beskrive undertrykkelse, i 20 lærebøker fra 1990- til 2010-tallet. Hun påpeker at forfatterne av dagens lærebøker jobber innenfor rammen av ideologien i den historisk-kulturelle standarden⁸, som innebærer å utelukke alternative synspunkter.⁹ Andrey Suslov og Ekaterina Sjujskaja, spesialister på nyere russisk historie og forfattere av historielærebøker, har studert fremstillingen av det demokratiske skiftet på 1990-tallet og beskrevet hvordan bildet av datidens politiske ledere har endret seg i lærebøkene.¹⁰

Den sammenlignende tilnærmingen, som er brukt av mange forskere, bygger på en kvalitativ innholdsanalyse som undersøker undertrykkelse gjennom endringer i de metaforene som beskriver undertrykkelsen. Med denne tilnærmingen mister forskeren imidlertid et fast utgangspunkt for sammenligning, da en objektiv norm mangler – vurderingene sees kun i forhold til hverandre, og endringer blir konseptualisert på tvers av tidsperioder. For å overkomme denne metodologiske utfordringen har vi valgt en kvantitativ analysemetode for å undersøke hvordan temaet

7 Svetsnikov, A. (2004). Kampen om historielærebøker i det postsovjetske Russland: hovedtendenser og resultater. *Neprikosnovennyj zapas. Debatter om politikk og kultur*, 2004. №. 4. s. 70–77.

8 Utkast til historisk-kulturell standard, s. 3 // URL: <https://www.kommersant.ru/docs/2013/standart.pdf>

9 Ogonovskaja, I. S. (2022). Diskusjoner om sovjetisk totalitarisme og deres refleksjon i skolens historiebøker fra slutten av det 20. til begynnelsen av det 21. århundre. I *Innholdsmessige og metodiske aspekter ved undervisning av «vanskelige spørsmål» i historie (til 350-årsjubileet for Peter den stores fødsel)*, 2022. s. 31–43.

10 Suslov, A. B. & Sjujskaja, E. V. *Skolebøker om den demokratiske overgangen i Russland på 1990-tallet. Meldinger fra Altaj statlige universitet*, 2020. S6(116), s.68–72.

«ubehagelig fortid» fremstilles i moderne russiske historielærebøker for videregående skole.

Som utgangspunkt valgte vi læreboken *Russlands historie. Fra 1900-tallet til begynnelsen av 2000-tallet* fra 2009, skrevet av Zagladin, Minakov, Kozlenko og Petrov. Valget av denne læreboken er ikke tilfeldig: For det første ble den utgitt av *Russkoje slovo* (Russisk ord), som utgir lærebøker anbefalt av utdanningsdepartementet og merket med «Oppfyller FGOS» (Føderal statlig utdanningsstandard). For det andre er læreboken skrevet før den historisk-kulturelle standarden ble vedtatt, da forfatterne hadde større frihet til å bestemme innhold og metodisk tilnærming.

Begrepet «ubehagelig fortid» (eng. *uncomfortable past*) er mye brukt i historisk forskning og i diskusjoner knyttet til kollektivt minne og traumatiske hendelser i fortiden. Begrepet om den ubehagelige eller traumatiske fortiden som gjenstand for offentlig og historisk erindring har vokst frem i vestlig historiografi og humaniora. Nikolai Eppe tilpasset begrepet «ubehagelig fortid» til den russiske konteksten og populariserte det. I definisjonen av «ubeleilig fortid» har vi kommet frem til at det er hensiktsmessig å ta i betraktning statens forbrytelser både mot sin egen befolkning og mot nabostater og nabofolk. Bearbeidelsen av slike episoder krever store emosjonelle og intellektuelle anstrengelser fra samfunnet. Skoleboken forbereder den unge generasjonen på fremtidige samtaler om historiske spørsmål, og måten dette formidles på i skolen, påvirker i stor grad hvor vellykket de kommende generasjonenes håndtering av landets historiske arv blir.¹¹

For å vurdere tilstedeværelsen av den «ubehagelige fortiden» i den opprinnelige læreboken samlet vi temaene som kan kategoriseres som ubehagelige, og telte opp hvor stor andel av det totale sidetallet disse temaene var viet.

Den første gruppen består av enkelte temaer som er viet mindre enn én side: Holodomor (hungersnøden i Ukraina som følge av kollektiviseringen) er viet åtte linjer, kollaborasjon seks linjer, Holocaust én linje og krigsfangenskap åtte linjer. Det er verdt å merke seg at kapitlene ikke inneholder begreper som «kulturell revolusjon», «kollaborasjon» (samarbeid med fienden) eller «Holodomor». Informasjonen om Holodomor presenteres under overskriften «Kollektivisering og konsekvenser»

11 Sjtserbinin, A. I. «Fra bildet i din ABC-bok» eller Az, Vedi, Glagol, Myslete og Zhivete i totalitær indoktrinering. Polis. Politiske studier, 1999. №. 1. s. 116–136.

i kapittelet «Modernisering av økonomien og forsvarssystemet på 1930-tallet».

Den andre gruppen består av temaer som utgjør mellom én og to prosent av lærebokens totale volum, altså mellom en halv og én side. Til disse temaene hører «rød terror» (en halv side), hungersnøden 1921–1922 (en halv side), Warszawa-opprøret (én side), intervensjonen i Ungarn— (én side) og intervensjonen i Tsjekkoslovakia (én side). Det bemerkes at ingen av disse temaene er nevnt i kapiteltitlene; alle de problematiske spørsmålene er skjult bak mer nøytrale og tilforlatelige formuleringer.

Den tredje gruppen består av episoder fra «den ubehagelige fortiden» som forfatterne har viet fra 0,5 til 2,5 sider, eller fra 0,003 til 0,005 prosent av lærebokens totale volum. I denne gruppen inngår bondeopprørene 1921–1922 (en halv side), personlighetskult (to og en halv side), represalier (en halv side), Molotov–Ribbentrop-pakten (to og en halv side), delingen av Polen i 1939 (to sider), deportasjon av folkegrupper (en halv side) og Statskomiteen for unntakstilstanden (GKTsjP) (en halv side). Det bemerkes at kapiteltitlene inneholder referanser til personlighetskult og undertrykkelser, men de øvrige temaene blir nøytralt presentert i titlene.

Den fjerde temagruppen er like stor som de tre foregående gruppene til sammen. I denne gruppen inngår temaer som i læreboken får fra tre til ni sider (0,006–0,018 prosent). Eksempelvis får kollektiviseringen og dens konsekvenser tre sider, i underkapittelet «Moderniseringen av økonomien og landets forsvarssystem på 1930-tallet». Den kulturelle revolusjonen og etterkrigsrepresaliene får også tre sider hver, i avsnittet «Sovjetunionen i Stalins siste leveår». Den sovjetiske invasjonen av Afghanistan får til sammen tre og en halv side, fordelt på de to avsnittene «Fordypning av krisetendenser i Sovjetunionen» og «Ny politisk tenkning: fremskritt og utfordringer».

Temaet interetniske konflikter dekkes over seks sider (0,01 prosent av det totale sideantallet), og oppløsningen av Sovjetunionen får tre sider, i avsnittet «Krise og oppløsning av det sovjetiske samfunnet». Den politiske krisen i 1993 behandles over tre og en halv side i avsnittet «Den politiske krisen i 1993: På randen av borgerkrig» i kapittelet «Politisk utvikling i Russland på 1990-tallet». Videre behandles valgene i 1996 over tre og en halv side i avsnittet «Samfunnsutfordringer og politiske utfordringer i Russland i andre halvdel av 1990-tallet», og den tsjetsjenske konflikten omtales over fem sider i avsnittene «Samfunnsutvikling og politisk utvikling i Russland i andre halvdel av 1990-tallet» og «Russland i begynnelsen av det 21. århundre».

Selv om vi ikke anser spørsmålet som kontroversielt, at temaet om NATO-utvidelsen mot øst gis fire og en halv side, noe som utgjør nesten 1 prosent av lærebokens totale omfang.

Til slutt, i den femte og siste gruppen, finner vi et av de dypeste traumene i det russiske samfunnet, da mange nålevende, inkludert forfatterne av denne artikkelen, selv har opplevd denne perioden. Ti sider er viet kapittelet «Kursen for reformer», som omhandler sjokkterapi, prisliberalisering og privatisering på 1990-tallet. I journalistikken omtales denne perioden ofte som «tiden da klassen av effektive eiere oppsto», og den knyttes til en urettferdig fordeling av sovjetarven. Den utbredte følelsen av bitterhet i Russland på 2000-tallet er først og fremst knyttet til motstridende oppfatningen av dette traumet i det russiske samfunnet.

I disse delene som til sammen utgjør 518 sider, er én side viet til hvert av temaene rød og hvit terror, industrialiseringens kostnader, Molotov–Ribbentrop-pakten, undertrykkelsen av oppstanden i Ungarn, separatisme i Russland på 1990-tallet, den første Tsjetsjenia-krigen, terrorangrep i Moskva og den andre Tsjetsjenia-krigen. Til denne gruppen hører også beskrivelsen av de sosioøkonomiske konsekvensene av Russlands utvikling på 1990-tallet i avsnittet «De første resultatene og kostnadene ved de økonomiske reformene»: «Alt dette førte til økning i kriminalitet, korrupsjon og utførsel av store kapitalbeløp fra landet.» I læreboken bemerkes det at pakten vurderes som en «standard» praksis innen diplomati på den tiden, og hendelsene i Tsjekkoslovakia omtales sammen med hendelsene i Polen på 1980-tallet.

Forfatterne har viet to sider til undertrykkelsen av befolkningen i etterkrigstiden, fra 1945 til 1953, hvor det i kapittel «Endringer i politisk stabilitet i etterkrigsårene» under avsnittet «Metoder for opprettholdelse av sosial stabilitet» oppgis at det totale antallet fanger i Gulag-systemet var 5,5 millioner i 1953. Forfatterne oppgir imidlertid ikke informasjon om årsakene til at så mange personer havnet i Gulag, eller hvilke spesifikke politiske eller strafferettslige paragrafer som ble brukt.

Den økonomiske virksomheten til Gulag blir behandlet i avsnittet «Det store vendepunktet. Industrialisering» under delen «Den sovjetiske industrialiseringens forløp og særegenheter», som til sammen utgjør mindre enn én side. Tvungen kollektivisering og utrenskning av kulakker er presentert som en del av kollektiviseringsprosessen, men gjennomgangen av dette traumatiske kapittelet i historien tar mindre enn én side.

Når det gjelder den sovjetiske invasjonen av Afghanistan, presenterer forfatterne materialet på én side, der de i ett avsnitt gir opplysninger

om tapstall og hvor lenge den sovjetiske tilstedeværelsen i Afghanistan varte. Forfatterne av læreboken legger særlig vekt på de økonomiske konsekvensene av krigen, men med fokus på Sovjetunionen snarere enn Afghanistan, og knytter Sovjetunionens økonomiske problemer til de store utgiftene til krigen.

Oppløsningen av Sovjetunionen får mindre enn én side, og konsekvensene av oppløsningen er formulert slik: «En trussel mot landets territoriale integritet ble skapt. Den selverklærte Kongressen for folkene i Itsjkeria¹² og Dagestan erklærte at målet var å opprette et islamsk kalifat fra Svartehavet til Kaspihavet.»

Hendelser fra nyere tid, som krigen i Georgia i 2008, valget i 2011 og Sotsji-OL i 2014, får minimalt med omtale: åtte linjer er viet til OL, en halv side til konflikten i Sør-Ossetia og litt mer enn en halv side til valget. Når det gjelder protestene mot valgfusk, heter det i læreboken: «De mange demonstrasjonene og protestene som fant sted i hovedstaden og andre byer, vitnet om økt politisk aktivitet i det russiske samfunnet.»

Erfaringene fra lærebøker fra 2009 og 2016 ga grunnlag for en forsiktig antagelse om en endring i statens politikk når det gjelder «ubehagelig fortid» i russiske skolebøker om historie. I lærebøker som kom før innføringen av den historisk-kulturelle standarden, var tilnærmingen til ulike temaer ikke strengt regulert. Eksempler på «ubehagelig fortid» ble ofte brukt som overskrifter i kapitler, og omfanget av tekst viet til ulike temaer varierte betydelig. Men i 2016 forsvant formuleringer som hadde vært diskutert i offentligheten, fra kapitteloverskriftene. For eksempel ble Gulag nå behandlet i en økonomisk kontekst, og de aller fleste «ubehagelige temaer» fikk nå én side eller mindre.

Allment aksepterte historiske formuleringer ble i lærebøker erstattet av journalistisk «nyttale», med bruk av eufemismer og andre omskrivninger. For eksempel ble kapitteltitler som i 2009 nevnte Molotov–Ribbentrop-pakten, i 2016 erstattet av vagere formuleringer som «Sovjetunionen i internasjonal politikk på tampen av andre verdenskrig».

12 Den tsjetsjenske republikken Itsjkeria var en selverklært, uavhengig stat opprettet av separatistbevegelsen i Tsjetsjenia etter Sovjetunionens oppløsning. Itsjkeria eksisterte som en de facto uavhengig republikk fra 1991 til 2000, med en konfliktfylt status og internasjonal uenighet om anerkjennelse. Den tsjetsjenske bevegelsen for uavhengighet førte til de to tsjetsjenske krigene (1994–1996 og 1999–2000) mellom tsjetsjenske separatister og Russland. Konflikten var preget av et ønske om selvstyre og opprettelse av en islamsk stat i deler av Nord-Kaukasus. (Komment. red.)

I 2009-læreboken kan vi se en tendens til, og i 2015-læreboken en markant utvikling mot, mildere formuleringer i omtalen av den traumatiske nyere historien. Reduksjonen i både relativ og absolutt mengde tekst viet til «ubehagelige temaer», sammen med endringer i formuleringene, reduserer sannsynligheten for at det moderne russiske samfunnet vil kunne bearbeide historiske traumer på en tilfredsstillende måte.

Konklusjon

Denne undersøkelsen viser at det har vært betydelige endringer i hvordan man fremstiller «ubehagelig fortid» i russiske skolebøker om historie. I 2016-utgavene av lærebøkene er mengden tekst som er viet til traumatiske hendelser, merkbart redusert sammenlignet med utgaver fra 2009. Formuleringene er også endret, noe som resulterer i en vagere og mer neddempet presentasjon av materialet. Denne prosessen er ledsaget av bruk av forenklete «nyttale» og eufemismer, som kompliserer forståelsen og bearbeidelsen av historiske traumer. Reduksjonen i omfanget og endringen i fremstillingen av «ubehagelig fortid» reduserer sannsynligheten for en vellykket forståelse og bearbeidelse av historiske traumer i det moderne russiske samfunnet.

«Неудобное прошлое» на страницах школьных учебников в старших классах

Василий Кузнецов
учитель истории
Школа-сад «Компас»
г. Бар, Черногория

Михаил Копица
учитель истории
Школа «Адриатик-Нови»
г. Херцег-Нови, Черногория

АННОТАЦИЯ

Настоящее исследование посвящено анализу трансформации представления «неудобного прошлого» в российских школьных учебниках с 2009 по 2016 годы. В работе рассматриваются метафоры и эвфемизмы, используемые для описания репрессий и других травматичных событий XX века. Основное внимание уделено изменению объема и содержания параграфов, посвященных таким темам, как ГУЛАГ, пакт Молотова-Риббентропа, и другим неудобным вопросам. Исследование показывает, что в учебниках 2016 года наблюдается тенденция к сглаживанию формулировок и уменьшению объема текста, что снижает вероятность успешной проработки исторической травмы современным российским обществом.

Школьные учебники по истории и литературе в России часто выполняют роль канала индоктринации, формируя у учеников определённое отношение к историческим событиям и национальным героям

в соответствии с государственной идеологией. Ф. Чапковский, исследователь системы образования, предупреждал, что школа как механизм индоктринации ненадежна, так как и учителя, и ученики приходят туда со своим уникальным семейным опытом, но несмотря на это школьный учебник по гуманитарной дисциплине остаётся важным инструментом для передачи определенных метафор, при помощи которых государство предлагает населению смотреть на прошлое, настоящее и будущее.¹ Именно в школе закладывается представление о некоторых “сложных вопросах”, то есть о конкретных исторических событиях и периодах.

Из двадцати сложных вопросов, выделенных в «Историко-культурном стандарте»², восемь посвящены травматичным событиям XX века. Такая концентрация тем, касающихся недавнего прошлого, отражает запрос государства на формирование у школьников определенного исторического нарратива о России. Отметим, что это не просто история, а её часть, которая живёт в памяти и является объектом многочисленных интерпретаций со стороны ревизионистов и создателей устной истории. Показательна история мифа о «28 панфиловцах», который до сих пор остаётся на страницах учебников, хотя на уровне военной прокуратуры этот миф был развенчан.³

Разговор о XX веке в российских школах никогда не бывает простой беседой. Участники такого разговора — носители собственного уникального опыта, которые бережно хранят память о своих предках. Поэтому, в зависимости от темы, они с определённой эмоциональной вовлечённостью отстаивают ту или иную точку зрения на травматичное прошлое. Здесь скорбь о прошлом сталкивается с гордостью за него. Н. Эппле отмечает, что в России общественная дискуссия об истории развивается в парадигме «действие — реакция»: после установки памятника Сталину или Ивану Грозному новый монумент либо переносится с места на место, либо оскверняется тем или иным образом.⁴

1 Чапковский Ф. Учебник истории и идеологический дефицит // Pro et Contra. -2011. -Январь-апрель. 2011. С. 117–133.

2 Историко-культурный стандарт // Всероссийский гражданский собор патриотов: сборник материалов участника. – М.: Министерство образования и науки Российской Федерации; Росмолодежь, 2013. С. 42–106.

3 Хазанов А. М. О ком скорбеть и кого забыть? (Ре) конструкция коллективной памяти в современной России // Историческая экспертиза, 2017, №. 1. С. 30–66.

4 Эппле Н. Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. – Новое Литературное Обозрение, 2020. С.12

О «неудобном прошлом», то есть о государственных преступлениях в России, ученики узнают из учебников 10-го класса. За последние 20 лет в сфере издания учебников в РФ произошли серьёзные изменения, поэтому изучение трансформации отражения неудобного прошлого в школьных учебниках представляется особенно актуальным. Эта тема важна в свете изменившейся политики допуска учебников для преподавания в школе. Историк и методист А. Свешников ещё в 2004 году предупреждал: «Идеологическая функция учебников оказывается фактором, определяющим поведение всех сил, действующих в сфере школьного преподавания истории. Власть, декларируя поддержку безгласного общественного мнения, позволяет себе определять содержательную сторону учебников, диктуя своё понимание профессиональному сообществу историков»⁵.

Исследовательский интерес к проблематике «неудобного прошлого» на страницах школьных учебников не угасал на протяжении последних 25 лет. Исследователь в области гуманитарного образования И. С. Огоновская проанализировала метафоры, использованные в 20 учебниках 1990-х — 2010-х годов для описания репрессий. Она отметила, что авторы современных учебников работают в рамках идеологии «историко-культурного стандарта»⁶, который предполагает исключение альтернативных точек зрения.⁷ Специалисты по новейшей истории России и авторы школьных учебников А. Б. Суслов и Е. В. Шуйская, изучив подачу материала о демократических преобразованиях 1990-х годов, описали, как изменились образы политических деятелей той эпохи в современных учебниках.⁸

Сравнительный подход, используемый многими исследователями, основывается на качественном контент-анализе, который анализирует репрессии через изменения в метафорах, описывающих их.

5 Свешников А. Борьба вокруг школьных учебников истории в постсоветской России: основные тенденции и результаты // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2004. №. 4. С. 70–77.

6 Проект Историко-культурного стандарта с. 3 // URL: <https://www.kommersant.ru/docs/2013/standart.pdf>

7 Огоновская И. С. Дискуссии о советском тоталитаризме и их отражение на страницах школьных учебников истории конца XX-начала XXI вв // Содержательные и методические аспекты преподавания «трудных вопросов» истории (к 350-летию со дня рождения Петра I). 2022. С. 31–43.

8 Суслов А.Б., Шуйская Е.В. Школьные учебники о демократическом транзите в России в 1990-е гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2020. № S6 (116). С. 68–72.

В таком случае исследователь лишается исходной точки отсчета для сравнения, отсутствует объективная норма — оценки рассматриваются только относительно друг друга, а изменения концептуализируются в межвременном контексте. Чтобы преодолеть эту методологическую трудность, мы выбрали метод количественного анализа, направленный на представление тем «неудобного прошлого» в современных российских учебниках истории для старших классов.

В качестве отправной точки выбран учебник 2009 года, написанный Н.В. Загладиным, С.Т. Минаковым, С.И. Козленко и Ю.А. Петровым, *История России. XX – начало XXI века*. Выбор этого учебника не случаен: во-первых, он издан издательством *Русское слово*, выпускающим учебные пособия, одобренные министерством образования и соответствующие ФГОС (Федеральному государственному образовательному стандарту); во-вторых, учебник создан до принятия Историко-культурного стандарта, когда авторам предоставлялась большая свобода в определении содержания и методического подхода.

Термин «неудобное прошлое» (англ. «uncomfortable past») широко используется в исторических исследованиях и обсуждениях, связанных с коллективной памятью и травматическими событиями прошлого. Концепция неудобного или травматичного прошлого как предмета общественной и исторической памяти возникла в западной историографии и гуманитарных науках. Николай Эппле адаптировал и популяризировал термин «неудобное прошлое» в российском контексте.⁹

В определении «неудобного прошлого» мы пришли к выводу, что под ним уместно рассматривать отражение преступлений государства как против своего населения, так и против соседних государств, народов. Проработка таких эпизодов требует от общества больших эмоциональных и интеллектуальных усилий. Школьный учебник готовит молодое поколение к обсуждению исторических вопросов, и то, как это обсуждение формируется в школе, во многом определяет успех работы с историческим наследием для следующих поколений.¹⁰

9 Эппле Н.В. Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах, М: Новое литературное обозрение, 2020.

10 Щербинин А. И. «С картинки в твоём букваре» или Аз, Веди, Глагол, Мыслете и Живете тоталитарной индоктринации // Полис. Политические исследования. 1999. №. 1. С. 116–136.

Для оценки представленности «неудобного прошлого» в исходном учебнике мы собрали темы, которые можно отнести к этому понятию, и соотнесли количество страниц, выделенных этим темам, с общим объёмом учебника. К первой группе мы отнесли темы, на которые отведено менее одной страницы: «Голодомор» (последствия коллективизации на Украине) — восемь строк, «Коллаборационизм» — шесть строк, «Холокост» — одна строка, «Плен» — восемь строк. Примечательно, что в заголовках параграфов учебника отсутствуют такие понятия, как «Культурная революция», «Коллаборационизм» (сотрудничество с врагом), «Голодомор». Информация о Голодоморе представлена как «Коллективизация и последствия» в разделе «Модернизация экономики и оборонной системы страны в 1930-е годы».

Ко второй группе мы отнесли темы, составляющие от одного до двух процентов от общего объёма учебника, то есть от половины до одной страницы. К таким темам относятся: «Красный террор» — полстраницы, «Голод 1921–1922» — полстраницы, «Варшавское восстание» — одна страница, «Интервенция в Венгрию» — одна страница, «Интервенция в Чехословакию» — одна страница. Примечательно, что ни одна из этих тем не вынесена в заголовок параграфа или пункта, а все спорные вопросы поданы под более нейтральными и обтекаемыми формулировками.

Третья группа — это эпизоды «неудобного прошлого», которым авторы уделили от полутора до двух с половиной страниц, что составляет от 0,003 до 0,005 от общего объёма учебника. В эту группу вошли: «Крестьянские восстания 1921–1922» — полторы страницы, «Культ личности» — две с половиной страницы, «Репрессии» — полторы страницы, «Пакт Молотова-Риббентропа» — две с половиной страницы, «Раздел Польши 1939 г.» — две страницы, «Депортация народов» — полторы страницы, «ГКЧП» — полторы страницы. Отметим, что в названиях параграфов присутствуют упоминания культа личности и репрессий, однако остальные темы остаются нейтрально обозначенными.

Объём четвёртой группы тем сопоставим с объёмом предыдущих трёх групп, взятых вместе. В этой группе темы, которым посвящено в учебнике от трех (0,006) до девяти (0,018) страниц. «Раскулачивание и его последствия» — три страницы в параграфе «Модернизация экономики и оборонной системы страны в 1930-е годы». «Культурная революция», «Послевоенные репрессии» — три страницы в параграфе «Советский союз в последние годы жизни Сталина». Вторжению в

Афганистан отведено суммарно три с половиной страницы, в двух параграфах: «Углубление кризисных явлений в СССР», «Новое политическое мышление: достижения и проблемы», «Межнациональные конфликты» - шесть страниц или 0,01 от объема, «Распад СССР» - три страницы в параграфе «Кризис и распад советского общества», «Политический кризис 1993 г.» - три с половиной страницы в параграфе «Политический кризис 1993 года. На грани гражданской войны» в параграфе «Политическое развитие России Российской Федерации в 1990-е гг.», «Выборы 1996 г.» - три с половиной страницы в параграфе «Общественно-политические проблемы России во второй половине 1990-х гг.», «Чеченский конфликт» - пять страниц в параграфах «Общественно-политическое развитие России во второй половине 1990-х гг.» и «Россия в начале XXI в.». Подчеркнем, хотя и не считаем данный вопрос неудобным, что теме расширения НАТО на Восток отводится четыре с половиной страницы, что составляет без малого 1% от общего объема учебника.

Наконец, в последней группе - одна из сильнейших травм российского общества, так как многие ныне живущие, включая авторов данной статьи, её пережили. Десять страниц занимает параграф «Курсом реформ», в котором освещается шоковая терапия, либерализация цен, приватизация в 1990-х. В публицистике этот период принято называть «эпохой зарождения класса эффективных собственников» и связывать с несправедливым разделом советского наследия. Советский ресентимент 2000-х, в первую очередь, связан противоречивым восприятием этой травмы в российском обществе.

В этих частях, которые суммарно составляют 518 страниц, по одной странице посвящено красному и белому террору, цене индустриализации, пакту Молотова-Риббентропа, подавлению венгерского восстания, сепаратизму в России в 1990-х, Первой чеченской войне, терактам в Москве, Второй чеченской войне. К этой же группе относится и описание социально-экономических итогов развития России в 1990-е в параграфе «Первые результаты и цена экономических реформ»: «Всё это вело к росту преступности, коррупции и вывозу из страны огромных капиталов». Отметим, что пакт оценивается как «стандартная» практика для дипломатии того времени, а события в Чехословакии описаны в одном пункте с событиями в Польше в 1980-х.

В параграфе «Изменение политической стабильности в послевоенные годы» в разделе «Методы поддержания социальной

стабильности» авторы отвели две страницы на рассказ о послевоенных репрессиях 1945–1953 гг., где приводят общую численность заключенных в системе ГУЛАГа (5,5 миллионов) на 1953 г. Однако, авторы не приводят данных относительно причин и конкретных политических или уголовных статей, по которым в ГУЛАГе находилось такое количество человек.

Экономическая деятельность ГУЛАГа рассматривается в рамках параграфа «Большой перелом. Индустриализация» в разделе «Ход и особенности советской индустриализации», на что суммарно приходится меньше страницы. Раскулачивание представлено как часть коллективизации, причём рассмотрение этого травматичного прошлого занимает менее одной страницы.

Что касается ввода советских войск в Афганистан, авторы изложили материал на одной странице, описав данные о потерях и сроках пребывания. Авторы учебника сделали отдельный акцент на экономических последствиях войны, однако не с афганской, а с советской стороны, связывая экономические проблемы СССР с чрезмерными расходами на войну.

Распаду СССР посвящено меньше страницы, а следствие распада сформулировано следующим образом: «Создалась угроза территориальной целостности страны. Самопровозглашенный Конгресс народов Ичкерии и Дагестана объявил своей целью создание исламского халифата от Чёрного до Каспийского моря».

Событиям новейшего времени, например, войне в Грузии в 2008 г., выборам 2011 г., Олимпиаде в Сочи 2014 г. авторы отводят минимальные объёмы: на олимпиаду восемь строчек, на конфликт в Южной Осетии полстраницы, на выборы чуть больше полстраницы. Относительно протестных выступлений против фальсификаций на выборах в учебнике говорится: «Многочисленные митинги и демонстрации, прошедшие в столице и других городах, свидетельствовали об усилении политической активности в российском обществе».

Опыт рассмотрения учебников 2009 и 2016 гг. позволяет сделать осторожные предположения об изменении политики государства относительно «неудобного прошлого» на страницах школьных учебников по российской истории. В учебниках, предшествующих введению Историко-культурного стандарта, подход к изложению различных тем не был строго регламентирован. Примеры «неудобного прошлого» часто попадали в заголовки параграфов, и на разные темы отводилось различное количество текста. Однако в 2016 году

общественно обсуждаемые формулировки исчезли из заголовков. В частности, ГУЛАГ стал рассматриваться в экономическом контексте, а подавляющему большинству «неудобных тем» теперь уделяется одна или менее одной страницы.

Общепринятые исторические формулировки были заменены в учебной литературе публицистическим «новоязом», набором эвфемизмов и иных иносказаний. Например, если в 2009 году пакт Молотова-Риббентропа упоминался в названии параграфа, то в 2016 году его заменили более обтекаемой формулировкой, такой как «СССР в международной политике накануне начала Второй мировой войны».

В учебнике 2009 года намечается, а в издании 2015 года утверждается тенденция к смягчению формулировок в заголовках и описании травматичных событий новейшей истории. Снижение как относительного, так и абсолютного объема текста, посвященного освещению тем «неудобного прошлого», в совокупности с изменением формулировок, уменьшает вероятность успешной проработки исторической травмы современным российским обществом.

Вывод

Результаты исследования показывают значительные изменения в подходе к представлению «неудобного прошлого» в российских школьных учебниках по истории. В учебниках 2016 года по сравнению с изданиями 2009 года заметно сокращено количество текста, посвященного травматичным событиям, и изменены формулировки, что приводит к более обтекаемому и менее травмирующему изложению материала. Этот процесс сопровождается использованием «новояза» и эвфемизмов, что усложняет восприятие и проработку исторической травмы. Уменьшение объема и изменение характера представления «неудобного прошлого» снижают вероятность успешного осмысления и преодоления исторических травм современным российским обществом.

Koloniale motiver i russiske lærebøker i historie

Mikhail Kopitsa
historielærer
Adriatik-Novi-skolen
Herceg Novi, Montenegro

ABSTRAKT

Artikkelen tar for seg måten det russiske imperiets koloniale historie er gjengitt på i fagtekster for grunnskolen, og hvordan koloniale motiver gjenspeiles i gjeldende russiske lærebøker i historie. Søkelyset er rettet mot hovedbudskapet i skolefaget Russlands historie, nemlig forsvar av grenseutvidelser og koloniale erobringer. Samtidig er det kun utvalgte koloniale motiver som blir gjengitt i lærebøker, mens andre hendelser forbigås i stillhet eller tegnes et forvrengt bilde av, som er tilpasset aktuelle ideologiske behov.

Innledning

Innlemming av ulike folkeslag i det russiske imperiet og territoriell ekspansjon hadde stor innvirkning på de underkastede folkeslagenes og områdenes politiske og sosiale status, men også på interne prosesser i imperiet. Erobringer og annekteringer utløste ofte motstand og konflikter. Påtvingelsen av russisk kultur førte til gradvis tap av de opprinnelige folkeslagenes tradisjoner, språk og skikker. Enkelte folkeslag motsatte seg aktivt assimilering, noe som resulterte i væpnede opprør og nasjonale frigjøringsbevegelser.

Disse prosessene utgjør en sentral del av den offisielle fortellingen om Russlands historie, slik den er presentert i skolebøker. Ettersom innholdet i disse bøkene er under statlig kontroll, får fremstillingen av historien ofte en politisk vinkling. For å forenkle analysen introduserer vi begrepet «koloniale motiver», som vi bruker til å beskrive tilfeller av innlemming av folkegrupper, territoriell ekspansjon, assimilering og motstand.

Koloniale motiver forstås som en gruppe narrative og diskursive representasjoner av hendelser som er knyttet til kolonial tematikk, slik den kommer til uttrykk i lærebøker. Selv om det finnes et betydelig antall slike representasjoner i russiske skolebøker, er utfordringen at de sjelden blir fremstilt som koloniale, noe som vanskeliggjør en kritisk analyse.

Vi legger til grunn at kolonialisme er et system i det 15.–20. århundre hvor en gruppe industristater og -land (metropoler), herunder Russland, har herredømme over resten av verden. Dette begrepet er tett knyttet opp mot kolonialpolitikk, som innebar erobring og ofte militær, politisk og økonomisk utnyttelse av folk og av land og områder som hovedsakelig var bebodd av personer med annen etnisk opprinnelse, og som som regel var mindre økonomisk utviklet.¹

Det som er spesielt for Russland, er at enkelte områder i vest som faktisk var kolonier styrt utenfra, ofte var mer utviklet enn selve kjerneområdet (metropolen). Koloniseringsprosessen påvirket dermed også selve kjerneområdet. Begrepet intern kolonisering har vist seg å være veldig nyttig for å forstå Russlands imperiale dynamikk.

Fremstillingen av historiske hendelser i lærebøker viser kolonisering i henhold til både historikeren Vasilij Kliutsjevskijs syn– «Russland er et land som koloniseres»² – og Aleksander Etkinds fortolkning av kolonisering som «selvkolonisering»³.

Analyse av skolebøker

«Det er totalt 89 temaer relatert til intern og ekstern kolonisering. Disse er fordelt over 136 paragrafer og tekster beregnet på selvstendig lesing. I tekstene som det er meningen at elevene skal lese på egen hånd, er det 32 fortellinger, som hovedsakelig dreier seg om ekstern kolonisering. Det er flere særegenheter som skiller koloniale fortellinger fra resten av det historiske landskapet i lærebøkene. En betydelig del av koloniale fortellinger blir bevisst plassert i avsnitt for lesing på egen hånd. Russlands skolehistorie unngår å erkjenne den koloniale naturen til den russiske staten. Lærebøkene «tier» om dette, men røper seg gjennom indirekte

1 Kolonialisme // Store russiske encyklopedi: [i 35 bind] (Большая российская энциклопедия). M.: Store russiske encyklopedi, 2004-2017. — Bind «Russland». — S. 525.

2 Klyuchevsky V.O. *Russisk historie: Fullstendig forelesningskurs i tre bind* (Русская история. Полный курс лекций в трех книгах). Moskva, Mysl, 1995, s. 76.

3 Etkind A.M. *Intern kolonisering: Russlands imperiale erfaring* (Внутренняя колонизация. Имперский опыт России). Moskva, Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2022.

antydninger. Det er umulig å utelate koloniale motiver, ettersom skolefortellingen er bygd på ideologien om territoriell ekspansjon og annektering av land. Men en direkte anerkjennelse av Russland som et kolonialt imperium ville være i strid med den offisielle statlige posisjonen. Dette er det første særtrekket ved fremstillingen av koloniale temaer i lærebøkernes narrative struktur. Derfor finner man ikke ordet 'kolonisering' i lærebøkene. Hendelser som i realiteten har et kolonialt innhold, blir i stedet beskrevet svært vagt som 'territoriell utvidelse. Samtidig er det staten som er det største temaet i det russiske skolefaget historie. For å si det med forfatteren bak Telegramkanalen Scheme of things, cand. phil. i historie Pavel Putsjkov: «Den moderne historiediskursen i skolen stammer fra Nikolaj Karamzins «Den russiske statens historie», men arvelinjen er ikke direkte. Imperiets første felleslærebok for gymnasier fokuserte på «den treenige russiske folkeligheten», historiens sovjetiske versjon – på klasser og partiet. Statsorienterte temaer har først i de siste to tiårene monopolisert hele det historiske feltet. Dette skjedde da myndighetene gikk tom for andre 'bindemidler' enn statisme for å holde samfunnet sammen. Slik vendte skole tilbake til Karamzins diskurs. Historieundervisningen i skolen formidler ganske tydelig ideen om at russernes individuelle og kollektive tilværelse alltid har vært avhengig av statens velvære»⁴. Dette er det andre særtrekket som kjennetegner koloniale fortellinger i lærebøker.

Hovedmassen av koloniale fortellinger utgjør ca. en fjerdedel av alle fakta i tekster i lærebøker. De eneste hendelsene som er sløyfet, er de mest avskyelige, som krigene mot tsjuksjerne, Elisaveta Petrovnas forordning «Om utryddelse av ikke-fredelige tsjuksjer» (egentlig en folkemordforordning), letingen etter Joao da Gamas land, Alaskakrigen, krigen i California, forsøket på å erobre Hawaii osv. Disse episodene diskuteres i detalj i cand. phil. Dmitri Levtsjiks publikasjoner⁵. Hendelsene er utelatt fra lærebøkene på grunn av at Russland tapte eller ikke nådde sine mål – f.eks. erobring av land –, eller ikke nådde målene fullt ut eller med en gang. Lærebøker forteller kun om seiere. Det er det tredje særtrekket som kjennetegner fremstillingen av koloniale fortellinger i lærebøker for grunnskolen.

Det finnes ikke noe entydig svar på spørsmålet om hva som var utgangspunktet for den russiske imperialismen (og dermed utgangspunktet for

4 Putsjkov P. <https://t.me/schemeofthings> (hentet 31.07.2023).

5 Levtsjik D. <https://discours.io/> <https://discours.io/levchik> (hentet 31.07.2023).

den russiske kolonialismen), og dette spørsmålet er omdiskutert. Vi legger til grunn Nancy Callmans påstand om at kolonialismens elementer kan spores tilbake til midten av det 15. århundre⁶.

Noen koloniale motiver som er tatt med i læreboka for 6. trinn, er systemet med «foring» (representanter for sentralmakten ble sendt til Moskvas underordnede områder, hvor de ble forsørget av den lokale befolkningen), systemet med livegenskap, som varte frem til 1649, samt en rekke frihetsbegrensninger for bønder i Moskva-Rus. Det sistnevnte temaet er beskrevet i kapittelet «Frihetsbegrensning for bønder» og er inkludert som materiale for selvstudium og prosjektarbeid.

I læreboka for 7. trinn finner man opplysninger om nasjonalstater som senere ble innlemmet i Russland (krimtatarer, Sibir-tatarer, Astrakhan-tatarer, nogajer), i kapittelet «Stater i Volgaregionen, områder nord for Svartehavet, Sibir i midten av 16. århundre» (tekst for selvstudie og prosjektarbeid). Det gis en detaljert beskrivelse av annekteringen av Volgaregionen under Ivan Groznyjs styre, videre av koloniseringen av Sibir og Volgaregionen, og av den russisk-ortodokse kirkens misjonering (i kapittelet «Trosproblem [sic] i annekterte områder»). I det store og hele er kirkens virksomhet og dens rolle i utvidelsen og utviklingen, dvs. koloniseringen, av nye områder beskrevet ganske detaljert. Kirken har alltid stått skulder ved skulder med staten. Annekteringen av Ukraina er beskrevet i kapittelet som heter «Under den russiske herrens styre. Innlemmelse av Ukraina i Russland» (senere, i 2020-utgaven, heter det noe annet – navnet Ukraina er fjernet: «Innlemmelse i Russland av områder styrt av Zaporizjzje-hæren»). Ukrainere er nevnt som et av folkeslagene som ble innlemmet i Russland. Folkeslagene i Volga-regionen, Kaukasus og Sibir er beskrevet fra et etnografisk perspektiv, med fokus på deres levesett, teknologier og trosforestillinger. Ukrainerne, derimot, er hovedsakelig omtalt i sammenheng med deres kamp mot Polen-Litauen i andre halvdel av 1600-tallet, spesielt angående spørsmålet om russisk overherredømme. Foregangsmenn (erobrere av Sibir og Det fjerne østen) beskrives som conquistadorer og skal ifølge teksten ha vært modige, ondsinnede og ærgjerrige, men ordet «kolonisator» er forbudt, det brukes ikke. Det blir understreket at innlemmelsen av sibirfolkene i det imperiale paradigmet gikk tilnærmet fredelig for seg. Det påstås at i motsetning til europeiske kolonister presset ikke russiske kasakker og nybyggere ut eller

6 Callman N.S. *Russlands og dets imperium. 1450-1801.*(Россия и ее империя. 1450-1801). St. Petersburg, Academic Studies Press / Bibliorossika, 2023.

drepte lokalbefolkningen, og lokale stammer beholdte sine jakt- og fiskebesittelser, men måtte betale «yasak». Samtidig nevnes «amanat»-praksisen, hvor enkelte lokale beboere ble tatt som gisler. Det understrekes at russerne forsvarte lokalbefolkningen mot nomadeangrep og løste interne strider. Man legger først og fremst vekt på at det var en fredfull sameksistens mellom lokalbefolkningen og de russiske nybyggerne siden det var mye plass, nok til alle. Selve kapittelet heter «Russiske veifarende og foregangsmenn i det 17. århundre».

Læreboka for 8. trinn omtaler Peter den stores reformperiode, med særlig vekt på motstanden mot reformene. Kapittelet «Sosiale og nasjonale bevegelser. Reformopposisjon» tar for seg ulike årsaker til motstanden, som blant annet skattebyrder, tvungen innføring av europeiske skikker og den multietniske befolkningen i Astrakhan. Det omtaler også hvordan Peter den store ba om og fikk støtte fra den kalmukkiske khanen Ajuka til å slå ned opprør.

Basjkirenes opprør er beskrevet relativt detaljert, og det er også tatt med eksempler på maktmisbruk fra russiske myndigheter overfor basjkirene. I kapittelet «Etnisk og religiøs politikk i 1721–1762» gis en kort oversikt over blant annet disse temaene:

1. Baltikums særstatus siden Peter den stores regjeringstid
2. endringer i Ukrainas styringsform, blant annet avviklingen og gjeninnføringen av hetmantittelen under Anna Ioannovna og Elisaveta Petrovna
3. Basjkirske opprør i 1735–1740 og 1755, inkludert omtale av praksisen med å belønne basjkirene med kasakhiske kvinner/fanger som en del av en 'splitt og hersk'-politikk."
4. reguleringen av buddhistiske lamaers og munkers virksomhet, deres edsavleggelse og fastsettelsen av antallet lamaer
5. massedåp i Volgaregionen, forfølgelsen av de gammeltroende og en ny bølge av selvpåtenninger

«Russlands folkeslag. Katarina IIs etniske og religiøse politikk», en tekst elevene skal lese på egen hånd, beskriver hvordan styret av imperiet ble samordnet. I Ukraina innebar dette avviklingen av Magdeburgretten, innføringen av livegenskap og den endelige avviklingen av hetmanstyret. Læreboka beskriver avskaffelsen av de baltiske statenes fordeler og samordningen av styrene i Smolensk og Novgorod og nevner kosakkstyret i Kuban som ble opprettet ved tvang som følge av atkosakker fra

Zaporizjzje ble fordrevet. Også utenlandske kolonister i Volgaregionen blir omtalt. Dette er den eneste forekomsten av ordet «kolonialisme. Teksten omtaler også tvungen massedåp i Volgaregionen og særskilt kontroll over basjkirer (muslimstyre) osv., og det jødiske bosetningsområdet blir tatt opp. Etter Katerina IIs styre blir navnet Ukraina helt borte fra læreboka. Koloniseringen av Novorossija og Krim har fått et eget kapittel, og denne prosessen beskrives meget detaljert. Man understreker den positive betydningen av annektering og «utvikling» –et ord som brukes som en mildere erstatning for kolonisering. Etter annekteringen av Krim i 2014 har disse hendelsene fått en større plass i russiske lærebøker. Kapittelet om utenrikspolitikk omhandler detaljer rundt delingene av Polen, og det understrekes at Russland ikke fremsatte krav på selve de polske kjerneområdene, men snarere på områder som tidligere hadde vært under russisk innflytelse.

I læreboka for 9. trinn er Finland tatt med i kapitler som handler om etnisk politikk, men ikke Sibir (etter 1861). I «Nikolaj den førstes etniske og religiøse politikk. Landets etniske og kulturelle bilde», en tekst for lesing på egen hånd, ser man på Polen, de baltiske landene (herunder nasjonalbevegelsen i Litauen og Estland), Vestlandet – Ukrainas nye navn (herunder De hellige Kyrillos og Methodios' orden og represaliene mot Taras Sjevtsjenko), jødernes situasjon og kasakhernes underkastelse. Andre temaer er Kaukasuskrigen som handler om erobringen av Kaukasus er fremstilt som uunngåelig og progressiv, det som i sovjetiske lærebøker ble omtalt som «progressiv betydning», er understreket på alle tenkelige måter (slutt på strider mellom naboherredømmer, avskaffelse av slaveri, økonomisk utvikling osv.) og «østspørsmålet» med fokus på krisen i det osmanske riket.

Hvis man tar intern kolonisering med i koloniale fortellinger, kan man se på avskaffelsen av livegenskap og bondekommuner, som i sin natur var en kolonial samhandling mellom staten og bøndene.

Kapitlene «Aleksander IIs utenrikspolitikk» og «Aleksander IIIs utenrikspolitikk» beskriver annekteringen av Sentral-Asia som progressiv, på samme måte som erobringen av Kaukasus. Måten russifiseringen under Aleksander IIIs styre blir forklart på, er tvetydig og følger det sovjetiske paradigmet hvor russifiseringen pekes ut som årsaken til fremveksten av antiimperialistiske holdninger i Polen (og fremveksten av revolusjonsbevegelsen), samtidig som den betegnes som en positiv endring for Sentral-Asias og Kaukasus befolkning. Det at den sovjetiske forståelsen henger delvis igjen, er noe som kjennetegner koloniale motiver.

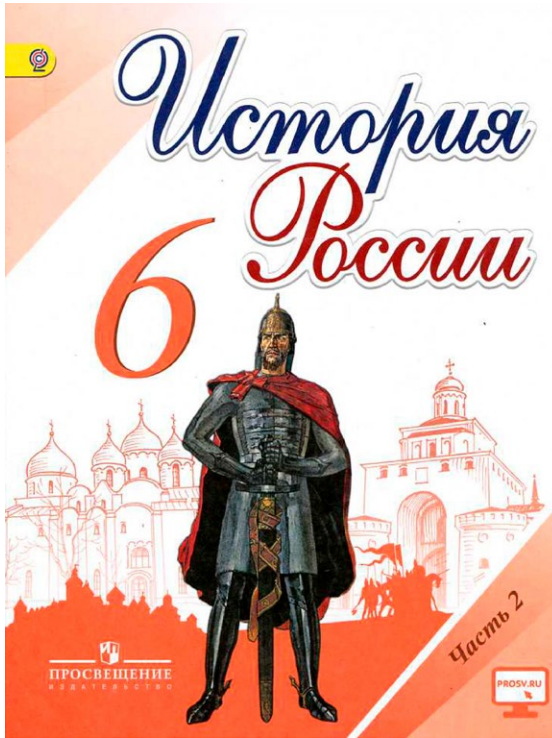
Krigen mellom Russland og Japan i 1904–1905 er beskrevet gjennom begrepet imperialistisk krig, som har en tydelig negativ bibetydning og også bærer preg av den sovjetiske «dialektiske» fortolkningen.

Koloniale motiver og deres fremstilling i russiske skolebøker

I det store og hele ser vi tre veiskiller i fortolkningen av koloniale motiver, avhengig av om de brukes om slaviske/ikke-slaviske folkeslag og områder, vestlige/asiatiske folkeslag og områder og Sibir / Det fjerne østen. Slaviske folkeslag, for eksempel hviterussere og ukrainere, anses for å være en del av det russiske folket. Innlemmingen av dem i imperiet forstås som frigjøring fra undertrykkelse og er beskrevet som en «gjenforening». Innad i det russiske imperiet er polakkene det eneste slaviske folkeslaget som får anerkjent sin nasjonale identitet (i tillegg til storrussere, men disse er ikke med i den koloniale fortellingen). Å underlegge seg ikke-slaviske folkeslag som finner og folkegrupper i Sibir, Midt-Asia og Kaukasus forstås som «progressivt», f.eks. med tanke på finnenes egenstyre, bygging av jernbane og avskaffelse av slaveri og det som var igjen av føydalisme. En lignende beskrivelse benyttes om sibirske folkeslag. Innlemmingen av dem i imperiet anses for å ha vært smertefri og «progressiv». Skolebøkene lærerdel inneholder enkelte spørsmål om grunnene til at koloniseringen («utforskningen») av Sibir var fredelig fra de russiske kolonistorenes side («innvandrere», «foregangsmenn»). Folkeslagene i Det fjerne østen er ikke bare fratatt egenverdi, men er nesten helt fraværende i læretekster. Ainoer, aleuter, korjaker, nanaier, nivkher, eskimoer og yukaghiner er ikke nevnt i det hele tatt (jakuter og tsjuksjer er nevnt).

Skolebøker gir mangfoldige skildringer av kolonisering, men det blir ikke fremstilt som kolonisering. Det er territoriell utvidelse og styrking av myndigheter, som i lærebokas forstand alltid er positivt. Det som ikke er med, er avkolonisering. Det etniske aspektet ved revolusjonsbevegelse blir enten fullstendig ignorert eller ikke trukket frem.

Lærebokas tekst og oppgaver legger ikke til rette for refleksjon over den imperialistiske fortiden. Mangelen på tilrettelegging for refleksjon over Russlands imperialistiske fortid er betinget av politisk engasjement, traumer ifm. Sovjetunionens oppløsning samt fremstillingen av territoriell integritet som en superverdi. Samtidig, som ovennevnte Pavel Putsj-kov påpeker, hersker det «russiske perspektivet» i den postsovjetiske historiediskursen. Dette perspektivet ignorerer ukraineres og hviterussers

Forsiden på læreboken i russisk historie for 6. klasse, utgitt av Prosveshchenie
Foto: Prosveshchenie forlag

nasjonale interesser, hvilket bidrar til en oppfatning av postsovjjetiske stater som et historisk uhell⁷. De er ansett for å være «midlertidig tapte områder». Logikken bak denne oppfatningen er svært enkel: Det var russerne som samlet («annekterte», «utviklet») disse områdene i mange århundrer, derfor er det russerne som eier dem. Til tross for et mangfold av koloniale motiver i lærebøkene sees de alle kun fra kolonisatorens perspektiv.

Ved å lese lærebøkene kan man likevel finne svar på spørsmålet om hvem disse kolonistene var: Det var militærtjenestemenn, klostre, «pionerer» (hva enn dette ordet måtte bety i den russiske historiens sammenheng), bønder, kosakker, utenlandske kolonister, oppdagere, offentlige tjenestemenn, offiserer og straffedømte som deltok i koloniseringen mot sin vilje. Men spørsmålet om hvem som faktisk ble begünstiget av koloniseringen – av «annekteringer», «innlemmelser» og «utvikling» – blir ikke behandlet i lærebøkene.

⁷ Putsjkov P. <https://t.me/schemeofthings> (hentet 31.07.2023).

I virkeligheten kunne ulike grupper i samfunnet, enkeltfamilier eller enkeltpersoner dra fordel av denne prosessen, men dette vies ingen oppmerksomhet i lærebøkene. Det er logisk å anta at staten er det egentlige subjektet og den begunstigede, men ikke staten som et byråkratisk apparat. Det fremstår som om den sanne begunstigede er staten som en tidløs, metafysisk enhet – en evig, gjenoppstått, udødelig Leviathan.

Колониальные сюжеты на страницах российских учебников истории

Михаил Копица
Учитель истории
Школа «Адриатик-Нови»
г. Херцег-Нови, Черногория

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается отражение колониальных сюжетов в действующих российских учебниках истории, особенности репрезентации колониальной истории Российской империи в учебных текстах для средней школы. Показан основной посыл школьного курса истории России как апологетики расширения границ и колониальных захватов. При этом, колониальные сюжеты в учебниках носят селективный характер: некоторые события замалчиваются или искажаются в угоду текущим идеологическим потребностям.

Введение

Вхождение различных народов в состав Российской империи и расширение её территории оказали значительное влияние как на политический и социальный статус покорённых народов и регионов, так и на внутренние процессы в самой империи. Завоевания и принудительные присоединения часто сопровождались сопротивлением и конфликтами. Навязывание русской культуры вело к постепенной утрате традиций, языков и обычаев завоёванных народов. Некоторые народы активно противостояли ассимиляции, что порождало вооружённые выступления и национально-освободительные движения.

Все эти процессы формируют значительную часть официального нарратива о российской истории, представленного в школьных учебниках. Поскольку содержание таких учебников находится под контролем государства, интерпретация исторических событий носит политический характер. Для удобства анализа мы вводим термин «колониальные сюжеты», под которым понимаем факты включения народов в состав империи, территориальной экспансии, ассимиляции и сопротивления.

Колониальные сюжеты представляют собой группу нарративных и дискурсивных репрезентаций, связанных с колониальной тематикой, отражённой в учебных текстах. Несмотря на широкое освещение этих сюжетов в российских учебниках, они редко рассматриваются в контексте колониализма, что затрудняет их критический анализ.

Мы будем исходить из того, что колониализм — система господства группы развитых государств и стран (метрополий), не исключая Россию, над остальным миром в XV—XX веках. С этим понятием тесно связана колониальная политика — политика завоевания и зачастую эксплуатации военными, политическими и экономическими методами народов, стран и территорий преимущественно с инациональным населением, как правило, экономически менее развитых.¹

Особенность России в том, что некоторые территории на западе империи, по факту — колонии, с внешним управлением зачастую были более развиты, чем метрополия, а колонизация затрагивала саму метрополию. Понятие внутренней колонизации оказалось очень продуктивным концептом для понимания имперской динамики России.

В учебниках на уровне репрезентации событий колонизация предстает как в понимании В. О. Ключевского — «Россия есть страна, которая колонизируется»², так и в понимании А. М. Эткинда, как самоколонизация.³

1 Колониализм // Большая российская энциклопедия : [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов. — М. : Большая российская энциклопедия, 2004—2017. — Т. «Россия». — С. 525.

2 Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М.: Мысль, 1995. С. 76.

3 Эткинд А.М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2022

Анализ школьных учебников

Количество сюжетов, имеющих отношение к внутренней и внешней колонизации – 89, они распределены по 136 параграфам и текстам для самостоятельного изучения. Количество сюжетов в текстах для самостоятельного изучения – 32, в основном это внешняя колонизация. Есть несколько особенностей, выделяющих колониальные сюжеты из общей среды исторических сюжетов в учебниках. Значительная часть колониальных сюжетов намеренно выносится в разделы для самостоятельного изучения. Российская школьная историография избегает признания колониального характера российского государства. Учебники «молчат» об этом, но всё же выдают себя через неявные допущения. Избежать упоминания колониальных сюжетов невозможно, поскольку школьный нарратив базируется на идеологии территориальной экспансии и присоединения земель. Однако прямое признание России как колониальной империи противоречило бы официальной государственной позиции. Это первая особенность репрезентации колониальных сюжетов в структуре транслируемого учебниками нарратива. Поэтому слова «колонизация» в учебниках нет. А вполне колониальные по своему содержанию сюжеты характеризуются крайне невнятно, как расширение территорий. При этом главный герой российской школьной истории – государство. Как заметил автор телеграм-канала *scheme of things*, кандидат исторических наук Павел Пучков: «Современный школьный исторический нарратив наследует «Историю государства Российского» Николая Карамзина, но наследование происходило не по прямой линии. Первый имперский единый учебник для гимназий держал в фокусе «триединую русскую народность», советская версия школьной истории – классы и партию. Монополизация всего исторического пространства государственнической тематикой произошла только в последние два десятилетия, когда иных «скреп», кроме этатистских, в арсенале власти не осталось. Так школа вернулась к карамзинскому нарративу. Школьный курс истории довольно явственно проводит мысль, что индивидуальное и коллективное бытие россиян всегда зависело от самочувствия государства»⁴. Это вторая особенность колониальных сюжетов в школьных учебниках.

4 Пучков П. Без названия. Телеграм-канал. URL: <https://t.me/schemeofthings> (дата обращения: 31.07.2023).

Основной массив колониальных сюжетов занимает примерно четверть от всего объема фактологического материала в учебных текстах, опущены только совсем одиозные события вроде войн с чукчами, указа «Об истреблении немирных чукоч» Елизаветы Петровны (фактически, указ о геноциде), поиски Земли Жоана де Гама, войны в Аляске, Калифорнии, попытки захвата Гавайев и др. Об этих сюжетах есть публикации кандидата исторических наук Дмитрия Левчика.⁵ Их нет в учебниках, потому что Россия потерпела поражение, не достигла или не сразу и не в полной мере достигла своих целей – присоединения территорий. В учебниках есть только победы. Это третья особенность репрезентации колониальных сюжетов в структуре учебников средней школы.

Вопрос об исходной точке российской имперскости (а значит, об исходной точке русского колониализма) не имеет однозначного решения и является предметом споров. Мы будем исходить из точки зрения Нэнси Коллманн, которая считает, что элементы колониализма можно проследить с середины XV века.⁶

К колониальным сюжетам в учебнике 6 класса можно отнести систему кормлений (командирование представителей центральной власти в подчинённые Москве территории, содержание которых осуществлялось за счёт местного населения), закрепощение крестьян до 1649 года, а также серию ограничений крестьянских свобод в Московской Руси. Последняя тема изложена в параграфе «Ограничение свободы крестьян» и представлена как материал для самостоятельной работы и проектной деятельности.

В учебнике для 7 класса в пункте «Государства Поволжья, Северного Причерноморья, Сибири в середине XVI века» (материалы для самостоятельной работы и проектной деятельности) есть сведения о государственности народов, позже включенных в состав России: крымские татары, сибирские татары, астраханские татары, ногайцы. Подробно описано присоединения Поволжья при Иване Грозном, дальнейшая колонизация Сибири и Поволжья, миссионерская деятельность РПЦ в пункте «Проблема (!) вероисповедания на присоединенных землях». Деятельность церкви и ее роль в процессах территориальной экспансии и освоения новых земель (что фактически

5 Левчик Д. Дискурс. URL: <https://discours.io/> (дата обращения: 31.07.2023).

6 Коллманн Н.Ш. *Россия и ее империя. 1450-1801*. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2023.

представляет собой колонизацию) описывается в источниках с значительной детализацией. Церковь неизменно выступает в тесном взаимодействии с государственными структурами в этих процессах. Присоединение Украины описано в параграфе под названием «Под рукой российского государя. Вхождение Украины в состав России» (позже, в издании 2020 года, он называется иначе – название Украина было заменено на «Вхождение в состав России земель Войска Запорожского»). Украинцы представлены как один из народов, вошедших в состав России. В то время как народы Поволжья, Кавказа и Сибири описаны с этнографической точки зрения (их быт, технологии, верования), украинцы рассматриваются преимущественно в контексте их противостояния с Речью Посполитой во второй половине XVII века, связанного с вопросом о переходе в российское подданство.

Первопроходцы, завоеватели Сибири и Дальнего Востока, описаны как конкистадоры, они наделяются в тексте смелостью, жесткостью и честолюбием, но слово “колонизаторы” под запретом, его нет. Особо подчеркивается едва ли не мирный характер включения сибирских народов в имперскую парадигму. Утверждается, что в отличие от европейских колонистов, русские казаки и поселенцы не вытесняли и не уничтожали аборигенов, а местные племена сохраняли охотничьи и рыболовные угодья и были поставщиками ясака. При этом упоминается практика аманатов (заложников из числа местного населения). Особо отмечено, что русские защищали от набегов кочевников, прекращали внутренние усобицы, Упор делается на мирное сосуществование местных и русских переселенцев, т.к. места много, хватало всем. Сам параграф называется «Русские путешественники и первопроходцы XVII века».

В учебнике для восьмого класса период реформ Петра Первого рассматривается с акцентом на сопротивление этим преобразованиям. В параграфе «Социальные и национальные движения. Оппозиция реформам» анализируются причины недовольства, такие как рост налогов, насильственное внедрение европейских порядков и особенности многонационального состава населения, например, в Астрахани. Упоминается обращение Петра Первого к калмыцкому хану Аюке за помощью в подавлении восстания, а также роль Аюки в этом процессе.

Башкирское восстание описано довольно подробно, включая примеры злоупотреблений со стороны российских властей по

отношению к башкирам. В следующем параграфе, «Национальная и религиозная политика 1721–1762 гг.», кратко рассматриваются:

- 1) особый статус Прибалтики со времён Петра Первого
- 2) изменения в управлении Украиной, такие как отмена и восстановление гетманства при Анне Иоанновне и Елизавете Петровне
- 3) башкирские восстания 1735–1740 и 1755 гг., включая упоминание о практике «жалования» башкир казахами (в рамках политики «разделяй и властвуй»)
- 4) религиозные аспекты, например, присяга буддийских лам, регулирование их деятельности и установление штатного числа. Упоминаются массовые крещения в Поволжье, вторая волна самосожжений среди старообрядцев и преследование этой религиозной группы

В тексте для самостоятельного изучения «Народы России. Национальная и религиозная политика Екатерины Второй» говорится об унификации управления в империи. Например, в Украине это проявлялось в ликвидации Магдебургского права, установлении крепостного права и окончательной отмене гетманства. Описывается ликвидация привилегий Прибалтики, унификация органов управления Смоленска и Новгорода. Упоминается Кубанское казачество, созданное принудительно, в результате переселения запорожских казаков, отмечены и иностранные колонисты в Поволжье. Это, пожалуй, единственно употребление слова производного от «колониализм». Есть в тексте и массовые насильственные крещения в среде поволжских народов, и особый контроль за башкирами (Магометанское управление и т.п.). Рассматривается черта оседлости для евреев. После периода правления Екатерины Второй название «Украина» полностью исчезает из учебника. Колонизации Новороссии и Крыма посвящен целый параграф и рассматривается этот процесс очень подробно. Подчеркивается позитивное значение присоединения и «освоения» - слово используется как эвфемизм колонизации. С 2014 года, после аннексии Крыма, этим событиям в Российских учебниках уделяют большое внимание. В параграфе о внешней политике подробно разобраны разделы Польши, подчеркивается, что Россия не претендовала на собственно польские земли.

В учебнике для 9 класса в разделы, посвященные национальной политике, включается Финляндия, но исчезает Сибирь (с периода после 1861 года). В тексте «Национальная и религиозная политика

Николая Первого. Этнокультурный облик страны» комплексно рассмотрены ключевые аспекты имперской политики, включающие положение Польши, Прибалтики (с анализом национальных движений в Литве и Эстонии), Западного края (Украины), с особым вниманием к истории Кирилло-Мефодиевского общества и репрессиям против Т. Шевченко, а также положение еврейского населения и процесс подчинения казахских территорий. Центральными темами исследования стали Кавказская война, представленная как неизбежный прогрессивный процесс с акцентом на прекращение междоусобиц и экономическое развитие, и Восточный вопрос с детальным рассмотрением кризиса Османской империи. Если включать в колониальные сюжеты внутреннюю колонизацию, то среди них есть и отмена крепостного права, и крестьянская община, являвшаяся инструментом колониального, по своей сути, взаимодействия государства и крестьянства.

В параграфах, посвященных внешней политике Александра II и Александра III, присоединение Средней Азии и завершение покорения Кавказа представлены как прогрессивные явления. Завоевание Средней Азии описывается как процесс, направленный на установление «естественных границ» России, прекращение междоусобиц и разбойничьих набегов, а также приобщение местных народов к достижениям цивилизации. Подобным образом, окончание Кавказской войны (1817-1864) при Александре II рассматривается как позитивное событие, результатом которого стало присоединение к России Чечни, горного Дагестана и Северо-Западного Кавказа. Русификация периода правления Александра Третьего в учебнике подается двояко, в духе советской парадигмы. С одной стороны русификация указывается как причина роста антиимперских настроений в Польше (и причина роста революционного движения). С другой стороны, русификация ведет к позитивным изменениям для народов средней Азии и Кавказа. Наличие в остаточном виде советских концептов — еще одна особенность описания колониальных сюжетов.

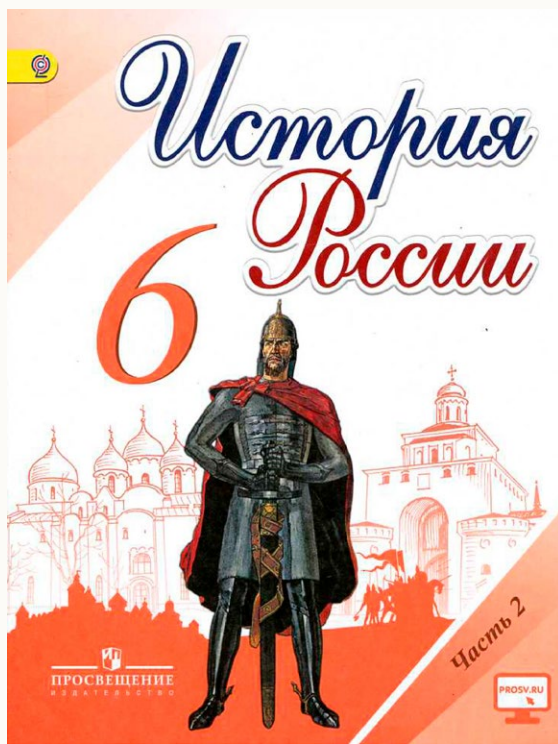
Русско-японская война 1904 – 1905 гг. описывается с помощью концепта империалистическая война, с явной негативной коннотацией, и это тоже следы советской «диалектической» трактовки.

Колониальные сюжеты и их репрезентация в школьных учебниках

В целом, в учебных текстах мы видим три различных трактовки колониальных сюжетов применительно к славянским / неславянским народам/территориям, западным/азиатским народам / территориям и к Сибири/Дальнему Востоку. Славянские народы, белорусы и украинцы, рассматриваются как часть русского народа, включение в состав империи как освобождение от гнета, их включение в имперскую парадигму описывается как «воссоединение», национальная идентичность признается из славян в составе российской империи только за поляками (еще за великороссами, но они исключены из колониального нарратива). Покорение неславянских народов, таких как финны, народы Сибири, Средней Азии и Кавказа, трактуется как «прогрессивное», например: дарование автономии финнам, ликвидация работорговли, железнодорожное строительство, ликвидация пережитков феодализма. Схожим образом описываются народы Сибири – их включение в состав империи рассматривается как безболезненное и «прогрессивное» (в методической части учебников встречаются вопросы о том, почему колонизация («освоение») Сибири носила мирный характер со стороны русских колонизаторов («переселенцев», «первопроходцев»). Народы Дальнего Востока в учебниках не просто лишены субъектности, они почти полностью отсутствуют в учебных текстах. Айны, алеуты, коряки, нанайцы, нивхи, эскимосы, юкагиры не упоминаются вовсе (якуты и чукчи упомянуты).

Колонизация представлена в школьных учебниках очень широко. Но она не репрезентируется как колонизация. Это расширение территорий, укрепление власти, всегда позитивные в оценке учебника явления. Чего нет, так это деколонизации. Национальный аспект революционных движений если и не игнорируются полностью, то остается в тени.

Текст учебника и задания к нему не предполагают рефлексии имперского прошлого. Это объясняется политическим заказом, травмой распада СССР и проецируемой в качестве сверхценности территориальной целостности. При этом, как отмечает уже упоминаемый мной выше Павел Пучков, в постсоветском курсе истории преобладает «русская оптика», которая игнорирует национальные интенции украинцев и белорусов, что способствует восприятию

Обложка учебника истории России для 6 класса, издательство «Просвещение»
Фото: Издательство «Просвещение»

постсоветских государств как исторического недоразумения.⁷ Они воспринимаются как «временно утраченные территории». Логика этого взгляда чрезвычайно проста: именно русские собирали («присоединяли», «осваивали») эти земли на протяжении многих веков, поэтому русским они и принадлежат. Несмотря на обилие колониальных сюжетов в линии учебников, все они рассматриваются исключительно с позиций колонизатора.

Прочитав учебник, можно ответить на вопрос, кто были эти колонизаторы: это служилые люди, монастыри, «первопроходцы» (какой бы смысл ни вкладывался в это слово в контексте русской истории), крестьяне, казаки, иностранные колонисты, исследователи, чиновники, офицеры и каторжане, участвовавшие в колонизации вынужденно. Однако вопрос о бенефициарах процесса колонизации — о

7 Пучков П. Без названия. Телеграм-канал. URL: <https://t.me/schemeofthings> (дата обращения: 31.07.2023).

тех, кто получил выгоду от «присоединений», «вхождений в состав» и «освоений», — в учебниках не поднимается.

В реальности выгоду могли получать разные категории населения: социальные группы, отдельные семьи или личности. Но это не акцентируется в учебных текстах. Логично предположить, что субъектом-выгодополучателем является государство. Однако речь идёт не о государстве как бюрократической машине. Настоящим бенефициаром предстаёт государство как сущность, претендующая на вечное существование. Вечный, возрождающийся, бессмертный Левиафан.

Artikkelforfattere

Kjeka Vikeså, Sofus. Avdelingsleder ved Helgeland Museum, Norge

Kopitsa, Mihail. Historielærer ved Adriatic Novi skole, Herzog Novi, Montenegro

Kuznetsov, Vasilij. Lærer i historie og geografi ved barneskole «Kompas», Bar, Montenegro

Matcegora, Ksenia. Avdelingsleder, avdeling Lurøy og Rødøy ved Helgeland Museum, Norge

Nystad, Rusaanes Ronald. Konservator ved Nordlandsmuseet, avdeling Saltdal, Norge

Selnes, Ragnar. Seniorrådgiver ved Helgeland Museum, Norge

Soleim, Marianne Neerland. Professor, UiT – Norges arktiske universitet, Tromsø-avdelingen, Fakultet for arkeologi, historie, religionsvitenskap og teologi (AHR), Norge

Stokke, Michael. Historiker med ph.d., Forsker ved Narviksenteret, Norge

V. N. Professor. Av sikkerhetshensyn oppgis ikke navnet på forfatteren, som er bosatt i Russland.

Авторы статей

Кьека Викесо Софус. Заведующий отделом Вевелстад, музей Хельгеланда, Норвегия

Копица Михаил. Учитель истории, школа «Adriatic Novi», г. Херцег-Нови, Черногория

Кузнецов Василий. Учитель истории, детская школа «Компас», г. Бар, Черногория

Мацегора Ксения. Заведующая отделами Люрёй и Рёдёй, Музей Хельгеланда, Норвегия

Нистад-Русаанес Рональд. Консерватор, музей Нурланна, отдел Салтдал, Норвегия

Сельнес Рагнар. Старший консультант, Музей Хельгеланда, Норвегия

Сулейм – Нирланд Марианна. Профессор, Арктический университет Норвегии, Институт археологии, истории, религиоведения и теологии

Стокке Михаэль. Доктор исторических наук, исследователь. Нарвикцентр, Норвегия

V. N. Professor. В целях безопасности имя автора, проживающего в России, не разглашается.

Denne artikkelsamlingen, publisert på norsk og russisk, er basert på den internasjonale fagkonferansen «Den glemte historie» fra april 2023, organisert av Helgeland Museum. Artikkelforfatterne utforsker viktige, men ofte oversette aspekter av fortiden, med fokus på forholdet mellom Russland og Norge. Samlingen gir innsikt i historien og dypere forståelse av moderne internasjonale prosesser.

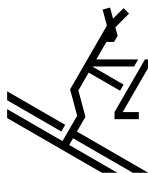
Сборник материалов включает статьи, представленные на международной научно-практической конференции «Забывтая история», организованной музеем Хельгеланда в апреле 2023 года. Издание подготовлено на русском и норвежском языках. Авторы статей исследуют важные, но часто упускаемые из виду аспекты истории, уделяя особое внимание взаимоотношениям России и Норвегии. Сборник способствует углублению знаний о малоизвестных страницах прошлого и помогает лучше понять динамику современных международных процессов.

FORSVARET

The Norwegian
Barents Secretariat

**HELGELAND
MUSEUM
HELGELAANTEN
MUSEUME**